

Донбасская ассоциация русистов
Донецкий национальный медицинский университет
им. М. Горького
Лаборатория медицинской лексикографии и прикладного
языкознания
Фонд гуманитарных исследований и инициатив
«Азбука»

IN NŌMINUM SPATIO.
В ПРОСТРАНСТВЕ ИМЕН

МАТЕРИАЛЫ II
МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОНОМАСТИЧЕСКИХ ЧТЕНИЙ
им. Е.С. ОТИНА

(22 – 23 октября 2016 года)

Донецк – 2017

ISSN 2522-9192

In Nōminum Spatio (В пространстве имен) : Материалы II Международных ономастических чтений им. Е.С. Отина (22 – 23 октября 2016 г.) // Редколлегия: В.М. Калинин (отв. ред.) и др. – Донецк: Издание Фонда «Азбука», 2017. – 202 с.

Книга представляет собой материалы второй Международной ономастической конференции им. Е.С. Отина. Представлены статьи по теории ономастики, антропонимике и топонимике, ономастической лексикографии, поэтонимологии (литературной ономастике).

В сборнике опубликованы работы на русском, белорусском и украинском языках.

Для филологов, преподавателей филологических факультетов, аспирантов, студентов и всех, интересующихся собственными именами.

© ФГИИ «Азбука»

© Лаборатория медицинской лексикографии и прикладного языкознания Донецкого национального медицинского университета им. М. Горького

В слове, и в особенности в имени, – все наше культурное богатство, накапливаемое в течение веков; и не может быть никакой психологии мысли, равно как и логики, феноменологии и онтологии, вне анализа слова и имени. В слове и имени – встреча всех возможных и мыслимых пластов бытия; и еще не было дано достойного анализа имени, хотя уже во многом установлены и соответствующие методы и найдены некоторые формулировки.

А.Ф. Лосев

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

В.М. Калинин (Донецк)

ЗАДАЧИ ДОНЕЦКОЙ ОНОМАСТИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО КРАЕВЕДЕНИЯ ДОНБАССА

Считается, что настоящий ономаст обязательно должен подробно изучить хотя бы один ареал. Эту задачу по отношению к Большому Донбассу и прилегающим к нему пространствам Е.С. Отин выполнял фактически всю научную жизнь, проделал огромную работу, но как истинный учёный свой труд оценивал с исключительной скромностью. Он, положивший начало топонимическому освоению гигантской территории, справедливо считал, что его деятельность нуждается в продолжении, нуждается в последователях.

Началось же всё, как писал сам Евгений Степанович и несколько раз в сообщениях о нём повторял я, с опыта этимологии названия главной реки города Донецка, *Кальмиуса*. Изучив этимологические разыскания предшественников, Е.С. Отин понял, что существующие этимологии гидронима *Кальмиус*, с одной стороны, отражают достаточно длительный в истории топонимической науки период наивных предположений и ошибок, а с другой – явное невнимание к природе топонимического знака и тем ономазиологическим закономерностям, которые проявляются в области гидронимии. Чтобы исправить “перекос”, автор работы предпринял обследование памятников письменности с целью выяснения времени первой фиксации исследуемого гидронима. Оказалось, что форма *Кальмиус* встречается в памятниках не ранее второй половины XVI века. Учёный обнаружил всего два негидронимных употребления речь шла о “новомъ городъ *Кальмиусь* на государевыхъ украинахъ” и о *Кальмиусской сакме* (дороге). Гидро-

In Nōminum Spatio (В пространстве имен)

нима же *Кальмиус* Е.С. Отин в обследованных документах не обнаружил. Речка именовалась либо старославянским именем *Кала*, либо тюркским *Миус*. В ряде памятников XVII века современный *Кальмиус* именовался то *Кала*, то *Калка*, то *Миус*.

О том, что речь идёт об одном и том же объекте свидетельствовали: 1) собранные исследователем описания объекта номинации, в которых подчёркивались извилистость русла и, главное, наличие “углов” (тюрк. *миус* – ‘угол’) в нижнем течении, и 2) исключительная близость к другому, очень похожему по характеру русла и наличию в нём углов, гидрообъекту. Как установил Е.С. Отин, “уже в XVI веке в районе Северного Приазовья созрели предпосылки для дифференциации омонимических названий – собственно *Миуса* (гидронима, вероятно, ещё кипчацко-огузского происхождения) и названия, которое повторяет первый гидроним и выступает как тюркский дублет для обозначения главной речки в бассейне *Калок*. В поисках доказательства этой гипотезы Евгений Степанович перевернул горы материала, но собрал и представил необходимые. В конечном итоге, в представлении учёного, цепь семантико-структурного развития гидронима *Кальмиус* уложилась в следующую схему: 1) – период сосуществования гидронимов *Кала*, *Миус*₁ и *Миус*₂; 2) – противопоставления изоморфных гидронимов *Миус*₁ и *Миус*₂ [славянский двойник становится апозитивной частицей в сочетании *Кал(а)-Миус* (“Миус в системе Кал” или “Миус, он же Кала”)]; 3) – период утраты гидронима *Кала* и смещение старославянской основы в название *Кальмиус* (смысловая структура гидронима *Калмиус* – “не Миус”); 4) – период утраты *Кальмиусом* древней соотнесённости с *Миусом*₁¹.

Начав с установления этимологии гидронима *Кальмиус*, Е.С. Отин развернул “наступление” не только на гидронимию, но и на топонимию Донбасса в целом. Понимая, что в одиночку с грандиозной задачей справится будет трудно, он предпринял

¹ Собранные сведения извлечены из большого количества публикаций Е.С. Отина, касающихся вопроса об этимологии гидронима *Кальмиус*. В список литературы не включены, во-первых, из соображений экономии пространства публикации и, во вторых, исходя из того, что текст предназначен для доклада скорее популяризаторского, чем строго научного.

усилия организационного характера. В результате было положено начало регулярным ономастическим исследованиям в Донецком университете. Окрылённый успехом своего 1 Собранья сведения извлечены из большого количества публикаций Е.С. Отина, касающихся вопроса об этимологии гидронима *Кальмиус*. В список литературы не включены, во-первых, из соображений экономии пространства публикации и, во-вторых, исходя из того, что текст предназначен для доклада скорее популяризаторского, чем строго научного. первого гидронимического опыта, Е.С. Отин создал при кафедре русского языка, а потом и на кафедре общего языкознания исследовательскую группу из числа преподавателей и студентов, заинтересовавшихся ономастической проблематикой. Она-то и положила начало ономастическому краеведению Большого Донбасса. Исследования захватили филологический факультет. Обязательной стала топонимическая практика. А в научные интересы Евгения Степановича навсегда вошла топонимия края, ставшего для него родным. О достижениях Донецкой ономастической школы (тогда, правда, она такого названия ещё не имела) он докладывал на заседаниях Украинской ономастической комиссии и сообщил в двух выпусках «Повідомлень української ономастичної комісії» – «О работе ономастической группы на кафедре общего и славянского языкознания Донецкого университета» [1] и «Хроника (о топонимической работе в Донецком государственном университете)» [2]. А из-под пера руководителя стали регулярно выходить историко-этимологические очерки, посвящённые названиям населённых пунктов и водных объектов юго-востока Украины, Донбасса и бассейна Дона.

Первое, что “озадачило” руководителя, это молодость топонимии Донбасса и, как это ни парадоксально, стремительное её старение. Молодой была урум-румейская топонимия северного Приазовья. А ойконимия области, лежащей между Бахмутом и Донецком с прилегающими к нему населёнными пунктами, вообще имела младенческий возраст. Наиболее “давними” в Диком Поле оказались гидронимы и топонимия Приазовья. Е.С. Отин сразу же оценил консолидирующую роль ойконимии, в значительной части перенесённой из крымской топонимии, превращение её в опорные

In Nōminum Spatio (В пространстве имен)

имена для всей будущей топонимии, внутрисельской и околосельской микротопонимии. Одновременно он обратил внимание и на стремительное старение топонимов, утрату мотивов номинации, возрастающее со временем влияние стихии русской и на северо-западе Донбасса украинской разговорной речи. В предисловии к словарю «Топонимия приазовских греков» Е.С. Отин отметил: «Топонимы – своеобразные памятники истории и культуры того народа, в языке которого они возникли. Их ещё называют “автографами истории”, которые она оставляет в книге земли. В топонимическом ландшафте приазовских греков отразились особенности их прежнего быта и хозяйствования на новых землях, события местной истории, имена и прозвища их предков и т.д.» [3, с. 9].

В 60-70 годы прошлого века под руководством Е.С. Отина проводились полевые диалектолого-топонимические экспедиции не только в приазовский регион, но и по всей Донецкой области. А в 80-90 годы силами студентов-филологов, родившихся и живших в сёлах с урумо- и румеязычным населением, осуществлялось анкетирование населения Северного Приазовья. А сам руководитель, вместе с ближайшими помощниками из числа членов кафедры общего языкознания, изучал многочисленные архивные материалы и военно-топографические карты XIX – XX веков, рукописные карты и земельные планы XVIII – начала XIX веков. Ономастическое краеведение Донбасса как область неизведанного манила учёного. В начале нашего века Е.С. Отин принял решение опубликовать несколькими томами избранные работы по языкознанию. В них он собрал публикации разных лет по истории и этимологии слов, грамматике, но основное пространство в каждом из томов занимала ономастика. Особенный интерес для топонимического краеведения Донбасса представляли, например, в третьем томе трудов статьи «Северский Донец», «Азовское море», «Из истории названий рек Донецкого края», «Балтамур», «Нетриус», «Клебан-Бык», «О некоторых явлениях в топонимии Донбасса советского периода» и другие работы. Обратив внимание на то, что особенностью Донетчины является наличие топонимии “не только на земной поверхности, но и под землёй”, Е.С. Отин в обширной работе описал подземную топонимию Донбасса. Это были

II Международные ономастические чтения им. Е.С. Отина

названия угольных пластов, получивших очень своеобразные названия. В семантике стратонимов (от латинского *stratum* ‘пласт, слой’) отразились различные признаки угольных пластов: характер залегания, угол падения, географическое состояние, свойства угля (цвет, запах и пр.), сферы промышленного применения и даже имена и фамилии владельцев шахт или их родственников. Хотя эта область онимного пространства в настоящее время практически не пополняется, она имеет большое историческое и краеведческое значение. В 2013 и 2014 годах Е.С. Отин собрал воедино и опубликовал некоторые материалы из своего краеведческого ономастического архива в двух книгах – «Топонимия Донетчины» [5] и «Происхождение географических названий Донбасса» [6]. Сделал он это в полюбившейся ему манере – в форме словарей. Всего им было описано таким образом 352 топообъекта. Вместе с теми, что вошли в словарь «Топонимия приазовских греков», их набралось более полутысячи. И это не считая множества вариантов именования одних и тех же объектов.

Сегодня в отчаянных условиях, ограничивающих возможности полевых исследований топонимии и онимии края в целом, перед Донецкой ономастической школой и вообще перед всеми филологами Донбасса во весь рост встала, во-первых, проблема изучения ещё не исследованного материала, во-вторых, задача сохранения уже сделанного, передачи потомкам бесценных краеведческих сокровищ и, наконец, важнейшая из всех – задача организационно-образовательного характера. Мы, старшее поколение учеников Евгения Степановича Отина, не просто должны, обязаны позаботиться о воспитании молодых патриотов родного края, способных продолжить дело Е.С. Отина и превратиться в учителей и воспитателей новых поколений собирателей, хранителей и исследователей родного края. Одним из уже решаемых, обеспечивающих краеведческие исследования больших дел, руководство ДАРА (Донбасской ассоциации русистов), Донецкая ономастическая школа, Фонд гуманитарных исследований и инициатив «Азбука», профессорско-преподавательский состав филологического факультета Донецкого университета и другие здесь не упомянутые, но активные участники краеведческого изучения Донбасса считают широкое информирование научной и

In Nōminum Spatio (В пространстве имен)

культурной общественности об успехах в области гуманитарного краеведения. Представляется важным, чтобы редколлегия научных сборников, издающихся в нашем университете, приняли все необходимые меры для широкой популяризации краеведческих знаний. Для реализации этой задачи уже приняты определённые шаги. Так, редакционная коллегия «Филологических исследований» создала специальный отдел и опубликовала анонс новой рубрики «Филологическое краеведение Донбасса». В нём, в частности, сказано, что в качестве основной задачи новой рубрики Отдел филологического краеведения Донбасса и редакционная коллегия сборника в целом видят знакомство широкой научной общественности с исследованиями отечественных и зарубежных авторов, связанными со всесторонним изучением языков, диалектов, фольклора и литературы народов, населяющих Донбасс. Чтобы не сужать проблематику исследований до ономастического краеведения, о нём специально в анонсе не говорится, но смею уверить собравшихся на открытие ономастических чтений коллег, что, по моему мнению, в ближайших выпусках сборника именно оно будет занимать ведущее место. Уже в первом же выпуске материалов рубрики предусмотрена публикация методических материалов (готовит доцент кафедры общего языкознания и истории языка им. Е.С. Отина Донецкого университета К.В. Першина) по системному и систематическому изучению различных аспектов микропонимии Донбасса, функционированию урбанонимии, эргонимии и других недостаточно пока изученных разрядов собственных имён, обслуживающих население Донбасса. Ну, а если наполнение редакционного портфеля будет регулярным и достаточным, мы предполагаем осуществлять издание специальных выпусков сборника, посвящённых гуманитарным исследованиям Донбасса как культурно- исторического феномена.

Отдавая себе отчёт в том, что сделано, несмотря на гигантский труд, далеко не всё, Е.С. Отин обращаясь к молодым исследователям, подчёркивал: «Это наша “малая родина”, самое дорогое, что есть у человека». И призывал не откладывать дело описания онимии родного края, и напоминал: «Много загадок таят в себе окружающие нас имена, которые когда-то, в период своей молодости были “прозрачны” и всем понятны

II Международные ономастические чтения им. Е.С. Отина

Увлекательной задачей учёных-топонимистов является правильное толкование их значения. Но это уже, к сожалению, не всегда возможно». Предупреждал профессор Е.С. Отин и от наивных предположений и ошибок, возможных и даже неизбежных при отсутствии фундаментальных знаний и необходимой настоящему учёному эрудиции. В.А. Никонов, основоположник ономастических исследований в СССР, считал, что только очень эрудированные и образованные люди смогут стать хорошими историками, географами или филологами. Настоящим же специалистом по собственным именам может стать только очень образованный ономаст, одновременно историк, географ и филолог.

А закончить сообщение я хочу, как и в прошлом году, словами немецкого социолога и философа Макса Вебера, который мудростью своей восхитил Евгения Степановича настолько, что именно этим он закончил очередную свою “эстафетную палочку”, «Гидронимию Дона»: “быть превзойдённым в научном отношении – это не только наша общая судьба, но и наша общая цель. Мы не должны работать, не питая надежды на то, что другие пойдут дальше нас”.

Благодарю за внимание.

ЛИТЕРАТУРА

1. Отин Е.С. О работе ономастической группы при кафедре общего и славянского языкознания Донецкого университета // Повідомлення Української ономастичної комісії / відп. ред. К.К. Цілуйко. – Киев, 1967. – Вип. 3. – С. 46–49.
2. Хроніка (про топонімічну роботу в Донецькому державному університеті) // Повідомлення Української ономастичної комісії / відп. ред. К.К. Цілуйко. – Киев, 1968. – Вип. 6. – С. 57–59.
3. Отин Е.С. Топонимия приазовских греков (историко-этимологический словарь географических названий): Изд. второе, испр. и доп. / Е.С. Отин. – Донецк: ООО «Юго-Восток, Лтд», 2002. – 212 с.
4. Отин Е.С. Гидронимия Дона: монография в 2-х т. / Е.С. Отин. – Донецк: Юго-Восток, 2011-2012. – Т.1: Верхний и Средний Дон. – 2011. – 575 с. – Т.2: Нижний Дон. – 2012. – 792 с.
5. Отин Е.С. Топонимия Донетчины / Е.С. Отин. – Донецк: Юго-Восток, 2013. – 118 с.
6. Отин Е.С. Происхождение географических названий Донбасса / Е.С. Отин. – Донецк: Юго-Восток, 2014. – 199 с.

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ОНОМАСТИКИ И ОНИМОГРАФИИ

Н.И. Иванова (Донецк)

СТАТУС ОНИМОВ В КУЛЬТУРНО-ЦЕННОСТНОЙ СИСТЕМЕ

*Имя – импульс культуры, но оно и результат ее.
В.Н. Топоров*

В статье рассматривается вопрос онимной номинации, которая детерминирована уникальными ментальными, ассоциативно-образными способностями субъекта, и является отличительной приметой культурно-языкового сообщества.

***Ключевые слова:** собственные имена, номинация, ассоциации, культурное сообщество.*

В арсенале культуры хранится огромное богатство исторического опыта, эстетических смыслов и эмоционально-чувственной глубины, с каждым исследователем или просто интересующимся лицом культура щедро делится своим наследством. Нет смысла в который раз повторять ставшие банальными и потому обесмысленными сентенции о «ценности существования нации», которая заключается в «глубине и практической и теоретической необходимости культурно-языкового фонда», «накопленного и переданного ею для сохранения в памяти народного духа». Закавыченные отрывки процитированы без указания автора: это коллаж из разных статей, части можно переставлять в любом порядке и начать с них (как и закончить) можно любую работу. Архитектор будет то же говорить о необходимости «передать

II Международные ономастические чтения им. Е.С. Отина

будущим поколениям» «материальную сокровищницу» в камне и дереве, музыкант – подтвердить многочисленными примерами идею «антропоцентрической направленности» музыкальных произведений. И каждый будет прав. Любой факт культуры – данность, заслуживающая внимательного и уважительного изучения, и каждая наука приоритетным видит мелодию, камень или слово. Объекты и инструменты изучения разные, но во главе всего стоит человек как создатель и как исследователь.

Языковые явления интересны прежде всего отражающейся в них личностью. Классической структурной лингвистике *vivat*: ее достижения подготовили почву и обозначили перспективы нынешних направлений, ориентированных на изучение языкового сознания. Оно, по В. Гумбольдту, – внутренняя форма языка [5, с. 204], которая характеризуется особой отмеченностью личностного начала в языке. Язык одинаков для всех, но он же и различен для каждого. План содержания онимов как любых других языковых единиц напрямую денотативно соотнесен и в этом смысле представляет факт обыденного сознания, факт объективной картины мира. Но сами языковые единицы (язык) мир не отражают непосредственно, они отражают способ представления (или концептуализации) этого мира. А это механизм всегда индивидуальный, личностный. Даже если воспроизведение онима – результат деятельности сознания отдельной языковой личности, то создание своей онимной номинации в максимальной степени детерминировано уникальными ментальными и ассоциативно-образными способностями субъекта¹.

¹ Правильно было бы называть субъекта, создателя речевого произведения речевой личностью: восприятие речевого произведения и создание своего отражает способность человека к речевой деятельности, которая формируется целым комплексом его психофизических свойств. Но есть основания в использовании термина языковая личность как обозначение человека, опирающегося в своей речевой деятельности на факты языка. Приводить доводы, доказывая одно и опровергая другое, наверное, непродуктивно. Эта тема, возможно, интересна для отвлеченной дискуссии, но не принципиальна в выяснении роли личности в выборе и использовании онимных обозначений.

Субъект высказывания – категория не абстрактная: это конкретный человек назвал городок, в котором живут персонажи «Братьев Карамазовых», Скотопригоньевском; у конкретного В. Шаламова в лагере рождаются необычные и пронзительно трагичные ассоциации: «Где душа? Она кожей шагреновой / Уменьшается, гибнет, гниет. / Песня? Песня, как Анна Каренина, / *Приближения поезда ждет*». И конкретные люди придумали задорно-веселое название месту своего проживания: «Во Владимирской области есть маленький городок. До войны шесть семей получили разрешение построить себе дома в поле на полпути между городом и совхозом. Потом к ним присоединилась еще одна семья. И кто-то, любуясь бескрайними просторами полей, однажды обратил внимание на трогательную в своем одиночестве и отдаленности от другого жилья короткую линию домиков и в изумлении воскликнул: «*Смотрите, семь домиков! Неделька!*» Название закрепилось прочно, хотя район уже застроился» (Русская речь. – М., 1971. – № 4.).

Рождающиеся представления реализуются разными средствами, слово (и уже – оним) – одно из них. Языковое поведение человека представляет результат выбора, прежде всего, лексических единиц (а потом уже их структурирование, распределение в высказывании, связь и т.д.) в выбранных словах и мир ценностей человека, и его духовный облик, и интеллект. «Язык самым непосредственным образом связан с выражением личностных качеств человека», – замечает один из основателей новых направлений в лингвистике как междисциплинарного синтеза когнитологии, этнопсихологии и др. Воркачев С.Г. [2, с. 65].

Используемые слова декодируют человека и с психической, и с ментальной, и с коммуникативной etc сторон. (Любителям игры в терминологию надо бы придумать термин, совмещающий homo sapiens и homo loguens.) Онимы в этом смысле представляются беспрецедентно знаковой единицей. Они образуют совершенно уникальный фонд языка (своеобразный энциклопедический, исторический, культурный архив) и являются своеобразным квалификатором языковой личности.

Определенные ситуации, образы являются объектами памяти, знаний, воображения. Формируются они в сфере когнитивного и чувственного восприятия действительности. Они способны передавать информацию и быть эмотивным выразительным средством одновременно. В постоянном распоряжении человеческого мышления находятся тысячи слов, выбор онима из этих тысяч должен быть серьезно мотивирован. Одна из причин этого выбора, возможно, определяется большим объемом возможностей онимов: в одном слове без комментирующего сопровождения и фиксация конкретного факта, и актуализация некоего смысла, и характеристика ситуации или человека, и их эмонационализация. Все эти свойства могут и не проявиться, если оним только называет объект с целью его идентификации, т.е. когда он амбивалентен как вербальный знак в системе языка (стандартная единица номинации).

Реализуются эти референции только в лексико-семантической системе, создаваемой языковой личностью и, несмотря на субъективный характер этой системы (контекста), имплицитированные смыслы содержат элементы обобщенности, их может понять каждый. Правда, А.А. Ухтомский, утверждая, что субъективные показатели столь же объективны, как всякие другие, попутно отметил: «для тех, кто умеет их понимать и расшифровывать» [10, с. 98] (подчеркнуто мною – *Н.И.*). Но для понимания онима и текста это-то условие и становится самым главным, иначе смысла в использовании онима нет. Вот например, отрывок из статьи К. Чуковского «Две души»: «Людишки – вот истинный Бог для Горького. Бог как бы эманация людишек, людишкиных вожделений и мук. Главное – люди, а Бог – производное. Люди – субстанция, а Бог – атрибут. Религия Горького – земная, безнебесная. Он весь в людском муравейнике, конечном, здешнем, временном. Он весь в практике, в физике, он не Мария, но Марфа, и *слава Богу, что Марфа; довольно уже с России Марий*». Параллель, создаваемая Чуковским: Горький – Марфа, но не Мария, - лежит в плоскости культурных, духовных ценностей, они понятны людям, знакомым с евангельскими притчами: «Женщина, именем Марфа, приняла Его в дом свой; у нее была сестра, именем Мария, которая села у ног Иисуса и слушала *In Nōminum Spatio (В пространстве имен)*

слово Его. Марфа же заботилась о большом угощении и, подойдя, сказала: Господи! или Тебе нужды нет, что сестра моя одну меня оставила служить? скажи ей, чтобы помогла мне. Иисус же сказал ей в ответ: Марфа! Марфа! ты заботишься и суетишься о многом, а одно только нужно; Мария же избрала благую часть, которая не отнимется у нее».

Автор третьего Евангелия апостол Лука передает историю о сестрах как поучительное наставление, ключевыми символическими фигурами в которой являются Марфа и Мария. Притча строится как рассказ о Христе, который пришел в гости к упомянутым женщинам и стал наставлять их в Божьей воле. Марфа между тем готовила угощение, чтобы оказать другу необходимое гостеприимство, а Мария сидела возле Иисуса и, ни на что не отвлекаясь, слушала его наставления. Хлебосольную сестру это обстоятельство вывело из себя, и она пожаловалась Христу, что Мария оставила ее одну на кухне заниматься трапезой, а сама предалась разговорам. Иисус отреагировал на это неожиданно – он осадил Марфу, заявив, что ее хлопоты - это житейская суета, не имеющая большого значения, тогда как Мария выбрала то, что действительно важно и необходимо человеку, а именно слушание Воли Божией. Он назвал поведение младшей сестры благой частью, добрым выбором.

В этой притче нет призыва к категорическому отказу от повседневных забот, но говорится о необходимости четкого осознания вечного и временного, абсолютного и относительного. В каждом человеке есть на уровне субличности своя Мария и своя Марфа. От того, чей голос более слышен и авторитетен человеку, зависит качество его жизни, осмысленность и внутреннее, духовное развитие. Марфа (практичность, сиюминутность, временность) и Мария (созерцательность, духовная глубина, вечное) стали символом различных установок в жизни христиан.

Вне этих знаний обесмысливается использование онимов-символов.

В другой статье о Блоковской пьесе «Роза и Крест» Чуковский прибегает к еще более сложным ассоциациям: «Та Прекрасная Дама, которой поклоняется рыцарь Бертран,

II Международные ономастические чтения им. Е.С. Отина

была вовсе не Прекрасная Дама, а мелкая, лживая, вульгарная тварь. Не Текла, но Фекла. Она не стоит ни молитв, ни песен. На Бертраана она не обращает внимания: у нее пошлый роман с пошляком. Но Блоку и не нужно, чтобы она была Теклой, он и Фекле поклоняется, как Текле: «Я коснуться не достоин / Вашей розовой руки», и благоговейно отдает ей свою жизнь». У самого А. Блока разное звучание этого имени создает разные коннотации: очарованный нежной мечтательностью девушки, поэт подбирает ей имя:

«О, нежная! О, тонкая! И – быстро

Ей мысленно приискиваю имя:

Будь Аделиной! Будь Марией! Теклой!

Да, Теклой!». Но увидев пошлое свидание с развратным офицером, кричит:

«Я хохочу! Взбегаю вверх. Бросаю

В них шишками, песком, визжу, пляшу

Среди могил – незримый и высокий...

Кричу: «Эй, Фекла! Фекла!»» (Блок. Над озером).

Имя Фекла имеет древнегреческое происхождение: θεός (Бог) и κλέος (слава), обозначает «слава Божья». На латинском звучит *Theclā*. В ряде европейских стран является достаточно популярным. На русскую землю имя Текла (именно так оно произносилось «Текла», в этом же звучании это имя сохранилось во многих современных странах) пришло из Византии и стало известным благодаря ученице апостола Павла. За христианскую веру святая была заключена под стражу, а затем брошена на растерзание диким животным, и только чудом звери не тронули ее. Постепенно это имя приняло звучание Фекла. Эта форма имени считается простонародно-грубой, а Текла – изысканной и благородной. В «Словаре коннотативных собственных имен» Е.С. Отина об имени Фекла дается следующая информация: «Распространенность имени в крестьянской среде, у женщин «низших» слоев общества», а само имя подается в регистре УКА2 - «узусальный коннотативный антропоним с интралингвальной коннотацией и широким диапазоном известности»: «малопривлекательная и недалекая женщина» [9, с. 359].

У каждого автора художественная картина мира моделируется всегда индивидуально, непредсказуемо («Мы *In Nōminum Spatio* (В пространстве имен)

видим окружающий нас мир только посредством того образа мира, который носим в себе» [4, с. 144]), что не в последнюю очередь формируется онимами.

Но онимы не ограничиваются моделированием художественной сферы, эксклюзивность их – в способности выходить на иной, более широкий и глубокий, уровень понятийной системы. Они представляют концепты, которым нет полного и адекватного соответствия, хотя считается, что онимы в высшей фазе своей символизации, становясь обобщающим знаком, приобретают признаки апеллятива. Онимная концептосфера подвижна, она подвержена влиянию внешних факторов – исторических, культурных, политических, социальных, – и в то же время сама влияет и даже в некоторой степени формирует свое пространство. Мода на имена и, наоборот, забвение некоторых имен, этимологическая ночь некоторых онимов, их переосмысление, появление коннотаций у имен или их апеллятивных производных вполне нейтральных, с изначальным нулевым эмоционально-образным ресурсом, – все эти процессы не оригинальны, они происходят со многими словами. Но если для апеллятива это обычное явление, то для онима как единицы индивидуально-го, идентифицирующего наименования – достаточно редкое.

Изучение понятийного содержания собственных имен требует комплексного подхода, учитывающего в том числе и ненаучные знания. Без знаний референтных сущностей оним будет семантически пустой формой. Для рядового носителя языка это факт, конечно, ничтожный. Не-знание Брунгильд, Фетид, Зигфридов и прочих субъектов (коими так наполнены тексты русской и всемирной литературы) не лишит читателя эмоционального удовольствия, но оно все далее уводит нас от истории Цивилизации, некоторые тексты требуют к себе комментариев бóльших, чем сами тексты, а в конечном счете это влияет на усеченное, ограниченное (и поэтому в какой-то степени ущербное) понимание художественного мира и больше: вообще картины мира, нарушается восприятие ее как целостного образования, представляющего взаимосвязанность атомарных сущностей. Исправление этой ситуации вряд ли возможно, скорее всего, этот процесс будет только убыстряться. Лингвист остановить его не может, но в

II Международные ономастические чтения им. Е.С. Отина

его силах зафиксировать и объяснить сущности вербального мира, связанные с онтологическим миром.

Значимость такой формы, представленной онимом, блистательно показана в стихотворении М. Цветаевой «Попытка ревности». Оно, обращенное то ли к К. Родзевичу, то ли к М. Слониму (последний в воспоминаниях утверждает, именно к нему), пронзено обидой, болью, упреками к бывшему возлюбленному. Не погружаясь в литературоведческий анализ, сосредоточимся на одном слове – Лилит. Лилит – это сама Цветаева. Понимая свою неповторимость, сложность, духовную глубину, она понимает также, что любить такую женщину – под силу не каждому, проще и легче с простою: «Как живется вам с другою, - Проще ведь?»; «Как живется вам с простою женщиною?» (подчеркнутое слово выделено автором – *Н.И.*); «Как живется вам с любою...»; «Как живется вам с подобием – вам...»; «Как живется вам с товаром рыночным»; «Как живется вам с земною женщиной?»; «Как живется вам с сто-тысячной – вам, познавшему Лилит!». Цветаева-Лилит – высота, которую никому не взять Интересный ассоциат. В достаточно жесткой форме Цветаева себе-Лилит противопоставляет всех остальных. Здесь Лилит – это как прекрасное у С. Моэма: «Оно как аромат розы: его можно понюхать, и все. Прекрасное – это тупик. Горная вершина, достигнув которую дальше некуда идти» (С. Моэм, «Пирог и пиво»). Лилит – первая женщина Адама, это неограниченная стихия, вне понятий добра и зла. Та самая энергия, которой так боятся мужчины. Она – слишком хаотичная, авантюрная, греховная, желанная, властная, женственная... Слишком – для обычного мужчины. Все европейские религии изъяли ее из канонических текстов и заменили удобной Евой (хотя и она оказалась верной последовательницей Лилит). Лилит называют демоном (Микеланджело в Сикстинской Капелле ее изобразил женщиной-змеей, а у Л. Андреева в «Розе Мира» Лилит описывается как «всемирная Афродита всех человечеств»), а в сущности, она – женское начало, где перемешаны хаос и гармония. Это онимное обозначение можно считать концептуально значимым ядром текста.

Как часть языка, онимы живут по его законам, как личностные конструкторы – создают свои правила, свое личное

In Nōminum Spatio (В пространстве имен)

пространство. Объяснение каждого случая использования онима, механизмов его эмоционального воздействия на слушателя/читателя, его сущности как отличительной приметы момента исторического времени, культуры, национально-языкового сообщества может быть правильным и убедительным только при условии взгляда на язык как на феноменальное явление: язык – объясняемый объект и язык – объясняющее образование. Только в такой парадигме будет понятно своеобразие онимов как объективно-субъективной единицы.

Используемый оним (именно используемый – т.е. в устах конкретного человека, в условиях конкретного текста, а не просто как языковая единица, формально что-то/кого-то называющая) – объективный факт в субъективных обстоятельствах. Предусмотреть, рассчитать модели использования и восприятия онима невозможно, именно поэтому привлекательной представляется задача исследовать оним как иллюстрацию ментальных способностей языка и как средство формирования языковой картины мира.

Языковая картина мира понимается Колшанским Г.В. как творение человека, а язык – как звуковая книга, в которой запечатлены все пути понятийного усвоения мира человеком [7, с. 24].

Но ведь язык еще «есть мерило ума, души и свойств народных». Это о русском языке вдохновенно говорил академик А.С. Шишков.

«Ум, душа и свойства народа» - категории довольно размытые, трудно поддающиеся научному объяснению (если вообще поддающиеся), но при этом понятно, что имеет в виду Шишков. В переводе на современный язык его торжественная и может быть, несколько пафосная (но искренняя характеристика) русского языка означает эффективность языковой системы в конструировании любых концептуальных схем, в способности прямым или непрямым способом реагировать на общественную, материальную, духовную жизнь социума, в создании духовно ориентированных смыслов. Мир языка – это не только отражение внешнего мира, но и внутреннего мира человека. «Страстность русского характера влечет его за пределы «взвешенного среднего», вполне достаточного

II Международные ономастические чтения им. Е.С. Отина

для познания «внешней предметности»; то, что «поставлено выше себя», заносит ум за пределы пустой «вещности», ищущая разум на поиски крайних сил бытия», - это сказано В.В. Колесовым, современным ученым [6, с. 6].

Все, что есть в языке, может выполнить любую задачу: описательную, классификационную, сигнификативную, коммуникативную и т.д. Оним прежде всего выполняет функцию номинативную. Все остальные функции не есть собственно функции самого онима, этими функциями онимы наделяет реальная личность. Субъект, обозначая внеязыковую реальность уже существующими, не придуманными им онимами, по сути создает новую (или иную) действительность. Она индивидуальна, эксклюзивна. А это же и есть творчество. Л.С. Выготский, отмечая роль нашего мозга в сохранении прежнего опыта и облегчении воспроизведения этого опыта, утверждал, что мозг не ограничивается только этим: «кроме воспроизводящей деятельности, легко в поведении человека заметить и другой род этой деятельности, именно деятельность комбинирующую или творческую» [3, с. 237].

Творческая переработка наблюдается и в использовании онимов. И не только в художественных или публицистических текстах, в устной речи можно услышать весьма интересную интерпретацию, только не зафиксированные на бумаге, эти примеры, к сожалению, не пополняют исследуемый фонд. Но разнообразие художественных онимов и их широкая амплитуда смыслов компенсирует это пробел.

Повесть М. Пришвина «Журавлиная родина» являет собой описание настоящего творческого процесса имянаречения персонажа. Здесь и психологические стимулирующие факторы, и пучки ассоциативных образов: «В своем увлечении живо-писать, значит, всматриваясь в натуру и оставляя в ней все на месте, различать или находить в ней лицо, я иногда дохожу до того, что становлюсь в тупик от необходимости переменить имя описываемой личности. Не знаю, почему так приходится в большинстве случаев, что имя, носимое человеком, отвечает внутренним особенностям личности и при первой записи все испортишь, если возьмешь имя другое, тогда все пойдет кривь и вкось. А когда потом приживешься к имени, от себя что-нибудь прибавишь, то и

In Nōminum Spatio (В пространстве имен)

технически бывает трудно заменить; тогда нужно бывает, чтобы в новом имени было непременно столько же слогов, иначе ритм будет нарушен, фраза перестанет звучать. А сколько личных необъяснимых препятствий; Алексея представляешь себе с трубкой в зубах, а переменишь на Николая, *то Николай почему-то выходит без трубки. И так много всего*». Имя стало знаком, концентрирующим в себе сущностные качества его носителя, как подчеркнул П. Флоренский: «... в литературном творчестве имена суть категории познания личности, потому что в творческом воображении имеют силу личностных форм» [11, с. 465]. И даже при случайном наречении возникает такое слияние поэтической личности и ее имени, что в итоге трудно установить логическую последовательность их связи: имя отражает личность или влияет на ее восприятие. Интересно в связи с этим еще одно высказывание П. Флоренского: «...поэт, опираясь на интуитивно добытое им имя, сам не вполне знает, как дорого оно ему. Лишь при необходимости расстаться с ним обнаружилась бы существенная необходимость этого имени, как средоточия и сердца всей вещи» [11, с. 452].

Отрывок из повести нашего современника как будто перекликается, продолжает профессиональную писательскую беседу с Пришвиным о тайнах собственного имени: «Важнейшее значение есть у имен, на судьбу человека влияет, так мне кажется. Не был бы Юрием, *а был бы, скажем, Виталием или Иваном, то вся бы жизнь чуть по-иному сложилась бы. А может, и не чуть, а существенно, словно в имени некий код судьбы уже зашифрован. Иногда имя не сливается с человеком и воспринимается как табличка, на него навешенная, а некоторые спаянные с ним так, что иного и представить нельзя*».

Оним, закрепленный за конкретным объектом, получает понятийное содержание от качеств этого объекта. Происходит это только в речи, ведь только речевые ситуации предоставляют возможность ониму не только «привязаться» к денотату крепчайшими узами, но и отсканировать на себя его качества. Оним, как наследник первой очереди, берет себе от своего денотата все. Все – это понятие, которое, как и

наследство, единично и неповторимо. Как «все слова пахнут определенным человеком, поколением, возрастом, днем и часом» [1, с. 106], так оним имеет разный ассоциативный образ. Собственные имена живут по своим правилам.

А. Новиков в книге «Блок» проводит свою параллель двух великих поэтов (речь идет о выступлении А. Блока 13 февраля 1921 года, названного «О назначении поэта»). «Блок ошеломляет слушателей уже первой фразой: «Наша память хранит с малолетства веселое имя: «Пушкин». И в самом конце настойчиво повторяет тот же парадоксальный эпитет: «В этих веселых истинах здравого смысла, перед которым мы так грешны, можно поклясться веселым именем Пушкина». «Веселость» в данном контексте – это тот абсолютный «плюс», которым помечено истинное искусство. <...> Когда в финальной фразе автор призывает нас поклясться «веселым именем Пушкина», в сознании читателя само собой возникает: «веселое имя - Блок»» (А. Новиков, «Блок»).

Художественный текст дает в этом смысле точные маячки-указатели, ведущие читателя единственно правильной дорогой понимания линии имя – денотат. Как, например, в отрывке из стихотворения таким маячком ассоциативно-мыслительной деятельности является «Невский»: Невский проспект – Ленинград – Бродский (а какой же еще Иосиф может быть связан с этими ключами-указателями): «Нам же набережной плеск, / Плашка вымытой монетки / а подвытертая плешь / под волной травы... На Невской / Было паперти точь-в-точь, / где гулял живой Иосиф...» (Наталья Загвоздина, «Венецианский ключ»).

А. Терц, говоря о пушкинском «Медном всаднике», виртуозно связывает и одновременно разделяет автора и персонажа посредством онимов, оставляя место и для другого персонажа под этим именем, не называя его (Евгения Онегина), и значит, и его вовлекая в орбиту одного ассоциативного пространства: «Евгений! Какое значительное у Пушкина имя, варьирующее один и тот же примерно сюжет человека, глухого к поэзии, далекого от нее, но все-таки чем-то родного и приятного автору. Евгений!.. Ба! уже не есть ли это светское, мирское имя того, кто в духовном своем сане

известен как Александр Пушкин?! Известны его пародийные мысли, близкие Евгению с его маленьким счастьем на общих путях...» (А. Терц, «Прогулки с Пушкиным»).

Смыслы, которые автор желает отразить в имени собственном, могут ничего и не значить, если их не сумеет увидеть читатель. Маршак говорил, что для каждого талантливого писателя нужен талантливый читатель. Может быть, и не талантливый, но хотя бы знающий. Иначе не только не откроются вторичные семы значения имени, но не будет понятен вообще смысл сказанного. Онимы являются культурными идентификаторами эпохи, пишущего и – читающего. Люди, принадлежащие к одной культуре, понимают явления реального и ирреального (вымышленного) мира одинаково, потому что мыслят категориями одного языка («национальная языковая личность») в одной понятийной системе, но оценивать, интерпретировать могут по-разному. И эта способность не в последнюю очередь зависит от уровня культуры. Д.С. Лихачев утверждал: «Культура основывается на знаниях, хотя сама не является просто большим объемом знаний. Культура – это прежде всего результат знаний, – знаний упорядоченных и вместе с тем осознающих свою недостаточность» [8, с. 239].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики // М. М. Бахтин. – М., 1975. – 504 с.
2. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С.Г. Воркачев // Филологические науки. - 2001. - №1. – С. 64-71.
3. Выготский Л.С. Психология развития ребенка // Л.С. Выготский. – М.: Смысл-ЭКСМО, 2003. – 512 с.
4. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики / Под ред. Л.М. Скрединой. – М., 2004. – 240 с.
5. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию // В. Гумбольдт. – М. : Прогресс, 2000. – 394 с.
6. Колесов В.В. Русская ментальность на фоне западноевропейской / В.В. Колесов // Образ мира в зеркале языка: сб. научных статей. – М. : ФЛИНТА, 2011. – С. 5 – 15.
7. Колшанский Г.В. Объективная картина мира и познание в языке / Г.В. Колшанский. – М. : КомКнига, 2006. – 128 с.

II Международные ономастические чтения им. Е.С. Отина

8. Лихачев Д.С. Русская культура // Д.С. Лихачев. – М. : Изд-во «Искусство». – 2000. – 440 с.
9. Отин Е.С. Словарь коннотативных собственных имен / Е.С. Отин. – Донецк: ООО «Юго-Восток, Лтд», 2004. – 412 с.
10. Ухтомский А.А. Избранные труды (Серия: Классики науки) // А.А. Ухтомский. – М. : Наука, 1978. – 372 с.
11. Флоренский П.А. Имена // П.А. Флоренский. – М.–Харьков, 1998. – 795 с.

К.С. Федотова (Донецк)

О МАТЕРИАЛАХ К СЛОВАРЮ ПОЭТОНИМОВ В ПОЭЗИИ НИКОЛАЯ ГУМИЛЕВА

Рассмотрены цели и задачи лексикографирования онимной составляющей языка писателя. Предложена макро- и микроструктура словаря поэтонимов в творчестве Н.С. Гумилева. Описаны обязательные и факультативные компоненты словарной статьи.

Ключевые слова: лексикография, поэтоним, поэтонимография, Н.С. Гумилев.

Теория поэтонимографии (от поэтоним – номинативная единица художественной речи, и греч. *γράφω* – ‘пишу’) как раздела авторской лексикографии в настоящее время недостаточно разработана. С одной стороны, это приводит к тому, что в разных словарях онимная лексика языка писателя представлена по-разному, различна общая структура и компоненты словарной статьи. С другой стороны, отсутствие общепризнанных правил лексикографирования поэтонимов предоставляет исследователям определенную свободу, в которой имплицитно заложена возможность ошибки и поиска новых решений.

В последние десятилетия были изданы как минимум четыре словаря онимной лексики языка писателя. Это словарь «Художественная характеристика топонимов в творческом наследии А. С. Пушкина» [2], монография «Теория и практика лексикографии поэтонимов» [3], «Словарь имен собственных в поэзии Валерия Брюсова» [4] и словарь «Собственное имя в русской поэзии XX в.» [1]. Кроме того, собственные имена в разном объеме отражены в общих словарях языка писателей, которых с 1990 года вышло не менее четырнадцати.

II Международные ономастические чтения им. Е.С. Отина

Явная увлеченность филологов вопросами лексикографирования, кажется, объяснима «духом времени»: безразмерность информационного поля, в которое вовлечен современный человек, в большей или меньшей степени вводит его в состояние хаоса. О каждом значительном писателе и поэте, жившем пятьдесят и более лет назад, написано во много раз больше, чем им самим. Сгруппировать и систематизировать эту информацию достаточно сложно, хотя определенные усилия к этому уже прилагаются: создаются электронные библиотеки со свободным доступом, электронные академические собрания сочинений и библиографические базы данных. Во многом «развевать туман» информационного хаоса помогают исследователи, которые занимаются составлением полных собраний сочинений писателей: как правило, в таких изданиях собраны варианты и черновые наброски произведений, а также приведены обширные комментарии, содержащие разные трактовки того или иного художественного текста. Составление словаря языка писателя – обязательный (как правило, следующий за выходом академического собрания сочинений) этап признания поэта, значимости его творчества для отечественной литературы и культуры. Хороший словарь языка писателя по сути является справочником по его поэтике и стилистике, а также содержит фундамент для дальнейших научных исследований.

Словарь поэтонимов может восприниматься как самостоятельный раздел общего словаря языка писателя, особенно если онимная лексика в общий словарь частично или полностью не вошла. Так, например, словарь поэтонимов «Евгения Онегина», составленный В.М. Калинин, можно охарактеризовать как дополнение к «Словарю языка Пушкина». Но одновременно с этим работа В.М. Калинкина является завершенным и самостоятельным лексикографическим трудом. Онимная лексика – лишь компонент языка писателя, но через нее проявляются все особенности авторской поэтики и стиля, раскрывается творческая личность, становятся понятны предпочтения автора в выборе имен, и его мировоззрение. Потому знания, которые дает читателю словарь поэтонимов, не ограничены только знаниями об авторском поэтонимиконе или перечне тропов и фигур, в которых функционирует то или

In Nōminum Spatio (В пространстве имен)

иное имя. Словарь поэтонимов должен быть в определенном смысле энциклопедичен и представлять систему взаимодействия собственных имен в языке писателя. Информационный хаос, кроме собственно хаоса, порождает стремление к универсальности и всеобщности.

Появление первых приближенных к современным энциклопедий связывают с эпохой Возрождения и изобретением в XV в. печатного станка. Нечто подобное наблюдается и с появлением компьютера. Возможность собрать и распределить материал в базе данных, исключение ошибок, вызванных «человеческим фактором», способность быстро изменить расположение и структуру материала, добавить новые категории анализа или убрать уже существующие – все это, несомненно, влияет на общую методику лексикографии и приводит к увеличению количества лексикографических исследований. Интерес к творчеству Николая Гумилева и работа над составлением базы данных собственных имен в его произведениях натолкнула нас на мысль попробовать свои силы в составлении словаря поэтонимов. Ниже представлена структура этих словарных материалов.

В словарные материалы вошли собственно поэтонимы, отонимные прилагательные, некоторые периферийные единицы номинации (отапеллятивные поэтонимы) и редкие для русского читателя этнонимы, а также собственные имена из заголовков. В словарь не включены имена, присутствующие в ранних вариантах произведений и исключенные из конечного текста, не включен перечень всех заголовков и их вариантов (более 350 онимных единиц), имен из эпитафий (одна онимная единица и одно отонимное прилагательное) и их авторы (четыре), посвящения, а также топонимы, указывающие на место написания произведения (четыре указания по собранию сочинений). Отсутствие перечисленных проприальных единиц в словаре продиктовано в основном тем, что для отражения всех без исключения собственных имен необходима сверка с оригиналами или точными копиями рукописей и автографов, доступа к которым у нас пока нет. Однако все же отмечены некоторые случаи перемен в форме имени, если таковые зафиксированы в разных изданиях произведений.

Словарные материалы содержат 760 статей, более 1400 контекстов употреблений собственных имен и состоят из: собственно словарных материалов, алфавитного указателя, таблицы частотности поэтонимов, указателя шифров названий, краткого словаря терминов поэтонимологии, списка цитируемой литературы. Номинативные единицы для словника отбирались методом сплошной выборки из первых четырех томов («Стихотворения. Поэмы») полного собрания сочинений поэта.

Раздел «Собственное имя в поэзии Н. Гумилева: материалы к словарю языка писателя» разделен на подразделы по разрядам собственных имен, внутри каждого подраздела имена расположены в алфавитном порядке. К этим подразделам относятся: антропоэтонимы, топопоэтонимы, зоопоэтонимы, идеопоэтонимы и прагмапоэтонимы, астропоэтонимы и космопоэтонимы.

«Алфавитный указатель поэтонимов» составлен для удобства пользования словарными материалами. В качестве заголовочных слов представлены только те формы и варианты собственных имен, которые употреблены поэтом. В алфавитно-тематическом словаре читатель не найдет статьи Леонардо да Винчи, потому что такая форма имени в поэзии Гумилева не встречается, но зато в разных стихотворениях встречаются по отдельности формы Леонардо и да Винчи, которым и посвящены соответствующие статьи.

Указатель оформлен в виде таблицы из трех столбцов: поэтоним, раздел книги, к которому отнесено собственное имя, количество употреблений. Метод подсчета употреблений может оказаться полезным при изучении особенностей поэтонимии писателя. Так, в поэтонимиконе Гумилева выявлено преобладание библейских собственных имен: Христос, Адам, Ева, Люцифер, теопоэтонимов Бог, Господь, Творец, топопоэтонимов Африка, Нил, Рим. Еще один указатель отражает шифры произведений и их названия. В конце представлен краткий словарь терминов и понятий поэтонимологии (литературной ономастики) и список литературы.

Структура словарной статьи. Словарная статья, характеризующая функционирующий в тексте произведения поэтоним, состоит из обязательных и факультативных ком-

In Nōminum Spatio (В пространстве имен)

понентов. Обязательные компоненты словарной статьи: заголовочное слово, указатель употребительности поэтонима, отображение вариантов имен, разряд и тематическая группа, энциклопедическая справка, иллюстративный материал, шифр. Факультативные компоненты: вариант имени в реальном ономастиконе, комментарий к форме поэтонима, этимологическая справка, поэтонимологический комментарий.

Заголовочное слово. В словарные материалы включены следующие типы лексики:

1. Существительные-поэтонимы в форме именительного падежа единственного или множественного числа. При этом поэтонимы, употребленные во множественном числе, вынесены в отдельные статьи с пометой «мн.», например: **АМЕРИКИ**, мн., **ЛИГЕИИ**, мн. Такое решение обусловлено тем, что, будучи употребленными во множественном числе, эти типы поэтонимов развивают переносные значения, которые для них становятся основными, и отсылают к объектам, отличным от обозначаемых тем же именем, но в единственном числе.

Если один и тот же объект назван именами, которые являются частью одной антропоформулы, для каждого такого варианта дается отдельная статья с соответствующими отсылками. Например, имена **ЧУКОВСКИЙ, КОРНЕЙ ИВАНОВИЧ ЧУКОВСКИЙ, КОРНЕЙ**. Такой способ построения статей обусловлен фундаментальным для автора книги принципом представления материала: каждое имя и каждый его вариант должны быть отражены в том виде, в каком их употребил поэт. Объект номинации остается неизменным, но форма имени выражает авторскую оценку, отношение к именуемому персонажу и – в пределах одного произведения – динамику этих отношений.

2. Притяжательные прилагательные: **ОЛИН, МАШИН** описаны в статьях о существительных, от которых они образованы.

3. Отыменные прилагательные в форме мужского рода именительного падежа единственного числа: **АМЕРИКАНСКИЙ, ШОАНСКИЙ**.

4. Имена из акростихов в форме именительного падежа единственного числа.

II Международные ономастические чтения им. Е.С. Отина

5. Собственные имена и отонимные прилагательные из названий произведений.

Указатели употребительности имени собственного заключены в круглые скобки сразу после поэтонима. При этом общее количество употреблений записано на первом месте, а на втором – через слеш – количество произведений, в которых встречается имя. Например, **АЛЖИР** (3 / 1), **СМИРНА** (3 / 3): поэтоним *Алжир* употреблен три раза в одном стихотворении, а поэтоним *Смирна* – три раза в трех произведениях. Отсюда вывод: поэтоним *Смирна* более употребителен в языке автора, чем поэтоним *Алжир*. Если собственное имя употреблено один раз, указатель частотности состоит из одной цифры: **СКУТАРИ** (1).

В языке поэтических произведений Н. Гумилева выявлены варианты поэтонимов четырех типов:

1. Части одной антропоформулы: имя и фамилия, имя и отчество, имя и родовое имя. Такие варианты обозначены знаком взаимозависимости: **ЛЕОНАРДО** (1). ↔ **ДА ВИНЧИ**.

2. Варианты имени в пределах одного произведения. Могут быть классифицированы как контекстуальные синонимы. Обозначаются знаком равенства: **ОЛЬГА** (5 / 1). = **ЭЛЬГА**.

3. Собственные имена, которые отсылают к одному объекту номинации, но употреблены в разных произведениях, обозначаются знаком тождества: **ОДИССЕЙ** (4 / 4). ≡ **УЛИСС**.

4. Собственные имена, которые не отсылают к одинаковым референтам, но их, тем не менее, можно сопоставить. Обозначаются знаком приблизительного равенства: **АИД** (1). ≈ **ЭРЕБ**.

Разряд поэтонима и тематическая группа. Для классификации большинства разрядов в словарных материалах принята терминология, предложенная В.М. Калинкиным, в которой компонент *оним*- заменен на *поэтоним*-. Выделяются следующие разряды имен собственных: антропоэтонимы, мифопоэтонимы, библиопоэтонимы, топоэтонимы и пр.

Тематическая группа конкретизирует разряд поэтонима: **АВГУСТ** (2 / 2). *Антропоэтоним, имя исторического деятеля.*

In Nōtinum Spatio (В пространстве имен)

Вариант имени, функционирующий в реальном ономастиконе, приведен в тех случаях, когда в современном русском языке проприальная единица произносится или пишется по-другому или поэтом употреблена аллегорическая (упрощенная) форма имени: **ВИЛЬНА** (1). Топоэтоним, название города. ○ *Вильнюс*.

Комментарий к форме поэтонима содержит сведения о соответствии выбранной автором формы имени литературным нормам времени написания произведения. Он факультативен и приводится только для тех имен, которые в современном русском языке имеют другую форму. Например: **ВИЛЬНА** (1). *Топоэтоним, название города*. ○ *Вильнюс*. □ До 1918 г. город назывался *Вильна*. Стихотворение Гумилева написано в 1915 г.

Этимологическая справка (значок ▲) представлена для поэтонимов, сведения об этимологии которых могут быть актуальными для понимания авторской поэтики и объяснения причин выбора имени. Например: **ЛЕВАНТ** (4 / 4). ≡ **ВОСТОК**. *Топоэтоним, название исторической области*. ◇ От фр. ‘*levant*’ – ‘*восток*’, ‘*восходящий*’.

В энциклопедической справке дается краткая информация о поэтониме (имени в реальном ономастиконе, к которому отсылает поэтоним), помогающая понять общий смысл текста (особенно это касается устаревших или экзотических имен), а также (где это необходимо) приводятся биографические сведения. Если какая-то проприальная единица имеет в реальном ономастиконе несколько значений, но у Гумилева использована только в одном, приводится значение, реализованное поэтом. Например, в наше время топоним Тибести относится к 1) региону в государстве Чад; 2) гористой местности в центральной части пустыни Сахара. У Гумилева топоэтоним *Тибести* использован во втором значении, которое и указано в словарной статье.

Переносные значения поэтонимов приводятся после основного. Например, **АМЕРИКИ**, мн. (3 / 2). 1. *Топоэтоним, название континентов Северная и Южная Америка*. 2. *Топоэтоним с авторской семантикой*. Новые сокровенные чувства, ощущения, знания.

В иллюстративном материале (значок) в хронологическом порядке представлены контексты поэтонимов. Наиболее распространенный тип контекстов в словарных материалах – предложение, которое часто совпадает со строфой.

Шифры произведений оформлены по полному собранию сочинений Н. Гумилева в 10-ти томах. Первая цифра показывает номер тома, вторая – номер произведения в томе. Например: / И ты ступила в крепость Агры, / Светла, как *древняя Лилит*, / Твои веселые онагры / Звенели золотом копыт. / (I.136) – процитированное стихотворение («Царица») можно найти в первом томе полного собрания сочинений под номером 136.

Перечень шифров произведений и названий представлен в «Указателе шифров» в конце книги. Если два произведения имеют одинаковое название, в скобках после заголовка указывается первый стих.

Поэтонимологический комментарий (значок ●) в данных словарных материалах приводится факультативно и содержит пояснения к функционированию имени в конкретном контексте, мнения исследователей о поэтониме, причинах его выбора, анализ формы поэтонима в ранних или неопубликованных вариантах произведения, указания на аллюзии и тематические связи с другими литературными текстами.

В дальнейшем при работе над словарем онимной составляющей языка Н. Гумилева этот тип комментария, по мнению автора, необходимо расширить и существенно дополнить. В заключение приведем несколько словарных статей.

БАЙРОН (1). *Антропоним, имя литературного деятеля.* ▲ Джордж Гордон Байрон (1788 – 1824) – английский поэт-романтик, автор знаменитого «Паломничества Чайльд-Гарольда».

 / Как им заплатит воля равновесья? / Иль Беатриче стала проституткой, / Глухонемым – великий Вольфганг Гете / И *Байрон* – *площадным шутом*... о ужас! / (II.11).

● Определения *Беатриче* как «проститутки», *Гете* – как «глухонемого» и *Байрона* – как «площадного шута» оксюморонны, подчеркнуто неприемлимы для характеристики названных персон, а потому очень экспрессивны. Для Гуми-

лева такие определения воплощают жуткие и болезненные парадоксы мира, в котором понятия добра и зла смешались.

АБИССИНИЯ (2 / 2). ≡ **ГАБЕШ**. 1. *Топопозтоним, название страны*. ▲ Государство в Северо-Восточной Африке. С середины XX века называется Эфиопией. До отделения государства Эритреи в 1993 г. А. имела выход к морю. 2. *Топопозтоним в составе перифразы «мудрый слон Абиссинии»*. ▲ Название страны, которой правил император Менелик II.

Гумилев был в А. два раза: в 1909 и 1913 гг. Посетил, среди прочих, города Харэр и Аддис-Абебу.

📖 (знач. 2) / Но, поверив шоанской искательной лести, / Из старинной отчизны поэтов и роз / *Мудрый слон Абиссинии*, *Негус Негести*, / В каменистую Шоа свой трон перенес. / (IV.10). (знач. 1) / Гляжу на Ваше платье синее, / *Как небо в дальней Абиссинии*, / И украшаю Ваш альбом / Повествованием о том. / (I.164).

ГАБЕШ (1). ≡ **АБИССИНИЯ**. *Топопозтоним, название государства*. ▲ Так арабы называли Абиссинию (Эфиопию).

📖 / А ему давно надоели / *Жирные женщины Габеша*, / Хитрые и злые сомалийки / И грязные поденщицы Каффы. / (II.8).

● Употребление топонима *Габеш* обусловлено сюжетом стихотворения: речь идет об абиссинце, который решил отправиться в Каир в поисках женщин свободного поведения. Поскольку Габеш – арабское название страны, можно предположить, что герой стихотворения – араб-мусульманин (численность мусульманского и христианского населения в Абиссинии приблизительно одинакова).

Представленные примеры словарных статей взяты из материалов к словарю онимной составляющей языка Н.С. Гумилева [5], но нужно сказать, что уже сейчас найдены новые подходы к лексикографированию поэтонимов, которые будут реализованы в следующем – полном – издании этого словаря.

ЛИТЕРАТУРА

1. Григорьев В.П., Колодяжная Л.И., Шестакова Л.Л. Собственное имя в русской поэзии XX в. – М., 2005. – 448 с. Или URL: <http://www.philol.msu.ru/~humlang/slovar.si.2003/>

II Международные ономастические чтения им. Е.С. Отина

2. Гукова Л.Н., Фомина Л.Ф. Художественная характеристика топонимов в творческой наследии А.С. Пушкина: Словарь. Пособие для учителя. – Одесса: ФОТОСИНТЕТИКА, 2004. – 192 с.
3. Калинин В.М. Теория и практика лексикографии поэтонимов (на материале творчества А.С. Пушкина). – Донецк: Юго-Восток, 1999. – 247 с.
4. Рогозина В.И. Словарь собственных имен в поэзии Валерия Брюсова. – Донецк : Юго-Восток, 2011. – 274 с.

АНТРОПОНИМИКА. ТОПОНИМИКА

Е.Е. Вертейко (Минск, Беларусь)

МУЖСКОЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ ИМЕННИК НА ПОГРАНИЧЬЕ БЕЛАРУСИ И ПОЛЬШИ

*В статье представлена попытка выявления основных тенденций и особенностей в именовании мужчин православного вероисповедания на двух пограничных территориях – Беларуси (город Брест) и Польши (город Белосток) в 1-й половине XX в. Антропонимический материал почерпнут из списков жителей Полесского воеводства, принадлежащих фондам Государственного архива Брестской области (20–30 гг. XX в.), и списков имен новорожденных мальчиков, собранных З. Абрамович в монографии «*Imiona chrzestne bialostoczan 1895–1995*» из метрических записей трех православных приходах города Белостока. В статье подробно описаны ядро и периферия исследуемых пограничных православных именников, даны сведения о происхождении большинства антропонимов. Результаты представлены в сопоставительном аспекте исследования.*

***Ключевые слова:** православный ономастикон, мужские онимы, происхождение антропонимов, фреквенция онимов, этнокультурное пограничье, сопоставление*

В основе антропонимикона лежит личное имя – своеобразный выделительный знак личности в этносоциуме на определенном этапе культурно-исторического развития. Описывая национальную антропонимию, известный российский ученый Л.М. Щетинин писал, что она «хранит в своей памяти обширные сведения об особенностях социальной организации, экономическом развитии, культуре и этнографии общества, для обслуживания которого она была создана» [3,

II Международные ономастические чтения им. Е.С. Отина

с. 14]. Подчеркивая важность изучения регионального антропонимикона, исследователь приходит к выводу, что «информативность национальной системы собственных имен, ее способность служить зеркалом давно прошедших времен значительно повышается при историческом изучении антропонимии определенной географической области» [4, с. 14].

В предлагаемой статье в качестве регионов для проведения сопоставительных ономастических исследований были выбраны две пограничные территории Беларуси и Польши – города Брест и Белосток. Данный выбор обусловлен геополитической, исторической и культурной значимостью данных территорий в общенациональных контекстах. Особенностью исследуемых регионов является их пограничное положение как в географическом, так и в этническом отношении, поскольку Брестчина расположена на стыке белорусского, польского и украинского ареалов, а Белосточчина – польского, белорусского и литовского. Кроме этого, славянская общность, многовековое соседство, бывшее государственное единство и схожие политические процессы, оформившиеся в многократной смене государственной принадлежности этих территорий, не могли не отразиться на становлении, развитии и современном состоянии именников каждого из пограничий.

Известный белорусский социолог Н.Н. Беспамятных дал следующее определение понятию «пограничье» – это устойчивый, даже исторически сложившийся в определенном ареале контакт между двумя или большим числом соседствующих этнокультурных групп [1, с. 49]. Исследуя белорусско-польско-литовское пограничье Беларуси, Н.Н. Беспамятных характеризует его как «единое культурное пространство», поскольку данное пограничье социологически определяется «не политической границей, а тем, что белорусы, поляки и литовцы сосуществуют (соседствуют) в этом ареале Центральной Европы» [1, с. 55]. Данное утверждение, на наш взгляд, применимо и к ситуации, сложившейся на территории польско-белорусско-украинского пограничья. Историко-культурные и этнические особенности Брестчины оформились в пограничном положении и, как следствие, сосуществовании (соседстве) белорусского, польского и украинского ареалов, «дву-

конфессиональности» (православие – католицизм), а также многократной смене государственной принадлежности.

Пограничная проблематика является одним из ведущих направлений польской социологии, культурной антропологии и этнографии конца XX – начала XXI вв. Исследуемое социологами Белостокского университета Восточное пограничье Польши – это полиэтническая и поликонфессиональная территория, охватывающая пространства бывших Сувалкского, Белостокского, Бельско-Подлясского, Хелмского и Замойского воеводств. Характерной чертой Восточного пограничья Польши, как и юго-западного пограничья Беларуси, является то, что здесь сформировался определенный тип межэтнического, преимущественно мирного сосуществования представителей разных национальных и этнических групп: поляков, белорусов, украинцев, литовцев, евреев, татар. Первичный идентификационный фактор на Белосточчине, по мнению польского социолога А. Садовского, – это конфессиональная принадлежность, как следствие, основной культурный водораздел проходит между православными и католиками [6, S. 12].

Исследователи культуры пограничья часто подчеркивают тот факт, что она не представляет собой формальное сопоставление соседствующих культур. Пограничье является, по мнению польского антрополога Ю. Страчук, «сферой *tertium*, сферой «чего-либо иного» по отношению к соприкасающимся территориям государств, культурных, этнических либо языковых регионов [7, S. 25]. Любые происходящие на пограничье процессы ведут к взаимопроникновению изначально различных свойств и характерных черт, что в дальнейшем формирует своеобразный характер культуры, в которой элементы разных традиций всегда неотделимы друг от друга в пределах одного региона, одной и той же местности, даже одной семьи [7, S. 25].

С целью выявления основных тенденций в именовании православных жителей юго-западного пограничья Беларуси в 1901–1930 гг. нами были изучены 37 документов, принадлежащих фондам Государственного архива Брестской области (ГАБО). Выбор книг учета населения Бреста в качестве источника антропонимического материала оправдан тем, что в них нашли отражение не только канонические формы

II Международные ономастические чтения им. Е.С. Отина

антропонимов (как это было в метрических записях, сделанных в церковных и костельных книгах), но и формы, активно функционировавшие в народном языке и сохранившие многочисленные региональные особенности. Фактическим антропонимическим материалом исследования северо-восточного пограничья Польши являются списки имен новорожденных мальчиков, собранные З. Абрамович в монографии «*Imiona chrzestne białostoczan 1895–1995*» [5]. Имена новорожденных почерпнуты автором из метрических записей, сделанных в трех православных приходах Белостока, располагавшихся тогда в бывших деревнях Дойлиды и Старосельце (ныне территория Белостока), а также в церкви св. Николая в Белостоке в период с 1901 по 1939 гг. Поскольку источником исследуемого материала являются метрические книги, то все антропонимы представлены преимущественно в канонической православной форме.

Временной период, составивший практическую базу нашего исследования, охватывает: 1901–1921 гг. – период вхождения Бреста и Белостока в состав Российской империи; 1921–1939 гг. (межвоенное 20-летие XX в.), когда Брестчина и Белосточчина в результате Рижского мирного договора вошли в состав Польши.

В качестве основного метода исследования именной ситуации, сложившейся на пограничьях в указанный временной период, нами был применен документально-статистический. Собранные на основе архивных материалов, посчитанные и статистически обработанные личные имена собственные позволяют показать богатство пограничных именныхников, определить ядро и периферию каждого именника путем выделения: а). высокочастотных именовании – тех, удельный вес которых составляет 2% и выше от суммы фиксаций всех имен, б). среднечастотных именовании – удельный все составляет от 0,5% до 2% суммы фиксаций, в). низкочастотных – удельный вес меньше 0,5%, в том числе единичные онимы. Данный метод исследования был применен З. Абрамович во время обработки метрических записей, сделанных в православных и католических приходах г. Белостока, и последующего анализа собранного антропонимного материала [5, S. 48].

Изучив списки жителей Бреста, нам удалось выявить **1 011** мужчин, рожденных на территории г. Бреста в период с 1901 г. по 1930 г., исповедовавших православие. Как показывает материал, мужской православный именник г. Бреста представлен **114** антропонимами (28 рейтинговых позиций). Поскольку все исследуемые архивные документы датированы 1919–1930 гг., то обозначение мужчин православного вероисповедания в них представлено исключительно на польском языке и в строгом соответствии с польской двучленной антропонимической формулой «*имя+фамилия*». В документах зафиксированы как канонические православные антропонимы, так и их народные формы, в том числе, гипокористические и региональные, например, *Ewstafij – Ostap, Georgij – Jegor / Jerzy, Izydor – Sydor, Józef – Osip, Maksim – Maks, Wasyl – Bazyli, Waleryj – Waleriusz* и т.п. В свою очередь, мужской православный именник Белостока в период с 1901 г. по 1939 г. представлен **70** антропонимами (32 рейтинговых места), что на 44 единицы меньше брестского. Количество мальчиков, крещенных в Белостоке в православной церкви, составляет **2 228** человек. В период с 1901 по 1918 гг., когда Белосток входил в Российскую империю, записи в метрических книгах велись на русском языке (например, *Владимир, Александр, Николай* и др.), в период с 1918 г. по 1939 г. в составе Польши обозначение новорожденных осуществлялось на польском языке. Отличительной чертой обоих пограничных именников 1919–1939 гг. является то, что в официальных документах практически все антропонимы представлены одновременно в двух традициях именования – в православной и католической (*Jan / Iwan, Mikołaj / Nikolaj, Władimir / Włodzimierz* и т.п.). Те онимы, которые в обеих традициях имеют одинаковое языковое оформление, в архивных документах и метрических записях дублировались: *Александр / Aleksander, Михаил / Michał, Пемп / Piotr, Павел / Paweł*.

В нижеследующей таблице представлены **высокочастотные мужские** онимы православного календаря, отмеченные на исследуемых пограничных территориях. К данной группе относятся те онимы, удельный вес которых больше или равен 2% от общего числа православного населения, за-

II Международные ономастические чтения им. Е.С. Отина

фиксированного в архивных документах и метрических записях. В Бресте в группе популярных разместились **15** мужских именований (653 человека, что составляет 64,5% населения), в Белостоке – также **15** антропонимных единиц (1 801 человек, т.е. 80,8% мальчиков).

Таблица – Высокочастотные православные мужские имена в Бресте и Белостоке 1901–1939 г.р.

№ п/п	Православные мужчины (Брест, 1901–1930 г.р.)	№ п/п	Православные мальчики (Белосток, 1901–1939 г.р.)
1	Iwan / Jan ¹ (77 употреблений – 7,6%)	1	Александр / Aleksander ² (233 употребления – 10,4%)
2	Aleksander (69 – 6,8%)	2	Евгений / Jewgienij / Eugeniusz (224 – 10%)
3	Nikołaj / Mikołaj (67 – 6,6%)	3	Георгий / Georgij / Jerzy (204 – 9,0%)
4	Michał (59 – 5,8%)	4	Владимир / Władimir / Włodzimierz / Władysław (191 – 8,5%)
5	Władimir / Włodzimierz (56 – 5,5%)	5	Николай / Mikołaj / Nikołaj (171 – 7,6%)
6	Piotr (51 – 5,0%)	6	Иоанн / Ioann / Jan (112 – 5,0%)
7	Paweł (45 – 4,4%)	7	Иосиф / Iosif / Józef (110 – 4,9%)
8	Antoni (39 – 3,8%)	8	Михаил / Michał / Michał (104 – 4,6%)
9	Wasył / Bazyli (31 – 3,0%)	9	Анатолий / Anatolij / Anatol / Anatusz (97 – 4,3%)
10	Konstantin / Konstanty (30 – 2,9%)	10	Петр / Piotr (80 – 3,5%)
11	Sergiej / Sergiusz (30 – 2,9%)	11	Константин / Konstantin / Konstanty (69 – 3,0%)
12	Grigorij / Grzegorz (28 – 2,7%)	12	Антоний / Antoni / Antoniusz (57 – 2,5%)
13	Władysław / Władysław (25 – 2,4%)	13	Павел / Paweł / Paweł (56 – 2,5%)

14	Fiodor / Teodor (25 – 2,4%)	14	Леонтий / Leontij / Leątij / Leoncjusz (49 – 2,1%)
15	Szczepan / Stefan (21 – 2%)	15	Леонид / Leonid / Leonidas (46 – 2,0%)

Совпадения в обоих пограничных мужских именниках православной части населения городов Бреста и Белостока отмечены по 8 позициям: *Иван, Александр, Николай, Михаил, Владимир, Петр, Павел, Антоний, Константин*. Безусловно, в обоих именниках вышеперечисленные онимы хоть и были популярны, однако отличались различной частотой употребления. Преимущественно все зафиксированные высокочастотные мужские имена обоих пограничий являются заимствованиями из латинского, греческого и древнееврейского языков, что связано с принятием православия и канонизацией имен святых. В брестских документах древние двучленные славянские антропонимы, давно вошедшие в христианские святцы, *Wladimir* и *Wladyslaw* не смешивались в один. В метрических записях, сделанных в православных приходах в Белостоке, согласно исследованиям З. Абрамович, наблюдалось периодическое неразделение данных онимов, поэтому автор рассматривает их как одну антропонимную единицу [5, S. 193–194]. Необходимо отметить, что в Белостоке, в отличие от Бреста, в группе самых популярных имен мальчиков расположились *Евгений, Георгий / Юрий, Иосиф* – среднепопулярные в Бресте (удельный вес от 0,5% до 2%). А такие онимы, как *Анатолий, Леонтий* и *Леонид*, в Бресте и вовсе практически не употреблялись.

Чтобы проследить общие тенденции в именовании православных мужчин, сравним исследуемые пограничные мужские именники с именником г. Пензы, собранным В.Д. Бондалетовым. В период с 1882 г. по 1892 г. самыми частыми мужскими именованьями в г. Пензе были: *Александр, Алексей, Андрей, Борис, Василий, Владимир, Георгий, Григорий, Дмитрий, Иван, Илья, Константин, Михаил, Николай, Павел, Петр, Семен, Сергей, Степан, Федор, Яков* [2, с. 17]. Сопоставив антропонимические данные, можно сделать вывод, что вышеперечисленные личные имена являлись в исследуемый период общеупотребительными среди православных

мужчин независимо от места рождения и проживания. Однако обращает внимание высокая популярность на юго-западе Беларуси мужского имени римского происхождения *Antoni* и славянского антропонима *Władysław*, всегда отличавшихся высокой частотой употребления у католической части населения Бреста. На северо-востоке Польши стоит отметить высокую частоту онимов *Иосиф*, *Евгений*, *Анатолий*, *Леонтий* и *Леонид*, не обозначенных В.Д. Бондалетовым как высокочастотные в Пензе.

Группа **среднечастотных** (удельный вес от 0,5% до 2%) мужских православных онимов на белорусском пограничье представлена **21** единицей, что составляет 207 человек, т.е. 20,5% зафиксированного населения, в свою очередь, в Белостоке – **12** единицами, которыми охвачено 314 человек, т.е. 14,1% православных мальчиков.

Таблица – Среднечастотные православные мужские имена в Бресте и Белостоке 1901–1939 г.р.

№ п/п	Православные мужчины (Брест, 1901–1930 г.р.)	№ п/п	Православные мальчики (Белосток, 1901–1939 г.р.)
1	Jerzy / Georgij / Jegor (10 / 3 / 4 = 17 – 1,6%)	1	Сергий / Sergij / Sergiusz (43 – 1,9%)
2	Aleksiej / Aleksy (16 – 1,5%)	2	Виктор / Wiktor (40 – 1,9%)
3	Józef (16 – 1,5%)	3	Алексий / Aleksij / Aleksiej / Aleksy (35 – 1,5%)
4	Andrzej (15 – 1,4%)	4	Роман / Roman (34 – 1,5%)
5	Jakow / Jakób (14 – 1,3%)	5	Стефан / Stiefan / Stefan (30 – 1,3%)
6	Boris / Borys (12 – 1,1%)	6	Борис / Borys (27 – 1,2%)
7	Dmitrij / Dymitr (12 – 1,1%)	7	Валентин / Walentin / Walentyn (18 – 0,8%)
8	Wiktor (11 – 1%)	8	Василий / Wasilij / Bazyli / Bazil (18 – 0,8%)

9	Eugeniusz (10 – 0,9%)	9	Вячеслав / Wiaczesław (18 – 0,8%)
10	Gawrił / Gabryel (9 – 0,8%)	10	Феодор / Fieodor / Teodor (15 – 0,6%)
11	Ilja / Eliaz (9 – 0,8%)	11	Виталий / Witali (13 – 0,5%)
12	Lew / Leon (9 – 0,8%)	12	Аркадий / Arkadij / Arkadiusz (12 – 0,5%)
13	Semion / Szymon (9 – 0,8%)		
14	Ignat / Ignacy (7 – 0,6%)		
15	Timofiej / Tymoteusz (7 – 0,6%)		
16	Zachary / Zachariusz (7 – 0,6%)		
17	Danił / Daniel (6 – 0,59%)		
18	Stanisław (6 – 0,59%)		
19	Maksim (5 – 0,5%)		
20	Nikifor (5 – 0,5%)		
21	Roman (5 – 0,5%)		

Большинство антропонимов, относящихся к данной группе, также по происхождению являются греческими, латинскими и древнееврейскими именами, закрепившимися в православных святцах. Среди православных мужчин Бреста зафиксировано 6 (0,59%) употреблений двучленного славянского имени *Stanisław*, который в католическом именнике Бреста в исследуемом периоде находился на 2-м месте по популярности, в Белостоке, в свою очередь, данный оним на протяжении всего исследуемого периода был отмечен лишь единожды. Кроме того, в Белостоке к данной группе относятся также древнерусский оним *Борис* (27 фиксаций – 1,2%) и славянский двучленный антропоним *Вячеслав* (18 – 0,8%). Последний в Бресте входил в группу непопулярных мужских имен среди православных мужчин.

Группа имен с **низкой популярностью** (удельный вес меньше 0,5%) в Бресте представлена **78** единицами, ко-

торыми охвачено 151 человек, т.е. 15% зафиксированного населения. По происхождению данная группа достаточно разнообразна. В ней расположились греческие, латинские, древнееврейские и двучленные славянские мужские онимы: *Arkadiusz / Arkadij, Eustachy / Ewstafij, Kiril / Cyryl, Trofim, Filip* (по 4 фиксации – 0,4%); *Anatol / Anatolij, Wiaczesław, Jemelian / Emilian, Zinowij / Zenobiusz, Karp, Kornili / Korniej, Lawrenty / Wawrzyniec, Makary, Miron, Nestor, Onufry, Platon, Sidor / Izydor, Terentij / Terenty, Filimon* (по 3 фиксации – 0,3%); *Arseniusz, Artemi / Artem, Afanasij / Atonazy, Walenty, Waleryj / Waleriusz, Witalij / Witali, Wsewołod, Gerasim, Gordiej, Harion, Jakim, Kondrat, Kuprian / Cyprian, Leontij / Leonty, Leonid, Matwiej / Mateusz, Nikita, Nikodym, Nikon, Parfentij / Parfeniusz, Prokofij, Prochor, Samson, Julian, Foma / Tomasz, Chariton, Maksimilian, Fieodosi / Teodosij* (по 2 фиксации – 0,2%). По одному разу в брестском православном мужском именнике было отмечено 27 преимущественно греческих антропонимов: *Abram* (др.-евр.), *Aksenti, Amwrosi / Ambroży, Andronik, Archip, Walerian* (римск.), *Wincenty, Włas, Eudokim, Jeremi* (лат.), *Jefim, Ilarij, Izaak* (библ.), *Ksienofont, Kuźma, Łukasz* (лат.), *Marian* (лат.), *Mitrofan, Mosiej* (библ.), *Owsiej, Polikarp, Safron, Serafim* (др.-евр.), *Taras, Tichon, Fadiej / Tadeusz* (арамейск.), *Feoktist*, а также 3 антропонима германского, староанглийского и славянского происхождения: *Karol, Artur, Waślaw*, характеризующиеся более высокой популярностью среди католического населения.

Непопулярными, в т.ч. единичными, онимами в Белостоке были **43** единицы (113 человек, что составляет 5% крещенных мальчиков): *Andriej / Andrzej / Андрей, Григорий / Grigorij / Grzegorz, Wikientij / Викентий / Wincenty* (по 11 фиксаций – 0,49%); *Лев / Lew / Leon* (8 – 0,3%); *Димитрий / Dimitrij / Dzimitryj, Геннадий / Giennadij, Иулиан / Julian* (6 – 0,2%); *Адам / Adam, Igor / Igor'*, (5 – 0,2%); *Илия / Heliasz, Miron, Oleg, Сумеон / Simieon / Simieon* (4 – 0,17%); *Игнатий / Ignacy / Ignatij, Евстафий / Jewstafij / Eustachy, Wsiewołod* (3 – 0,1%); *Кирилл / Kirill / Cyryl, Platon, Rościsław* (2 – 0,08%). Данную группу имен образуют христианские греческие, латинские и древнееврейские библейские онимы. Обращает на себя внимание наличие двух древнерусских

In Nōtinum Spatio (В пространстве имен)

мужских имен скандинавского происхождения: *Игорь* и *Олег*, которые в Бресте, в свою очередь, не были зафиксированы ни разу, однако имелись в белорусском именнике. Кроме этого, здесь расположились два двучленных славянских мужских антропонима – *Всеволод* и *Ростислав*, последний из которых не был отмечен в Бресте. По одному разу в Белостоке встретились 24 онима, среди которых можно выделить христианские имена греческой (*Адриан, Zinon, Zinowij, Irinieĵ / Ireneusz, Kuźma, Макарий, Нуканор, Timofiej / Tymoteusz, Феодосий, Филунн, Charlampij, Christofor*), древнееврейской (*Awienir, Гавриил, Daniil, Matfij / Maciej, Серафим, Faddiej*) латинской (*Walerian, Donat, Longin*) и, безусловно, славянской этимологии: *Jarosław, Mstisław / Mścisław, Станислав*. Необходимо отметить, что единичные в Белостоке онимы *Daniil, Гавриил, Станислав, Timofiej / Tymoteusz* в Бресте имели среднюю популярность, а такие онимы как *Адриан, Awienir, Zinon, Irinieĵ, Jarosław, Mstisław, Нуканор, Charlampij, Christofor* и вовсе отсутствовали в Бресте в исследуемый период времени.

Безусловным преимуществом в брестском мужском именнике обладали канонические православные имена греческого, латинского и древнееврейского происхождения (94% всех зафиксированных мужских онимных единиц, которыми охвачено 916 человек, т.е. 90,6% мужчин). На долю древних двучленных славянских онимов, таких как *Stanisław, Waclaw, Wiaczesław, Władysław, Wsewołod*, приходилось 4,3% всех зафиксированных мужских онимов, что составляло почти 9,2% мужского населения, т.е. 93 человека. Наименьшую часть – 1,7% мужского православного именника составляли имена, заимствованные из католического календаря (*Karol, Artur*). Наполнение мужского именника свидетельствует о доминировании православной традиции в именовании брестчан в первой половине XX века. Однако высокая популярность таких онимов, как *Antoni, Władysław, Stanisław* и наличие в православном именнике Бреста нехарактерных для него имен *Karol, Artur* говорят о происходившем на пограничье процессе взаимовлияния традиционных именников. Данное явление позволяет говорить о синкретизме мужского именника Бреста – взаимопроникновении православной и католической тради-

II Международные ономастические чтения им. Е.С. Отина

ций в именовании, что обусловлено географическим местоположением исследуемого региона.

Абсолютное большинство в мужском именнике Белостока, так же как и Бреста, имели канонические православные имена греческого, латинского и древнееврейского происхождения (60 единиц, что составляет 86% всех зафиксированных мужских онимов). Данными онимами было охвачено 1 975 человек, т.е. 87% православных мальчиков. На долю древних двучленных славянских онимов, таких как *Владимир*, *Вячеслав*, *Всеволод*, *Ростислав*, *Ярослав*, *Мстислав*, *Станислав*, приходилось 10% всех зафиксированных мужских онимов, что составляло почти 9,7% мальчиков, т.е. 217 человек. Наименьшую часть – 4,3% мужского православного именника Белостока составляли древнерусские имена (*Борис*, *Олег* и *Игорь*) имена, охватывая при этом 1,6% мальчиков, т.е. 36 человек. Подобное процентное распределение имен свидетельствует, на наш взгляд, о большей устойчивости и традиционности православного мужского именника Белостока, по сравнению с брестским.

Таким образом, состав именников и приоритеты в имянаречении мужчин на обоих пограничьях – белорусском и польском – в первой половине XX в. были обусловлены многовековыми сложившимися традициями в именовании, доминирующее место среди которых занимала религиозная принадлежность имяносителя – православие. Наполнение обоих мужских именников в целом совпадает, однако отличается степень популярности того или иного онима. Безусловной популярностью среди православных независимо от места рождения характеризуются онимы: *Иван* (1-е место в Бресте – 6-е в Белостоке), *Александр* (2-е место в Бресте – 1-е в Белостоке), *Николай* (3-е место в Бресте – 5-е в Белостоке), *Михаил* (4-е место в Бресте – 8-е в Белостоке), *Владимир* (5-е место в Бресте – 4-е в Белостоке), *Петр* (6-е место в Бресте – 10-е в Белостоке), *Павел* (7-е место в Бресте – 13-е в Белостоке), *Антоний* (8-е место в Бресте – 12-е в Белостоке), *Константин* (10-е место в Бресте – 11-е в Белостоке). Одинаково непопулярными на обоих пограничьях были старые православные антропонимы: *Walerian*, *Викентий*, *Евстафий*, *Кирилл*, *Kuźma*, *Макарий*, *Matfij* / *Maciej*, *Miron*, *In Nōminum Spatio* (В пространстве имен)

Платон, Серафим, Faddiej, Феодосий, Филипп. Несмотря на то, что брестский православный именованный шире, в именованнике Белостока есть антропонимные позиции, которые отсутствовали в данный период в Бресте – христианские: *Adam, Адриан, Awienir, Charlampij, Christofor, Giennadij, Donat, Iriniey / Ireneusz, Longin, Нуканор, Zinon*; двучленные славянские: *Jarostlaw, Mstislaw / Mścislaw, Rościslaw* и древнерусские онимы скандинавского происхождения: *Igor* и *Oleg*, что, возможно, было связано с влиянием региональной моды в антропонимии. Отличительной чертой обоих пограничных православных именованных является то, что практически все онимы представлены одновременно в двух традициях именованния – в православной и католической, что, безусловно, является следствием их пограничного расположения, исторической двуконфессиональности и полиэтничности. Однако мужской православный именованный Белостока, по сравнению с брестским, в 1-й половине XX в. обладал большей устойчивостью и традиционностью.

Примечания.

1. Все личные имена в статье приводятся в орфографии оригинала архивных и метрических записей.

2. Полу жирным шрифтом выделены онимы, совпадающие в обоих исследуемых именованных.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беспмятных, Н.Н. Этнокультурное пограничье и белорусская идентичность: проблемы методологии анализа кросс-культурных взаимодействий / Н.Н. Беспмятных. – Минск : РИВШ, 2007. – 403 с.

2. Бондалетов, В.Д. К изучению русской антропонимии XIX века. Мужские имена в городе Пензе в 1882–1892 гг. / В.Д. Бондалетов // Ономастика Поволжья 2 : сб. науч. тр. / АН СССР; под ред. В.Д. Бондалетова. – Саранск : Мордовск. гос. ун-т им. Н.П. Огарева, 1971. – С. 13–18.

3. Щетинин, Л.М. История и имена / Л.М. Щетинин. – Ростов-на-Дону : РВШ МВД РФ, 1996. – 76 с.

4. Щетинин, Л.М. Русские имена : Очерки по Донской антропонимии / Л.М. Щетинин. – Ростов н/Д : Изд-во Донского университета, 1975. – 256 с.

5. Abramowicz, Z. Imiona chrzestne białostoczan w aspekcie socjolingwistycznym (lata 1885–1985) / Z. Abramowicz. – Białystok : Dział Wydawnictw Filii UW w Białymstoku, 1993. – 509 s.
6. Sadowski, A. Pogranicze polsko-białoruskie. Tożsamość mieszkańców / A. Sadowski. – Białystok : Trans humana, 1995. – 269 s.
7. Straczuk, J. Cmentarz i stół. Pogranicze prawosławno-katolickie w Polsce i na Białorusi / J. Straczuk. – Wrocław : Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2006. – 275 s.

И.А. Герасименко (Симферополь)

ЭРГОНИМИКОН СОВРЕМЕННОГО КРЫМА

Работа посвящена исследованию эргонимикона современного Крыма. Цель работы – описать языковые средства актуализации ключевых кластеров эргонимного ландшафта крымского полуострова.

Ключевые слова: эргонимикон, Крым, географические и культурные особенности.

Каждый регион представлен своим специфическим эргонимиконем и способами его актуализации. Современная эргонимия Крыма имеет своеобразные черты, обусловленные факторами глобализационного, географического, культурно-исторического, а также политического характера, вызванного сменой государственности. Цель работы – описать лингвистические особенности эргонимии Крыма.

Эргонимия современного Крыма как сложный лингво-социальный и лингвокультурный феномен связана с доминирующим дискурсом этого южного региона – дискурсом отдыха, солнца и моря. Концепты «курортного» кластера явились «ономасиологическим основанием» для широкого списка эргонимов, в числе которых санаторий «Парус», пансионат «Бригантина», санаторий «Морской прибой», вилла «Голубой залив», санаторий «Южный» и под. С концептуальными полями 'отдых', 'солнце', 'море' соотносятся и эргонимы База отдыха «Волна», Санаторий «Южнобережный», Гостевой дом «Солнечный берег», Санаторий «Морской прибой», Центр отдыха «Жемчужный берег».

Крым – это и не только курортный, но и исторический регион со сложной тканью культурных означающих. Ввиду этого его тексты насыщены эргонимами типа Президент-от-

II Международные ономастические чтения им. Е.С. Отина

ель «Таврида» – имя, отображающее древнее название Крыма; Санаторно-курортный комплекс «Таврия», где Таврия – устаревшее название степной части Крыма и синоним Тавриды; Ресторан «Максим Горький», Кофейня «Пушкин», Кафе «Белая дача», Пансионат «Дом творчества имени А.П. Чехова» как рефлексия относительно Горьковских, Пушкинских и Чеховских мест – особой гордости крымчан. Эргонимикон, обращенный к истории Крыма, представлен номинациями Пансионат «Дарсан», Санаторий «Ай-Даниль», Дом отдыха «Аю-Даг» – именами, образованными в результате семантической транонимизации от названий холма Дарсан, водопада поселка Ай-Даниль, горы Аю-Даг (более известной как Медведь-гора). Эти и подобные примеры иллюстрируют язык южного полуострова как среду сосуществования дискурсов, в которые тесно вплетена история жизни Крыма и его жителей, их судьба.

Разновекторная система дискурсов Крыма включает эргонимикон, образованный от антропонимов его современных жителей. Результатом семантической транонимизации выступают номинации типа Учебный центр «Институт ногтей Юлии Богомоловой», Студия причесок Ирины Бондаревой, Дизайн-студия Ирины Шаповал, Школа профессионального макияжа Людмилы Невидомой. Данные поссесивные наименования немногочисленны (они отображают так называемый «штучный товар»), однако их появление связано с традициями российского купечества включать в эргонимикон полные формы имен собственных.

В языке современного Крыма активно используются ретро-номинации – эргонимы, вербализованные глаголицей или включающие элементы дореволюционной орфографии: Кондитерский магазин «Медоборы», Банк «Рублев», Ресторан-пивоварня «Фабрикантъ», Кафе «Театръ», Ресторан «Крымль», Кафе-терраса «Репортеръ», Ломбард «Экономъ», Ресторан «Автографъ». Использование букв Ъ и Ы вызвано воссозданием колорита старины, что ассоциируется со стабильностью, традициями и историей Российской империи.

Обращение Крыма к российским традициям обусловлено сменой государственности (Крымской весной), результатом которой явилось включение в языковую стихию про-

In Nōminum Spatio (В пространстве имен)

приальной лексики полуострова прецедентных имен русской лингвокультуры. К их числу относятся эргонимы Страховая компания «Кремль», Страховая компания «Арсеналь», Адмиралтейское агентство недвижимости, Многофункциональный правовой центр «Русь», БайкалБанк, Страховая компания «Росгосстрах». Эти номинации образованы с опорой на разные классы апеллятивов – хоронимы (Русь), ойкодонимы (Кремль, Арсенал, Адмиралтейство), гидронимы (Байкал), эксприцирующие этнокультурные концепты.

Эргонимный ландшафт Крыма связан и с процессом глобализации, охватившим все сферы современной жизни и проявившим себя в семиотическом пространстве региона, важным компонентом которого – и одновременно коррелянтом – является коммуникативное, языковое пространство. Влияние английского языка широко представлено в номинациях Парк-отель «Porto Mare»; Пансионат «SeaLand»; Апартаменты «SunLine» и др. При этом украинская лингвокультура продолжает быть представленной в широком спектре номинаций полифоничного языка Крыма. Среди них – Санаторий «Полтава», Санаторий «Украина», Пансионат «Украинские сувениры», Санаторий «Киев», Пансионат «Перлина», Гостиница «Смерекова хата», Санаторный комплекс «Зори Украины», Санаторно-курортный комплекс «Запорожье» и др. (некоторые из которых, правда, переживают процесс ухода из эргонимного пространства южного региона; ср.: Санаторий «Украина», переименованный в «Родина», Санаторий «Мечта», носивший название «Мрия»). Показательно, что своеобразным наследием Советского Союза продолжают оставаться эргонимы типа Санаторий «Узбекистан», Санаторий «Белоруссия», Детский санаторий имени В.И.Ленина, Санаторий имени С. Кирова и под.

Итак, эти и подобные примеры дают право заключить, что эргонимное пространство Крыма имеет свои особенности и общие для современной жизни закономерности. Оно включает наименования, которые, во-первых, передают особенности полилингвального пространства полуострова, культуру и традиции населяющих его народов; во-вторых, отображают глобализационные процессы; в-третьих, иллюстрируют смену государственности. Рассмотренные названия характеризуют

II Международные ономастические чтения им. Е.С. Отина

ют как прошлое крымского полуострова, так и его настоящее и требуют дальнейшего лингвистического анализа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Отин Е.С. Номинационные процессы в русской эргонимии XX века (названия промышленных предприятий, акционерных обществ и фирм) / Е. С. Отин // Актуальные вопросы теории языка и ономастической номинации: [Сб. ст.]. – Донецк: ДонГУ, 1993. – С. 83-94.

2. Сидоренко Е.Н. Из истории исследования эргонимов / Е.Н.Сидоренко // Реквием филологический; Сб. статей, посвященный памяти Е. С. Отина. – К.: Издательский дом Дмитрия Бураго, 2016. – С. 326 – 336.

О.С. Евсева (Заборье, Смоленская область)

**НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА
ТОПОНИМИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ (НА
МАТЕРИАЛЕ СМОЛЕНСКО-ВИТЕБСКОГО
ПРИГРАНИЧЬЯ)**

В основе языковой общности территорий, объединяющихся в смоленско-витебское приграничье, лежит их общее историческое прошлое, которое и порождает национально-культурную идентичность жителей приграничья, проявляющуюся на протяжении долгого времени в культурной, хозяйственной жизни народов данной территории, в антропонимиконе, а также в географических названиях приграничной зоны. Изучение топонимии смоленско-витебского приграничья направлено на выявление национально-культурной специфики русского и белорусского менталитетов.

Историческая языковая общность смоленско-витебского приграничья свидетельствует о некогда едином топонимическом пласте рассматриваемой территории. В последнее время наблюдается появление различий, что усиливает проявление национально-культурной специфики в топонимии.

Ключевые слова: *имя собственное; топонимическая лексика; национально-культурная специфика; русский язык; белорусский язык; смоленско-витебское приграничье.*

В настоящее время неоспоримым является тот факт, что язык развивается вместе с народом, подвергаясь разным изменениям в связи с переменами в жизни самого народа. По мнению Е.Ф. Карского, эти перемены в языке зависят непосредственно от национального характера его носителей, ко-

II Международные ономастические чтения им. Е.С. Отина

торый в свою очередь «налагаетъ извѣстный отпечатокъ и на самый языкъ» [7].

Материалом исследования послужили названия населенных пунктов смоленско-витебского приграничья, представленные в Справочнике по вопросам административно-территориального устройства Смоленской области [2010] и нормативном справочнике «Назвы населенных пунктаў Рэспублікі Беларусь: Віцебская вобласць» [2009].

Следует сказать что, изменения в языке, в первую очередь, проявляются на лексико-семантическом уровне, который является одним из компонентов структурной организации языка, главной конститутивной единицей которого, по мнению многих ученых, является слово как носитель лексического значения. Именно на лексико-семантическом уровне формируются представления о носителе языка, т.е. о том народе, который населяет или населял определенную территорию, в нашем случае территорию смоленско-витебского приграничья.

Национально-культурная специфика жителей этого региона лучше всего может быть показана через ономастическую лексику, т. к. имена собственные (ИС) – это яркий и существенный признак каждого этноса. ИС всесторонне исследуются именно лингвистами, поскольку «любое наименование вне зависимости от того, к какому объекту живой или неживой природы оно относится (к человеку, животному, звездам, улице, городу, селу, реке, ручью, книге или коммерческой фирме) – это слово, входящее в систему языка, образующееся по законам языка, живущее по определенным законам и употребляющееся в речи» [5].

Ономастическая лексика – тот раздел лексико-семантической системы языка, изучение которого сегодня актуализируется, поскольку «...в ономастиконе отражается культура во всех ее проявлениях, в широком и узком смысле этого слова, но отражается по-разному. С одной стороны, ИС создаются в языке, и в этом отношении главное для их функционирования развитие духовной культуры. С другой стороны, имена собственные как слова живо реагируют на любые факты не только духовной, но и материальной культуры» [9]. Ономастические исследования помогают выявлять пути миграций и места

In Nōminum Spatio (В пространстве имен)

былого расселения различных народов, языковые и культурные контакты, более древнее состояние языков и соотношение их диалектов. Топонимы, особенно названия населенных пунктов в своих основах содержат помимо лингвистических сведений, еще и сведения, отражающие национально-культурную специфику населения территории.

Подчеркнем особо, что ИС являются важными единицами, репрезентирующими связь с культурно-историческими традициями и национально-специфическим контекстом определенного времени; за счет присущей им накопительной функции они фиксируют и сохраняют в своих основах разнообразную информацию: лингвистическую, культурологическую, социальную, историческую, психологическую, этнографическую [8].

ИС представляют собой один из способов языкового воплощения кодов традиционной культуры; они отражают религиозное мировоззрение, верования, то есть обладают значительным информационным культурно-историческим потенциалом, определяющим особенности языковой картины мира народа. Таким образом, своеобразный «культурный код», «код культуры» [1;2] имеют все разряды ИС, но особой культурно-исторической ценностью обладают все, же именно топонимы. Их анализ позволяет выявить элементы традиционной духовной культуры двух народов – русского и белорусского, отражение ценностных приоритетов конкретного лингвокультурного сообщества и особенности мировидения жителей этого региона, эксплицитно воссоздать особенности менталитета как жителей приграничной зоны, так русского и белорусского народа в целом» [3] .

По мнению ведущего ономаста Беларуси А.М. Мезенко, именно культурные коды лежат в основе всей топонимической лексики; ученый, на примере анализа внутригородских названий в некоторых славянских государствах, выделяет 8 кодов культуры, объективирующихся в урбанонимии: 1) топоморфный; 2) антропоморфный; 3) физико-географический; 4) флористический; 5) фаунистический; 6) эмоционально-характерологический; 7) цветовой; 8) темпоральный [10].

Русские ученые также обращают внимание на ИС как «свернутый культурный код». Например, Е.И. Сьянова, исследу-

II Международные ономастические чтения им. Е.С. Отина

дую названия физико-географических объектов Воронежского Прихоперья, выявляет 9 кодов культуры, реализации которых служит топонимия региона: 1) геофизический (природно-ландшафтный); 2) зооморфный; 3) фитоморфный; 4) локативный; 5) антропоморфный; 6) цветовой; 7) темпоральный; 8) историко-социальный и этноморфный; 9) кванторный [14].

Наша задача состоит в выявлении национально-культурной специфики в топонимической лексике смоленско-витебского приграничья. Как известно, историческая общность смоленско-витебских приграничных территорий породила и их языковую общность.

Однако однозначно говорить о доминирующем влиянии одного из языков в номинировании географических объектов нельзя, так как для обоих языков характерно использование схожих или даже одинаковых основ и словообразовательных средств, отраженных в топонимии. Историческая общность порождает национально-культурную идентичность жителей приграничья, которая на протяжении долгого времени проявлялась в культурной, хозяйственной жизни народов данной территории, в антропонимиконе, а также в географических названиях приграничной зоны.

Интересны древние топонимы, в составе которых встречаются *балтизмы*, имеющие место на всей территории приграничья, так, как обозначения, связанные с природно-географическими признаками реалий (населенного пункта, реки, озера и т. д.), имеют следы влияния языков финно-угорской группы.

Например, *д. Пунище* (Витебский район) происходит от названия пуня «сенной сарай» (< лит. *punia, pune* с тем же значением). Название населенного пункта в основе имеет нарицательное существительное, обозначающее важный предмет в жизнедеятельности человека. В.И. Даль в своем «Толковом словаре живого великорусского языка» дает более подробное определение апеллятива: *пуня, пунька* (новг., твер., ряз., орл., тамб., калужск., смол.) – «поветь, сеновал; сарай; отдельный чулан, плетневая клеть, где складывают всячину, и летом спит хозяин; хлев (зап.)» [Даль 3, с. 538]. В современных смоленских говорах слово *пуня* сохраняется: это и сарай для сена, и кладовая для хозяйственных надобностей, и хлев,

In Nōminum Spatio (В пространстве имен)

сарай для скота. Имеется ссылка на Смоленский областной словарь В.Н. Добровольского [1914], что свидетельствует о стабильности употребления древнего имени нарицательного [ССГ 9, с. 75]. Областным считает слово *пуня* и К.К. Крапива [Крапива 3, с. 131].

В Руднянском районе засвидетельствована д. *Кадо-мы* Руднянского района. Обычно элемент *кадом* сближают с финским *katomaa* в значении «потерянная земля»; также есть предположение, что в основе названия *кадом* лежит финно-угорский апеллятив *кад* «топь, зыбун, трясина», представленный в языке коми [11]. Если обратиться к Словарю В.И. Даля, то следует отметить глагол *ка́дбми́ть* со значением «ходить без дела, слоняться или шататься» [Даль 2, с. 72]. Автор ставит знак вопроса при глаголе, что свидетельствует о неисследованности происхождения глагола, об этом же говорит и неясное ударение. Территория распространения – оренбургские и саранские говоры.

О языковом единстве свидетельствуют и некоторые современные диалектные корни в топонимах смоленско-витебского приграничья.

В Велижском районе есть д. *Гатчино*. В современных смоленских говорах активно слово *гать*: 1) «низкое, заболоченное место; болото». 2) «плотина» [ССГ 3, с. 20]. Те же значения для существительного *гать*, образованного от глагола *гатить* представлены в Словаре В.И. Даля [Даль 1, с. 346].

В Словаре Белорусского языка К.К. Крапивы находим глагол *гаціць* (несов.) с несколькими значениями: 1) «гатить; делать гать»; 2) «запружать, запруживать»; 3) перен. «нерасчетливо тратить» [Крапива 1, с. 298]. Как видим, в белорусском языке слова с корнем *-гать-* литературное.

Много общих для белорусского и русского языков географических названий появилось в советскую эпоху (особенно в 20-е – 30-е гг. XXв.) и является отражением ее идеологии: например, на смоленской территории находим топонимы д. *1-е Мая*, поселок *Льнозавода*, д. *Октябрьская* и др.; на витебской территории – д. *Красная Искра*, д. *Коммунарка*, д. *Ильичевка* и др. Это, несомненно, позволяет говорить о единстве топонимических систем рассматриваемых территорий.

С появлением 1991 году государственной границы между Российской Федерацией и Республикой Беларусь начинают происходить некоторые топонимические изменения. Обратим внимание на один процесс, который активизируется в последнее время и на который обращают внимание многие белорусские общественные, политические деятели и языковеды. Суть процесса состоит в стандартизации топонимических названий и упорядочении их написания на белорусском языке. В частности, I.Л. Капылоў (Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі) считает необходимым проведение именно такой работы по «стандартызацыі нацыянальнай тапаніміі» [6]. Основными принципами передачи русскоязычной топонимии на белорусский язык автор считает транслитерацию (*Савішкі – Савішкі*) и транслитерацию с заменой элементов морфем (*Селёц – Сялёц; Подліпкі – Падліпкі*) [Там же].

Следует подчеркнуть, что, поскольку в Беларуси активизируется употребление белорусского языка, возможно, эти процессы необходимы. Однако, так как в Республике Беларусь два государственных языка, то, возможно, целесообразнее давать два названия – с использованием русских орфографических правил и белорусских. Естественно, так как на территории РФ один государственный язык, подобных процессов не происходит (исключая переименования, о которых следует говорить особо).

Как видим, процессы, происходящие в топонимике России и Беларуси, ведут к объективному обособлению (разъединению) единого топонимического пространства смоленско-витебского приграничья, что с исторической точки зрения не совсем желательно, т.к. в определенной мере нивелируется национально-культурная специфика особого региона приграничья. Однако в настоящее время эта территория находится в границах одного Союзного государства, и, тем не менее, оно представляет собой совокупность разных государственных объединений, что определяет объективность появления разных тенденций в номинировании географических объектов. Этот факт усиливает проявление национально-культурной специфики в топонимии, что, несомненно, связано с усиле-

нием роли и расширением функций белорусского литературного языка в устной и письменной форме.

Итак, как мы показали, детальный анализ населенных пунктов смоленско-витебской приграничной зоны дает возможность выявить общность лингвистической и историко-культурной информации, содержащейся в основах топонимов, воссоздать через этот анализ фрагмент топонимической системы приграничья в истории и современном состоянии и показать, как усиливается проявление ментальности русского и белорусского народов, единых в своих истоках, но в настоящее время проживающих в рамках разных, хотя и дружественных государств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильева, Т.Ю. Коды культуры – ойконимия: проблема взаимосвязи / Т.Ю. Васильева // Смоленск и Смоленщина в именах и названиях: история и современность (к 1150-летию со дня основания города). Сборник статей по материалам докладов и сообщений конференции (Смоленск, 4-5 октября 2012 г.). – Смоленск: Маджента, 2012. – С. 65 – 69.
2. Васильева, Т.Ю. Принципы номинации населенных пунктов Белорусского Поозерья / Т.Ю. Васильева // На хвалях мовы: да 90-годдзя з дня нараджэння акадэміка М.В.Бірылы. Матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі (Мінск, 10 – 11 верасня 2013 г.). – Мінск: Беларуская навука, 2014. – С. 58 – 62.
3. Васильева, Т.Ю. Репрезентация пространственного кода культуры в ойконимии Белорусского Поозерья / Т.Ю. Васильева // Витебщина и Смоленщина в языковых и культурных контактах: история и современность: материалы Международного методического семинара (Смоленск, 1 декабря 2011 г.). Вып. 2. – Смоленск: СмолГУ, 2011. – С. 116 – 120.
4. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х тт./ В.И. Даль. – М.: Рус. яз., 1955. – 800 с. (Даль)
5. Горбаневский, М.В. В мире имен и названий. / М.В. Горбаневский – М.: Знание, 1987. – 208 с.
6. Капылюў, І.Л. Нарматыўна-правая база руска-беларускай і польска-беларускай перадачы ўласных геаграфічных назваў / І.Л. Капылюў //Беларуска-руска-польскае супастаўляльнае мовазнаўства, літаратуразнаўства, культуралогія: зборнік навуковых артыкулаў – Віцебск: ВДУ імя П.М. Машэрава, 2013. – С. 229-233.

7. Карский, Е.Ф. Белорусы Т.1. Введение в изучение языка и народной словесности./ Е.Ф. Карский. – Варшава: Типография Варшавского Учебного округа, 1903. – 466 с.

8. Королева, И.А. Языковые и культурные контакты в русско-белорусском приграничье / И.А. Королева // Актуальные проблемы приграничных районов Беларуси и Российской Федерации. Материалы Международной научно-практической конференции (Витебск, 27 мая 2011 г.). – Витебск: ВГУ им. П.М. Машерова, 2011. – С. 261 – 264.

9. Леонович, О.А. В мире английских имен / О.А. Леонович. – М.: Астрель, 2002. – 158 с.

10. Мезенко, А.М. Урбанонимия как язык культуры / А.М.Мезенко // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И.Вернадского. Сер. «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Том 24 (63), №2. Часть 1. – С. 388-392.

11. Никольский, А.А. Топонимы Рязанской области / А.А. Никольский – Рязань: Ряз. гос. ун-т им. С.А. Есенина., 2009. – 72 с.

12. Русско-белорусский словарь: В 3-х т. – Мн.: БелЭн, – 2002. (Крапива)

13. Словарь смоленских говоров, выпуск 3, 9-й – Смоленск: СГПУ, 1982. (ССГ)

14. Сьянова, Е.И. Ономастический код в ментальном пространстве диалектоносителей (на материале говоров Воронежского Прихоперья) : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Е.И.Сьянова ; Рос. гос. пед. ун-т. – СПб., 2007. – 24 с.

15. Назвы населеных пунктаў Рэспублікі Беларусь: Віцебская вобласць: нарматыўны даведнік. – Мінск: Тэхналогія, 2009. – 668 с.

16. Справочник по вопросам административно-территориального устройства Смоленской области. Смоленск: «Принт-Экспресс», 2010. – 247 с.

А.И. Илиади (Кировоград)

НЕСЛАВЯНСКАЯ ЛЕКСИКА В ГИДРОНИМИИ ДОНА: ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ЭТЮДЫ

*Статья посвящена этимологическому анализу нескольких восточнославянских гидронимов, предположительно, имеющих иранское происхождение, что согласуется с известными лингвистическими выводами об иранском наследии в некоторых гидронимических ареалах России и Украины. Для каждого из анализируемых названий с разной степенью вероятности восстанавливается отраженная в нем архаичная восточноиранская форма, озаглавливающая соответствующий этимологический этюд. В частности, предлагается сармато-аланское происхождение для Богана, Багана = *bag-āna, Каркагон = *karka-xan-/ *karka-kan-, Марефа = *marāf, Сура = *sūra, Богучар = *vahu-čar, Воргол = *vargal-.*

Ключевые слова: этимология, дериват, ареал, рефлекс, гидроним.

Топонимия восточной части Славии – очень сложный объект лингвистического анализа. Как показывают исследования последнего столетия, начиная с «Русско-скифских этюдов» А.И. Соболевского и заканчивая трудами Е.С.Отина, причина подобной сложности кроется во многослойности топонимической лексики восточнославянского ареала, т. к. каждый выделенный в ней хронологический стратум является живым свидетельством освоения этой территории носителями самых разных языков (индоевропейских и неиндоевропейских) в разное время. Одна языковая традиция сменяет другую не сразу: часто этому предшествует период

II Международные ономастические чтения им. Е.С. Отина

взаимодействия этносов, освоения пришлым народом топонимического наследия предшественников, что порождает существование нескольких, принадлежащих разным языкам, названий одного и того же объекта или же приводит к адаптации субстрата в духе народной этимологии, т. е. «подстраивания» облика чужих, непонятных топонимов под структуру лексики родного языка, если между ними есть формальное сходство. Ситуация оказывается еще более сложной, если пришлое население усваивает топонимию не из речи создавшего ее этноса, а через посредничество иного народа, т. е. уже измененной, как это было в ряде случаев наследования славянами иранской топонимии через тюркское посредство. В таких случаях названия несут в себе следы последовательного переосмысления в рамках различных языковых культур и разного исторического опыта, потому задача выявить оригинальную форму, стоящую в самом начале хронологической цепочки «приложения языковых усилий», является трудной в такой же степени, как интересной. Ниже приведено несколько попыток выявления «оригинальных» неславянских лексем, сохранившихся в гидронимии Дона со времен присутствия в его бассейне сармато-аланского населения, которое позже сменилось тюркским и славянским.

**bag-āna (?)*

Богана (Богая), 1678 г., совр. *Багана, Вагана* – л. Приток речки Баклуша [6: I, с. 313]. Может быть, словообразовательное развитие основы иран. **bag-* ‘раскалывать, расщеплять’, а применительно к системе мотивирующих признаков в гидронимии – место, где поток или река разделяются на рукава. Едва ли сюда же деснянское *Vagán*, -á, (река, л. Смячи п. Снови п. Десны л. Днепра в Городнянском р-не Черниговской обл. [8, с. 80]) ввиду отсутствия варианта с начальным *B-*, а также из-за вероятной принадлежности этого названия к балтийскому гидронимическому слою, ср. др.-прус. *Waghine* – озеро, лит. *vaga* ‘борозда’, лтш. *vaga* ‘то же’, на которые генетически сориентирован формально близкий гидроним бассейна Десны *Vaga* [9, с. 178].

**karka-xan-/*karka-kan-*

Названия гидрообъектов в бассейне Верхнего Дона *Каркагон*, 1793 г., *Мокрый Каркагон* (речка, 1822-32 гг.), *Сухой Каркагон*, 1852 г. (притоки Паншинки) [6: II, с. 7–8] в литературе относят к славянской лексике, объясняя их как рефлексы псл. **kьrkogonь* с первой частью **kьrk-* ~ и.-е. **(s)ker-* ‘крутить’, ‘резать’ [4, с. 206], второй компонент сложения не комментируется. Не сомневаясь в возможности развития **ь > а* внутри формулы *тыт* в донских говорах (ср., напр., дон. *карча́* ‘коряга’ < **kьrĉa*; [15: 13, с. 211]) и соглашаясь с констатацией формального сходства *Карк-* в *Каркагон* и псл. **kьrk-*, все же усомнимся в такой славянской этимологии указанных гидронимов, которая предлагает восстановить псл. композиту с неясной логикой объединения частей.

Более правдоподобным кажется объяснение *Каркагон* как иранского названия, окончательно адаптированного в русской речи при помощи дифференциаторов *мокрый*, *сухой*. Имеется в виду среднеиранская форма **karka-xan-* или **karka-kan-*, образованная продолжениями иран. **kьrka-*, **kurka-* ‘петух; курица’ (: ср.-перс. *kark* ‘цыпленок, курица’, осет. *kark* ‘курица’) и **kan-/*xan-* ‘источник, родник’ (: ср.-перс. *xān* ‘источник, родник; бассейн’, парф. *x'n* [*xān*] ‘источник, колодец’, ст.-вандж. *kain* ‘источник, родник’) [7: 4, с. 398, 399, 215]. Т. е. перед нами иноязычное название «куриного» источника, родника, колодца, чему достаточно подтверждений в генетически и типологически близкой славянской гидронимии Дона, ср. укр. *Курячий Яр*ок – яр, п. Боровой л. Северского Донца п. Дона, *Куряча (Куриная)* – л. Белой п. Лугани п. Северского Донца п. Дона [8, с. 304, 305], а также собственно иранские географические названия, такие как осет. *Кæрчыты хæрæн* «Куропаток солончак» (*кæрчыты* – род. п. мн. ч. < *карк* ‘курица’, ‘куропатка’) и *Кæрчыты адагтæ* «Куропаток овраги» со вторым компонентом *адагтæ* – им.п. мн.ч. от *адаг* ‘овраг’ [12, с. 264, 587]. Современная форма гидронима несет отпечаток народноэтимологического переосмысления второго компонента (в связи с *гонити*, *гнати*?), что, в общем, характерно для славянской адаптации иранских гидронимов-композит с постпозитивным **kan-/*xan-*, ср. укр. *Самоткан/Самоткань*

II Международные ономастические чтения им. Е.С. Отина

< иран. **asma-xan-*, *Домоткан/Домоткань* < иран. **danu-xan-*/**danava-xan-* [10, с. 207].

Остроумное объяснение Е. С. Отиным гидронима *Каркагон* как 'место, где скопилось много затонувших – *тѹплых* или поваленных бурей деревьев (карчушек, *буреломинка*)' (ср. *кѹрка*, *кѹрша*, *карчѹ* 'коряга' и *гонѹбить* 'копить, собирать (что-либо в одно место)') [6: II, с. 7] несколько не снижает вероятность иранской этимологии, т. к. убедительно показывает возможный вектор осмысления чужой лексемы в славянском употреблении через связи, установившиеся между ней и фонетически близкими русскими диалектизмами.

**marāf*

Укр. *Марєфа*, 1639 г. («по *Марєфе* до *Муравского шляху*»), *Мєрєфа*, 1785 г. (Харьковское наместничество), *Марєхва*, 1668 г. («оть ... *Мурафы* внизъ до ... *Марєхвы*»), *Мѣрєфья*, 1760 г., *Мєрєхва*, 1779 г., совр. *Мєрєфа* – река, п. Можга п. Северского Донца п. Дона [8, с. 360; 5, с. 95]. Эти формы, по нашему мнению, воспроизводят искаженную сарм. лексему **mar-āf* – сложение **mar-* (ср. хс. *tara* 'смерть, мор' < **tara-* 'умирание') & **āf-* (< **āp-*) 'вода', т. е. 'мертвая вода', 'мертвовод', ср. перс. *mord-āb* 'стоячая (букв. 'мертвая') вода, пруд', 'топь, болото' < **mṛ-tá-* 'умерший, мертвый' [7: 5, с. 210, 213], а также славянскую аналогию в укр. *Мєрєвѹд*, -*ѹду* (*Мєрєвовѹдъ*, 1697 г.) – река, левый приток Южного Буга [8, с. 360]. К изменению *p > f* в сарм.-алан. рефлексе иран. **āp-* ср. осет. *Ирѹф* – река (один из левых притоков Терека на территории Дигорского ущелья) «Ирѹф», «Ирская река», «Осетинская река», т. е. *ир* 'осетины' + название воды *ѹф* из *ап* (с ослаблением гласного в композите) [11, с. 309].

Звукокомплекс *xv* на месте этимологического *φ* в некоторых формах отражает его замену в славянской диалектной речи (в тех говорах, где *φ* поначалу отсутствовало в системе консонантизма), ср. укр. *Хвєдїр* наряду с *Фєдїр*, *хвїртка* 'небольшие двери в заборе или воротах' и *фїртка* и под. Флексия -*а* здесь возникла для согласования гидронима с аппеллативом *река*.

**sūra*

Мокрая Сура – п. п. Днепра, *Камышеватая Сура* – п. п. Мокрой Суры, *Сухая Сура* – л. п. Мокрой Суры, которые наряду с названием левого притока Днепра *Сула* были обоснованно квалифицированы как варианты формы, отражающие лексему типа младоавестийского *sūra-* ‘дыра, нора’ (также как название гидрообъекта) [10, с. 138–139, 159]. Возможно, география этих названий шире, ср. распространение фонетически близких лексем в ареале донской гидронимии: *Сур* – л. овр. Коновалов в бас. Речки Терсы п. Медвецы п. Дона, *Сура*, *Сурь* – ручей, пр. речки Непрядвы п. Дона [6: I, с. 27, 409]. По чисто формальным признакам сюда же ст.-рус. *Сура*, XVII в. – река в Московском царстве («А по *Суре* хлѣб да сся купит і купя бы сплавит до Чебаџарь») [3, с. 48].

vahu-čar* (> **βahu-čar*/bahu-čar*)

Богучар (*Боучар*, *Бугочар*, *Бугочары*, *Богучарь*, *Боючар*, *Богучарка*) – река, п. Дона, *Правая Богучар* – приток Дона, ср. город *Богучар*, *Богучаров* [6: I, с. 231, 232]. По поводу формы *Богучар* О. Н. Трубачев отмечал ее явную близость к речному названию др.-рус. **Богъ**, совр. *Бог* и предлагал видеть в *-чар* иран. **čar-* ‘двигаться’ с общим выводом о приемлемости иранской этимологии [10, с. 183]. Поддерживая этот вывод в целом и в некоторых частностях (ср. авест. *čara-* ‘движущийся, передвигающийся’ [7: 2, с. 229]), позволим себе усомниться в отождествлении первой части сложения с гидронимом **Богъ**, *Бог*. Обратим внимание на то, что структура всех известных вариантов *Богучар* последовательно демонстрирует исход *-у* в первой части (иногда с перестановкой: *-о* вместо *-у* при *у* на месте корневого *о*), который, видимо, передает этимологическое **-u*, невозможное в иран. **baga-*. Потому при отсутствии иных, более аргументированных этимологий, кажется, имеются формальные основания видеть в *Богучар* рефлекс скиф., сарм. лексемы **vahu-čar* ‘хороший поток’, ‘хорошее течение’, чей анлаут развивался в направлении **u-* > **w-* > **β-* > *b-* (подобная перестройка этимологического анлаута наблюдается в истории осетинского языка, см.: [14, с. 189]). Дальнейшая история позднего **βahu-čar*/**bahu-čar*; вероятно, действительно связана с названием др.-рус. **Богъ** в

II Международные ономастические чтения им. Е.С. Отина

том смысле, что рассматриваемое слово было перестроено в славянской речи из-за сближения со структурой донских водных названий с основой *Бог-*, откуда, собственно, *г* вместо *х*.

**varg-al-*

Ворго́л, *-у* – название реки в бассейне Десны (л. Клевени п. Сейма л. Десны л. Днепра), имеющее древнюю письменную историю, начинающуюся с упоминания под 1183–1184 гг. формы **Ворогль** и далее – **Ворголь**, 1283 г., *Воргла*, *Ворговь*, 1856 г., *Варговь*, *Wolhol*, XX в. [8, с. 121]. В классическом исследовании О. Н. Трубочева и В. Н. Топорова справедливо отождествляется со структурно близким названием реки в бассейне Дона *Варгол/Варголь*, вместе с которым относится к мордовским элементам в местной гидронимии, ср. к первой части др.-морд. **vur-*, совр. *vír* ‘лес’, а ко второй (гипотетически) морд. (эрзя) *kolǵems* ‘течь, сочиться; протекать’, т. е. *Воргол* как ‘лесной поток’ [9, с. 223]. Существует и славянская этимология донского названия *Варгол* как псл. **vǝrg-olъ* [13, с. 182–187], маловероятная как ввиду недостаточной апеллативной опоры для восстановления указанного прототипа, так и вследствие недоказанности родства большинства привлекаемых для анализа форм между собой.

Однако присутствие в ареале гидронимии бассейнов Дона и Десны иранских языковых реликтов указывает еще один путь истолкования *Воргол/Варгол*: речь идет об отражении в приведенных формах позднего сарм. сложения **varg-al-* с **varga-* ‘волк’ (ср. скиф. *varg-adak*, осет. *Wærgon* [2, с. 308]) в первой части, во второй же части угадывается рефлекс иран. **haria-* ‘течение’ < **har-* ‘передвигаться, идти, течь’ [7: 3, с. 369–371] с обычной (для древних аланских диалектов) утратой этимологического *h-* в анлауте, как в осет. *aly*, *ally* | *ali*, *alli* ‘всякое, всякий’ < **harva-* [1: I, с. 48, а также 187], и переходом *ri* > *l*. Впрочем, для **varg-al-* возможно первичное **varg-ar-* (с **ar-* < **hara-*), тогда перебой конечного *-r* > *-l* – это результат диссимилиации плавных *r – r* > *r – l*, аналогичный осет. *xærz-kūr* > *xærz-gūl* [1: I, с. 493]. Изначально, вероятно, ‘волчья река, вода’, ‘волчий поток’ или, если за **varg-* < **vagr-* стоит вариант к осет. *-ūrg* | *-orq*, авест. *uyra-* ‘мощный’ [1: I, с. 112–113], стоит предполагать ‘сильный поток’.

In Nōminum Spatio (В пространстве имен)

ЛИТЕРАТУРА

1. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР ; Наука, 1958–1989. – Т. I–IV.
2. Абаев В.И. Скифо-сарматские наречия // Основы иранского языкознания : древнеиранские языки. – М. : Наука, 1979. – С. 272–364.
3. Грамотки XVII – начала XVIII века / [изд. подг. Н.И. Тарабасова, Н.П. Панкратова и др. ; под ред. С. И. Коткова]. – М. : Наука, 1969.
4. Козлова Р.М. Структура праславянского слова. Праславянское слово в генетическом гнезде. – Гомель : БелГУТ, 1997.
5. Описи Харківського намісництва кінця XVIII ст.: Описово-статистичні джерела / [упоряд. В. О. Пірко, О. І. Гуржій]. – Київ : Наук. думка, 1991.
6. Отин Е.С. Гидронимия Дона. – Донецк : Юго-Восток, Лтд, 2008–2012. – Т. 1–2.
7. Расторгуева В.С., Эдельман Д.И. Этимологический словарь иранских языков. – М. : Вост. литература, 2000–2015. – Т. 1–5.
8. Словник гідронімів України / [ред. кол. К.К. Цілуйко, А.П. Непокупний, О.С. Стрижак]. – К. : Наук. думка, 1979.
9. Топоров В.Н., Трубачев О.Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. – М. : Изд-во АН СССР, 1962.
10. Трубачев О.Н. Названия рек Правобережной Украины: Словообразование. Этимология. Этническая интерпретация. – М. : Наука, 1968.
11. Цагаева А.Дз. Топонимия Северной Осетии. – Орджоникидзе : Ир, 1975. – Ч. II (Словарь географических названий).
12. Цагаева А.Дз. Топонимия Северной Осетии. – Владикавказ : Ир, 2010.
13. Шульгач В.П. Заметки по донской гидронимии: *Варгол* // Восточноукраинский лингвистический сборник. – Донецк : Донеччина, 1998. – С. 182–187.
14. Эдельман Д.И. Сравнительная грамматика восточноиранских языков: Фонология. – М. : Наука, 1986.
15. Этимологический словарь славянских языков: Праслав. лекс. фонд / [под ред. О.Н. Трубачева и А.Ф. Журавлева]. – М. : Наука, 1974–2014. – Вып. 1–39.

К.В. Першина (Донецк)

ОБ ИЗУЧЕНИИ ТОПОНИМИИ ДОНБАССА: РАЗГРАНИЧЕНИЕ УРБАНОНИМОВ И МИКРОТОПОНИМОВ

Рассматривается место урбанонимов в языковом пространстве города, анализируется соотношение между лингвистическим градоведением и лингвистическим краеведением, предлагаются подходы к разграничению урбанонимов и микротопонимов.

Ключевые слова: язык города, лингвистическое краеведение, урбаноним, микротопоним.

В своем выступлении на Святогорских ономастических чтениях 2014 г. «Камо грядеши, Донецкая ономастическая школа?» Е.С. Отин, основатель и вдохновитель этой школы, обозначил ряд задач, стоящих перед ней. Одной из них является изучение онимного и всего языкового пространства городов и поселков городского типа Донбасса. Ученый указал и те научные центры, на которые следует ориентироваться, а также общую перспективу исследований. «В Московском, Казанском, Одесском, Харьковском и др. университетах уже давно читается курс истории этих городов, вернее того, что ак. Б.А. Ларин называл когда-то лингвистическим изучением города. Такую работу с историками и краеведами пора начать и нам. Сюда войдет сбор и изучение названий внутригородских объектов (домов, фирм, учебных заведений). Далее необходим словарь региональных коллоквионизмов. В этом направлении известных результатов добились наши коллеги-ономасты в Казани, Пскове и других городах России»[5, с. 6].

Е.С. Отин упомянул академика Б.А. Ларина, который еще в конце 20-х годов XX в. говорил о необходимости

In Nōminum Spatio (В пространстве имен)

изучения состава и структуры языкового быта города и обозначил социокультурный контекст, в котором должны вестись эти исследования, а также наметил методологические подходы [3; 4].

Вновь к проблеме языка города обратились во 2-й пол. XX в., когда стали исследовать русскую разговорную речь. Л.А. Капанадзе и Е.В. Красильникова посвятили этой проблеме специальную статью «Лексика города (К постановке проблемы)» [2], в которой определили референтные поля, наметили аспекты изучения лексического материала, рассматривая в едином потоке апеллятивные и онимные единицы, остановились на вопросах источников и сбора фактического материала. Термином «лексика города» данные ученые обозначили «существующий в употреблении жителей одного города круг номинативных единиц, связанных со спецификой городского устройства и быта» [2, с. 282].

К настоящему времени сложилось отдельное направление изучения языкового пространства города, которое имеет разные обозначения: язык города, лингвистическое градоведение [7], лингвистическое портретирование (города), лексика города. О значимости такого рода исследований свидетельствует, например, тот факт, что в России их результаты входят в состав регионального компонента филологического образования.

В лингвистическом изучении языка города (языкового пространства города) утвердилось выделение двух сфер: речь горожан (с учетом социальных, возрастных, гендерных и других факторов) и городские номинации и тексты городской среды (вывески, плакаты, наружная реклама, афиши, граффити и др.). Совокупность единиц указанных двух сфер и является в настоящее время объектом лингвистического градоведения. Эту совокупность составляют апеллятивные и онимные единицы, которые функционируют в обеих сферах.

Следует остановиться на соотношении понятий «лингвистическое градоведение» и «лингвистическое краеведение». Первое из них связано с представлением о языковом пространстве города/поселка городского типа, данные объекты мыслятся как наполненные самыми разнообразными языковыми единицами и формами,

II Международные ономастические чтения им. Е.С. Отина

реализуемыми носителями языка в границах городов/поселков. Второе связано с представлением о языковом пространстве целого края, региона, организующим началом которого выступает населенный пункт и прилегающая к нему территория. И в первом, и во втором направлениях сложилась традиция отделять в ходе исследования онимный компонент от апеллятивного.

Е.С. Отин воспринимал изучение языка города как часть лингвистического краеведения, а изучение топонимии края как его часть. Он представлял себе фронтальное изучение топонимии Донбасса как тщательное изучение топонимии отдельных селений - и городов, и поселков, и сел - и прилегающего к ним пространства, завершающееся составлением словарей топонимов каждого отдельного населенного пункта. Принцип систематизации следующий: а) названия внутри селения; б) названия за пределами селения на прилегающей территории. Этот принцип хорошо просматривается, например, в книге Е.С. Отина «Происхождение географических названий Донбасса» [6].

Изучение названий внутригородских объектов - это часть изучения региональной топонимии, для нашего региона очень важная, поскольку Донбасс - один из самых высокоурбанизированных регионов Европы. Вместе с тем надо помнить, что изучение топонимии - это важная, но только часть лингвокраеведческого изучения территории; изучать надо и антропонимию, и эргонию, и другие онимные секторы и поля. При этом единицы данных полей должны мыслиться включенными в живую разговорную стихию Донбасса, которая также требует систематизированного и разностороннего изучения.

Методологически важным для данных исследований является вопрос о соотношении книжно-письменного и устно-разговорного аспектов существования анализируемых единиц, точнее, их учета в ходе сбора и систематизации реального языкового материала. В этой связи еще раз обращусь к мыслям Б.А. Ларина. «Литературные языки генетически связаны с городом, но они давно уже «выросли» из этой своей колыбели, и настолько, что не могут заменять или представлять собою языковую культуру города. Издавна и до сих пор (к концу 20-х

In Nōminum Spatio (В пространстве имен)

годов XX в. – *К.П.*) они остаются достоянием одной только «верхушки» городского коллектива» [3, с.189]. Данное положение является прямым указанием на то, какой должна быть технология фиксации названий: точная фиксация фонетико-морфологической формы названия (во всех его вариантах), а также его грамматических и коммуникативно-дискурсивных характеристик (в высказываниях, текстах различных жанров и стилей), обязательно сопровождающаяся социальными и культурными характеристиками языковой личности информаторов (в случаях полевой или анкетной работы с ними). Непременное и принципиально важное условие фиксации названия – не пытаться подгонять его под нормы литературно-письменные; письменно-литературные формы должны быть представлены и рассматриваемы как одна из разновидностей (ипостасей) названия.

При сборе названий исключительно важное значение приобретает научная добросовестность и порядочность, поскольку может возникнуть соблазн «онимных приписок и фальсификаций». Поэтому нужен механизм перепроверок. Кроме этого, требует хорошей проработки источниковая база, на которую может опираться сборщик и исследователь.

Сейчас региональная топонимия в целом и урбанонимия, которая является ее частью, активно изучаются, имеются серьезные разноаспектные исследования по разным регионам и городам. Содержание работ показывает, что есть несовпадения в понимании состава единиц и границ референтных полей урбанонимов и микротопонимов. На уровне дефиниций этих единиц все относительно ясно: урбаноним – это проприальное именование внутригородского объекта, а микротопоним – это поприальное именование природного или созданного человеком объекта, известного лишь узкому кругу людей, живущих возле него [8, с. 86]. Но при знакомстве с конкретными исследованиями обнаруживается некоторая неопределенность понятия «микротопоним», касающаяся его соотношения с понятием «урбаноним». Так, И.А. Воробьева говорит о микротопонимах, функционирующих в пределах одного населенного пункта и обычно не известных за его пределами [1, с. 46]. Изложим свое понимание этого соотношения.

II Международные ономастические чтения им. Е.С. Отина

Референтное поле урбанонимии в современном его виде неоднородно. В него включаются объекты разных денотативных классов: 1) топографические объекты собственно городской инфраструктуры, в том числе такие, которые являются компонентом пространства всякого населенного пункта; б) объекты производственного, торгового и социально-культурного предназначения, наделенные дополнительной функцией топографического ориентира; 3) объекты естественно-географического происхождения и приравненные к ним, тоже наделенные адресно-топографической функцией; 4) зоны (участки) пространства города. Исходя из этого всю совокупность номинативных единиц, обозначаемую термином урбанонимия, можно представить как состоящую из трех основных полей: собственно урбанонимы; эргоурбанонимы (урбоэргонимы); топоурбанонимы (урботопонимы).

При таком подходе снимается необходимость вводить в описание организации урбанонимии того или иного населенного пункта понятия «микротопоним» в том его понимании, которое утвердилось в практике ономастических исследований. Известно, что выделение микротопонимов как отдельной группы проприальных единиц основывается не на физико-географической природе их референтов, как это имеет место при выделении гидронимов, хоронимов, оронимов, лимнонимов, гелонимов, дромонимов и других видов топонимов, а на размерах географических объектов разных классов и степени их известности носителям языка. Что касается корреляции «урбаноним – микроурбаноним» [10], то она отражает иное основание классификации: официальное – неофициальное название.

Топонимное пространство за пределами населенного пункта (города, поселка, села и др.) может описываться по двум принципам: в соответствии с классами географических объектов в соответствии с степенью известности (отмечается на географических картах и других картографических изданиях или не отмечается). Если объединять эти два подхода (а это так или иначе необходимо делать, потому что в топонимии региона всегда есть единицы разной степени

известности), тогда систематизация топонимов может осуществляться по схеме:

Гидроним – микрогидроним
Лимноним – микролимноним
Гелоним – микрогелоним
Ороним – микроороним
Хороним – микрохороним
Дромоним – микродромоним

Данная схема в ходе исследования может дополняться новыми компонентами, сам же принцип подобного противопоставления был сформирован еще в 70-е годы XX ст. Ср. словарную статью: «Микротопоним – собственное имя (чаще) природного физико-географического объекта, (реже) созданного человеком, имеющее узкую сферу употребления: функционирующее лишь в пределах микротерритории, известное узкому кругу людей, живущих вблизи именуемого микрообъекта, в т.ч. микрогидроним, микроойконим, микроороним, микрохороним, названия урочищ, хозяйственных угодий, микросооружений (колодцев, мостов, будок, вышек, зимовий, кордонов, охотничьих домиков, заимок и т.п.» [8, с. 86].

Последовательное разграничение урбанонимов и микротопонимов на этапе лингвистического анализа возможно при условии точного описания конкретного референта, за которым закреплено название. Это обязательное требование к процедуре сбора и фиксации названий. Конкретные примеры подобного описания находим в книге Е.С. Отина «Происхождение географических названий Донбасса» [6].

ЛИТЕРАТУРА

1. Воробьева И.А. Топонимика Западной Сибири / И.А. Воробьева. – Томск, 1977.
2. Капанадзе Л.А., Красильникова Е.В. Лексика города (К постановке проблемы) / Л.А. Капанадзе, Е.В. Красильникова // Способы номинации в русском языке. – М.: Наука, 1982. – С. 282–294.
3. Ларин Б.А. К лингвистической характеристике города (несколько предпосылок) / Б.А. Ларин // История русского языка и общее языкознание (Избранные работы): Учеб.пособ. для студ. пед. ин-тов. – М.: Просвещение, 1977. – С.189 – 199.

II Международные ономастические чтения им. Е.С. Отина

4. Ларин Б.А. О лингвистическом изучении города/ Б.А.Ларин// История русского языка и общее языкознание (Избранные работы): Учеб.пособ для студ. пед. ин-тов. – М.: Просвещение, 1977. – С. 175 – 189.
5. Отин Е.С. Камо грядеши, Донецкая ономастическая школа? / Е.С. Отин // Имя собственное в жизни и литературе: Материалы IX Международных Святогорских ономастических и IX Международных Михайловских литературно-ономастических чтений / Редколлегия: В.М. Калинин (отв.ред.) и др. – К.: Издательский дом Д.Бурого, 2015. – С. 5 – 6.
6. Отин Е.С. Происхождение географических названий Донбасса / Е.С.Отин. – Донецк: Юго-Восток, 2014. – 199 с.
7. Подберезкина Л.З. Лингвистическое градоведение (о перспективах исследования языкового облика Красноярска) / Л.З.Подберезкина// Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: Научно-методический бюллетень. Вып. 6. – Красноярск – Ачинск, 1998. – С. 22 – 30.
8. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Н.В.Подольская. – М.: Наука, 1977. – 198 с.
9. Подольская Н.В. Урбанонимия центральных областей РСФСР /Н.В.Подольская // Топонимия Центральной России. – М.: Мысль, 1974. – С.123 – 129.
10. Разумов Р.В. Коннотативная микроурбанонимия российских городов / Р.В. Разумов // I Международные ономастические чтения им. Е.С. Отина. Электронный ресурс: Режим доступа: azbuka.in.ua/ дата обращения 20.11/2016.

А.К. Шапошников (Москва)

**ИСТОРИЧЕСКАЯ ТОПОНИМИЯ НОВОРОССИИ
В VIAJES POR EL IMPERIO DE RUSIA ГРАФА
ФРАНСИСКО ДЕ МИРАНДА (07.10.1786 —
06.09.1787)**

*В статье рассматривается топонимия Новороссии, упомянутая в дневниковых записях *Viajes por el Imperio de Rusia* (07.10.1786 – 06.09.1787) известного латиноамериканского деятеля графа Франсиско де Миранда (1750–1816). Каждый топоним сопровождается этимологическим и лингвострановедческим комментарием.*

***Ключевые слова:** топоним, гидроним, этимология, значение, обозначаемое, варваризм*

Один из самых интересных и информативных текстов «золотого века Екатерины», в котором подробно описаны западные области Российской Империи от Херсона, Кременчуга, Киева, Москвы до Санкт-Петербурга, Выборга и Кронштадта, принадлежит обширному литературному наследию Франсиско де Миранды (1750–1816), знаменитого испанца из Каракаса, Венесуэла*. Отечественное издание этих путевых дневниковых записей [2] является переводом с испанского издания [1].

Так как вышеупомянутый перевод не имеет словоуказателя географических названий, приходится путем сплошной вычитки выбирать интересующие нас топонимы Новороссийского края на 1786–1787 гг. Некоторые из них являются полезным дополнением к карте Сантини 1777 г. и карте Камерального описания 1784 г. А главное, записки дают информацию о состоянии и общем виде упоминаемых объектов, сообщают

II Международные ономастические чтения им. Е.С. Отина

некоторые реалии, не замеченные другими исследователями Тавриды.

Айбар (Aybar) – селение в 26 верстах от Дермена [2, с. 55], позднее Ойбур? Топоним – варваризм. См. Дермен.

Ак-Мечеть (Acmechet) – населенный пункт в долине Салгира с населением 800 человек [2 с. 56, 74]. Топоним – варваризм, образованный простым сложением тюрк. ак и испорченного арабизма *масджид*. См. Салгир, Симферополь.

***Альма** (?) – переправились через реку Кача в 17 верстах от Симферополя и сменили лошадей [2: с. 56]. К сожалению, Франсиско де Миранда спутал гидронимы: зд. Кача ошибочно вместо Альма. См. Кача.

Андат (Andat) – речка и тут же рядом Кишлав в 38 верстах от Карасубазара [2, с. 67]. Подозреваю порчу гидронима уже самим автором. Позднее эта речка носила название *Индол*, *Мокрый Индол* и *Сухой Индол*.

Армянский монастырь [el monasterio armenio] — Среди руин Старого Крыма обнаружили еще развалины армянского монастыря [2, с. 70], не вполне ясно, какой из армянских монастырей вдоль дороги Отузы – Старый Крым обнаружили путешественники, Сурб Степанос или Сурб Хач. В любом случае, речь идет об армянских монастырях XIV в. на территории генуэзской колонии Газарии.

Балаклава (Balaclava) – населенный пункт в 14 верстах от Севастополя... Орест и Пилад высадились близ Балаклавы... [2, с. 74]. Топоним – варваризм. Обычно трактуется как *балык-лыг* «место рыбное», при этом забывают, что в тюркских языках была еще одна основа (омофон) *балык* «город». Поэтому, ввиду очевидного признака объекта (многочисленные руины большого и хорошо укрепленного города Чимбало), я склоняюсь ко второй этимологии.

Барак Гарнизона (barraca de la guarnición) в г. Севастополь [2, с. 58]. Отметим словоупотребление сущ. barraca не в исп. знач. «крестьянский дом; лачуга», а в русск. знач. «длинный дом, общежитие казарменного типа» [4, с. 47]. См. Севастополь.

Барак Егерского Батальона (barracas del batallón de los cazadores) чуть поодаль от греческого монастыря Ин-

кермана [2, с. 58], позднее *régiment des chasseurs à pied*. См. Инкерман.

Баракы пехотного полка генерал-майора Бабарыкина (*barracas del regimiento de infantería de...*) – на пути от Перекопа в Херсон, в 20 верстах от Кинбурна [2, с. 75]. См. Кинбурн.

Бахчисарай (*Bacshisaray*) – бывшая столица Крыма в 18 верстах от переправы через Качу (Альму!), население 5000 человек, с незначительными отклонениями [2, с. 57, 61, 74]. Испорченный персидский изафет *багча-и сарай* «садовый дворец».

Безымянное селение на расстоянии версты от Симферополя с Садам Императрицы [2, с. 56]. Теперь эта местность находится внутри городской черты Симферополя. См. Сад Императрицы, Симферополь.

Бельбек (*Belbec*) – ... поехали другой дорогой вдоль морского берега, переправились через реку Кабарга, миновали большое татарское селение Бельбек [2, с. 61]. Известно также как деревня Бельбек-отар. Скорее всего, варваризм *бельбек* едва ли осознавался в те времена как этноним. См. Кабарга.

Борутес (*Borutes*) – река в 27 верстах к востоку от Симферополя [2, с. 64], ныне р. Зуя в 25 км от Симферополя. Гидроним, не получивший убедительного толкования и этимологии. Не является ли эта форма результатом порчи реального гидронима Борульча (**Borulcs?*). См. Ботанический Сад.

Боспорское царство (*el reino Vosporano*) – ...основанная Митридатом столица Боспорского царства находилась в окрестностях Еникале [2, с. 74]. См. Еникале.

Ботанический Сад и животноводческое хозяйство князя Потемкина (*el jardín botánico... del Príncipe Potemkin*) – в 27 верстах к востоку от Симферополя [2, с. 61–62], с. Зуя? Идея разведения ботанических садов в благоприятных местностях Тавриды, как видим, реализовывалась уже в первые годы освоения Новороссии. Ср. Ботанической, кая, кое прил. Къ ботаникѣ относящійся. Ботанической садъ (САР I, кол. 300) См. Борутес.

Бурандук (*Buranduc*) – одно из 2-х небольших селений к востоку от Карасубазара [2, с. 67], известно и позднее, Бу-

II Международные ономастические чтения им. Е.С. Отина

рундук. Топоним – варваризм, издавна десемантизированный этноним?

Греческая Колония (la colonia griega) – колония в Тавриде, от которой в 1786 г. осталось всего 300 человек [2, с. 39].

Греческий монастырь (el monasterio griego) – греческий монастырь и церковь в 2-х верстах от г. Инкерман с просторными помещениями, и даже сохранилась церковная фресковая живопись, выполненная в наилучших традициях, свойственных Греции (Grecia antigua) раннего средневековья [2, с. 58].

Дермен (Dermen) – населенный пункт в 26 верстах от Пяти Колодцев [2, с. 55]. Топоним – варваризм, может быть, просторечная порча тур. *дегермен* «мельница». См. Пять Колодцев.

Днепр (El Dniéper) – первые семь верст нашего пути проходили по льду реки Днепр [2, с. 55]. См. Херсон.

Дом Адмирала Макензи (casa del almirante Mackenzie) – Зашил в дом, который построил для себя в английском стиле адмирал Макензи (теперь он продается за 4 тысячи рублей) [2, с. 58], дом контр-адмирала ЧФ Макензи в Севастополе, см. Севастополь.

Дом г-на Андерсона (casa del señor Anderson) – усадьба на берегу реки Борутес в 27 верстах от Симферополя [2, с. 64], ср. Зуя в 25 км от Симферополя. См. Борутес.

Дом для Императрицы (casa construida por la Emperatriz) – Там есть основательно построенный дом для императрицы [2, с. 68], в городе Старый Крым. См. Старый Крым.

Дом Императрицы (casa de la Emperatriz) у реки Карасу – в 4 верстах от Карасубазара [2, с. 64], см. Карасу.

Екатеринослав (Yecaterinoslav) – главный город Екатеринославского наместничества в 1783–1793 гг., проект и перспективный план развития города готовился французским архитектором г-ном Эруэном [2, с. 63–64].

Еникале (Yenicale) – крепость, перешедшая к России в 1774 г. ...основанная Митридатом столица Боспорского царства находилась в окрестностях Еникале [2, с. 74]. Топоним – варваризм, образованный сложением тур. *ени* и араб. *кале* «новая крепость».

In Nōtīnūt Spātīo (В пространстве имен)

Инкерман (Inkerman) – разрушенный город Инкерман в 130 верстах от Бахчисарая, где имеется множество домов и иных жилищ, вырубленных в скалах, которые достигают значительной высоты. Эти строения расположены в 5 ярусов, возвышающихся один над другим, они образуют улицы, которые сообщаются между собой при помощи внутренних лестниц и т. д. [2, с. 58]. Это – руины средневекового города *Каламита*, чье название тысячу лет напоминало о применении камыша Диофантом для постройки переправы через узкий залив (ок. 112 г. до н. э.). В раннее средневековье пещерный город назывался иногда Дорантом. Топоним Инкерман – варваризм, образованный сложением основ *ин(э)* «дыра, нора» и *керман* «крепость» появился после 1475 г.

Истоки реки Карасу (fuentes del río Carasu) – в 5 верстах от Карасубазара [2, с. 66]. В современной географии и картографии истоки реки Биюк-Карасу находятся километрах в 35 от Белогорска, высоко в горах. Видимо, в те времена за истоки реки принимались притоки, к примеру, приток в селах Зеленогорское и Балки.

Итальянская Колония (colonia italiana) – колония в Тавриде из 1300 итальянцев во главе с Макьюзи, основана в 1783 г., в 1786 г. в ней едва осталось 250 человек, а их руководителя чуть было не повесили [2, с. 39].

Кабарта (Cabarta) – небольшая речка в ... верстах от Бахчисарая... переправа через Кабарту [2, с. 58, 61]. В средневековье река называлась *Фети* или *Фоти*, ныне *Бельбек* по отэтнонимному топониму *Бельбек-отар*. Высказывались разные мнения о происхождении и отождествлении этого гидронима. В те времена были известны деревня *Кабарда* и река *Кабарда* (Камеральное описание 1784 г.), ныне – река *Кабарта-Су*. Преобладает толкование этого наименования на основе этнонима хазарского периода, известного как *кабары*, *кавары* (Κάβαροι), оформленного аланским показателем собирательной множественности -та. Сам этимон, слово *кабар*, скорее всего, следует возводить к венгерскому глаг. со знач. 'смешивать'. Ср., впрочем, др.-инд. *kabara-* 'пестрый, разноцветный'. Первичное значение, предположительно, местность общины кабаров. Обозначаемое – этническая или религиозная общность. Согласно Константину Багрянородному, каба-

II Международные ономастические чтения им. Е.С. Отина

ры произошли из рода хазар. Подразделялись они на три рода, подчинялись одному архонту. После междоусобной борьбы, одни из них были перебиты, другие, бежав, пришли и поселились вместе с венграми в земле печенегов, сдружились друг с другом и стали называться каварами. Поэтому они обучили языку хазар и венгров, и сами говорили на этом языке ок. 950 г. Но пользовались они и другим языком, венгерским (DAI 39). Создатели этнонима в данном виде, между тем, аланы.

Казачий эскадрон бригадира Денисова (*escuadrón cosaco...*) – военный лагерь в 16 верстах от Симферополя и 6 верстах от дома г-на Андерсона в Борутесе [2, с. 71]. См. Борутес, Дом г-на Андерсона, Симферополь.

Каланчак (*Calanchac*) – река в 90 верстах от Херсона [2, с. 55]. Гидроним – варваризм ногайск. происхождения.

Каменный мост (*el puente de piedra*) через р. Каланчак в 90 верстах от Херсона [2, с. 55]. См. Каланчак.

Карантинный барак (*barraca de cuarentena sanitaria en Kherson*) – карантинный изолятор г. Херсона [2, с. 24]. Аналогичные заведения были в Еникале, Кафе и Херсонесе. В названии сохранено числительное 40 – количество дней противозидемического карантина.

Карасу (*Carasu*) – река на расстоянии 22 верст от Ботанического сада князя Потемкина [2, с. 64], ныне в 22 км от Зуи. Гидроним – варваризм *кара-су* «черная вода; старица реки».

Карасубазар (*Carasubazar*) – город в 4 верстах от р. Карасу и Дома императрицы, расположенный... на равнине, возле реки, и порядком разрушенный. Большинство его зданий построено из необожженного кирпича, а некоторые, что получше, – каменной кладки, с помещениями для приезжих. В главном из них располагаются турецкие, армянские и еврейские торговцы со своими жалкими лавчонками. На центральной улице — строение с убогой кровлей, в котором тоже есть лавки, но все в полном запустении и сильно разрушено. Население – 2800 человек с незначительными отклонениями [2, с. 65, 74]. Топоним варваризм, образованный посредством сложения тюрк. *Карасу* (зд. гидроним) и адаптированного перс. *базар*.

Карасумир (Carasumir) – речка к востоку от Карасу и Карасубазара [2, с. 67], ныне Кучук-Карасу «малый Карасу». Варваризм с гидронимом Карасу в составе. См. Карасу, Карасубазар.

Кача (Cacha) – небольшая речка в ... верстах от Бахчисарая [2, с. 58, 61], ныне р. *Кача* в 7/8 км. к югу от Бахчисарая. С 1780-х г. изв. р. *Кача* (Камеральное описание 1784 г.), Мачин, Биюк-Узень (Бахч.). Ударение на первом слоге позволяет возводить к синдо-меотск. **каса*- ‘берег, кромка’, ‘береговое болото’, ср. др.-инд. *касча*- ‘берег, кромка; береговое болото; укромное место’. Ср. однокоренной топоним античного побережья Кавказа *Nikaxin*, при др.-инд. *kakṣin* ‘имеющий окружающие берега, укромность’. Значение «берег, кромка» зд. следует понимать как скальные стены каньона, которые образовала река. Обозначаемое – река, берущая начало на высокогорных лугах Таврических гор, прорезающая вторую и третью гряду их, образуя живописные ущелья. Создатели гидронима – синдо-меоты. С этим гидронимом тесно связаны и соседние топонимы: ск., пещ. мон. *Качи-Кальон*, *Качи-Кален* (Бахч.), которые являются уникальным напоминанием об испанском языке! Историками и археологами предлагались недостоверные толкования топоосновы *кальон*, *калён*, на основе исп. слова *galeón* ‘галеон’ (sic!) и на основе греч. формы срав. степ. прилаг. *καλλίων* ‘прекраснее’. Убедительнее этот топоним толкуется как порча «персидского изафета» **кача*-и *каньон*, гибрида из туземного речного наименования Кача и искаженного урумами исп. *саñон*, ставшего известным им при франц. посредстве (в 1774–1783 гг. на службе хана состояли многие французы, испанцы, англичане). Предложена и цельно-лексемная индоарийская этимология по аналогии с др.-инд. *касча*- ‘берег’ и *калуāна*- ‘красивый, хороший, добрый, прекрасный, счастливый, благополучный’ [3, с. 243]. Наиболее вероятное первичное значение – «каньон Качи», почти тавтология. Обозначаемое – открытое поселение VIII–IX вв., укрепленный средневековый пещерный монастырь X–XV вв. с источником Суук-Су близ с. Баштановка. Постоянное селение VIII–XVIII вв. размещалось на террасированном восточном склоне Качинского ущелья. В скалах были выдолблены хозяйственные (стойла, подвалы, ямы, тарапаны) и культовые

II Международные ономастические чтения им. Е.С. Отина

помещения (усыпальницы, часовни, церкви), существовавшие одновременно с наземными постройками. Большая часть пещерных сооружений расположена возле четырех больших гротов, доступ к которым некогда прикрывала линия оборонительных стен, сложенных из грубо обтесанных блоков. Создатели топонима – урумы. Время появления топонима – новое время (XVIII вв.?).

Кинбурн [Kinburn] – крепость, в 1774 г. отошедшая к России, ... достигли барачков генерал-майора Бабарыкина, который находится тут, недалеко от Кинбурна, может быть, в 20 верстах, с пехотным полком [2, с. 75]. Топоним – порча варваризма *кил-бурун* «волос-мыс» (?).

Кишлав (Kishlav) – деревня и поместье (el pueblo y la finca) графа Разумовского (el Mariscal de Razumovsky, el Conde de Razumovsky), ранее же была усадьба некоего мирзы (la finca de un mirza), расположенная в восхитительной местности. Тут же дислоцированы Константиноградский кавалерийский полк [el regimiento de caballería] и казачий эскадрон [escuadrón de los cosacos] [2, с. 67]. В 1804 г. в Кишлавке была основана колония болгар из с. Граматиково (Странджа). Топоним – варваризм *кышлаг* «зимник, зимовье».

Козлов [Cozlov] – город в Тавриде с населением 3500 человек [2, с. 74], также *Гёзлеве*, ныне неверно называется Евпаторией. Топоним – варваризм, переосмысленный и переоформленный в русск. языковом обиходе на основе сущ. *козёл, козлов*. Сам по себе топоним – то ли рефлекс пратюрк. *közlüg*, то ли тюрк. диал. производное с суф. -lüg от *güzel*, порча арабизма со знач. ‘прекрасный’. В последнем случае: осознанная калька античного топонима Καλός λιμήν.

Козы [Cozy] – селение на пути из Судака в Отузы [2, с. 68], ныне Солнечная Долина. То ли варваризм *qoz*, то ли еще скифск. и фрак. *koz-* «коза».

Кременчуг [Cremenchug] – административный центр Новороссийской губернии в 1765–1783 гг., уездный город Екатеринославского наместничества в 1783–1793 гг., там была ставка Потемкина в 1786/7 гг., в городе было два учебных заведения: в одном обучались 72 юноши и иные желающие, платя по 12 руб. в год (грамматика, франц. и нем. языки, арифметика, география), другое заведение – для девиц (вы-
In Nōminum Spatio (В пространстве имен)

шивание, чтение, танцы, пение, игра на фортепьяно) по 36 рублей в год [2, с. 40, 41, 75, 76–82]. В 1797 г. город был передан в состав Малороссийской губернии, в 1802 г. – в состав Полтавской губернии.

Немецкая колония [colonia alemana] – колония в Тавриде, которую постигла та же участь, что греческую и итальянскую [2, с. 39]. Впрочем, в Тавриду все-таки были выведены немецкие колонии: в Судаке, Цюрихтале и др. местах.

Отузы (Otuzy) – селение на пути из Судака в Старый Крым [2, с. 68], ныне Щебетовка в 28 км от Судака. Любопытно, что в те времена дорога из Судака сворачивала в Отузах в горную долину и вела через высокий перевал в Старый Крым, минуя вовсе долины Коктебеля (который еще не существовал). Варваризм *отуз* «тридцать».

Партениса (Parteniza) – место на том же побережье, примерно в 40 верстах дальше (Балаклавы), где еще видны развалины, колоннада и прочие остатки похожего античного сооружения [2, с. 74]. Ныне Партениты, к югу от Алушты. Греч. топоним известен с раннего средневековья.

Перекоп (Peresop) — город и линия укреплений протяженностью в 7 верст в 32 верстах от Каменного моста через Каланчак [2, с. 55, 74].

Пристань Глубокая (el puerto deportivo Glouboc, Glubosaa) – пристань в 30 милях от Карантинного барака г. Херсона [2, с. 24], в устье Днепра. См. Карантинный барак Херсона.

Пристань Инкермана (el puerto deportivo del Inkerman) в 7 верстах от города Инкермана и в 5 верстах от Монастыря Греческого [2, с. 58]. См. Монастырь Греческий.

Пять Колодцев (*cinco pozos*), расположенных на берегу соленого озера в 17 верстах от Перекопа [2, с. 55]. Варваризм Бешкую «пять колодизей», скорее всего доносит местную традицию наименования этой местности.

Равнина (*planicie*) или степь – тянется от Херсона до Кременчуга на сутки пути, где нет ни единого дерева и ни малейшей возвышенности, кроме виднеющихся повсюду могильников. если где-то встречается небольшое жилое строение, то оно находится в ложбине, овеваемой северным ветром [2, с. 76], см. Степь.

II Международные ономастические чтения им. Е.С. Отина

Сад императрицы (*jardín de la Emperatriz*) – благоустроенный сад в 3-х верстах от г. Херсон [2, с. 42], см. Херсон.

Сад императрицы (*jardín de la Emperatriz*) – благоустроенный сад в 1 версте от Симферополя [2, с. 56], см. Симферополь.

Салгир, берег Салгира (*la orilla del río Salguir*) – место на берегу главной реки Крыма в 27 верстах от Треблян [2, с. 56], см. Требляны.

Севастополь (*Sebastopol*) – город в 2 верстах от Пристанни Инкермана [2, с. 58]. См. Пристань Инкермана.

Северная сторона Севастопольской бухты (*la cara norte de la bahía de Sebastopol*) – против порта [2, с. 61].

Симферополь (*Simferopol*) – город в 15 верстах от места вдоль Салгира и в 255 верстах от Херсона, административный центр, симферопольская штаб-квартира Потемкина, Миранды, Нассау и др. зимой 1787 г. [2, с. 56, 61, 74], прежде Ак-Мечеть.

Солеварня (*la salina*) Перекопа [2, с. 55] – такой топоним встречается и на итальянских портоланах XIV–XVII вв.

Старый Крым (*Stary Crim*) — город в 32 верстах от Судака, от коего сохранились лишь развалины. Там есть основательно построенный Дом для Императрицы и размещается Таврический полк легкой кавалерии.... руинами Старого Крыма, среди которых наиболее интересны остатки квадратного здания из камня и кирпича, похожего на христианский храм; другое напоминает баню, и еще одно – несомненно, мечеть. Карасубазар в 45 верстах от Старого Крыма. Среди руин Старого Крыма обнаружили еще развалины армянского монастыря [2, с. 68, 70]. Топоним появился в результате половинчатого перевода варваризма Эски-Кырым, имеющего первичное значение «древний ров», в свою очередь калька античного, эллинистического топонима Палеотафрос «древний ров» (он же Тафрос Эврея – «широкий ров»), который более 2 тысячелетий обозначал рукотворный ров от Таврических гор до Сапра лимны, служивший традиционной границей историко-культурной области Тавро-Скифика. См. Карасубазар, Монастырь армянский, Судак,

Степь (*estepa*) или равнина – тянется от Херсона до Кременчуга на сутки пути, где нет ни единого дерева и ни *In Nōtūm Spatio (В пространстве имен)*

малейшей возвышенности, кроме виднеющихся повсюду могильников. если где-то встречается небольшое жилое строение, то оно находится в ложбине, овеваемой северным ветром [2, с. 76].

Субаши (Subashy) – селение на пути из Старого Крыма в Карасубазар [2, с. 70]. Варваризм со знач. «источник воды». Вероятно, ошибка автора, так как ныне Субаш находится на пути из Феодосии в Старый Крым, субашская вода доставляется по водопроводу на окраины Феодосии.

Судак (Sudac) – населенный пункт в 30 верстах от Кишлава, в местности по рельефу сильно напоминающей окрестности Малаги и королевство Гранаду в Испании. Тут тоже растет виноград, но поскольку он посажен не на склонах холмов, а на равнине, вино получается некрепким и не отличается особым вкусом. Винодельческое хозяйство было поручено сначала французу м. Бэнксу, который наделал глупостей. Его сменил г-н Фабр и справился не лучше. ... по прелестнейшей местности, пересекаемой горами и равнинами, и миновав селения Таракташ... [2, с. 67, 68]. руины Судака (las ruinas) – их сохранилось в горах и на берегу достаточно много. Наиболее примечательны замок (castillo) на почти недоступной вершине скалы и крепостные стены (las murallas de la fortaleza), на которых видны латинские надписи (inscripciones latinas) и гербы семейств (los escudos de armas de familias) Гримальди, Дориа, Джустиниани и др., не оставляющие ни малейших сомнений в том, что эти сооружения возведены генуэзцами (los genoveses) [2, с. 67–68]. В 26 км от Грушевки находится роскошная Судакская долина с руинами города Сугдая, Солдая, варваризм Судак.

Султансала (Sultansala) – деревня на пути из Ст. Крыма в Феодосию ... и пересекши чудеснейшую равнину, достигли морского побережья... [2, с. 68]. Скорее всего, поздний варваризм, гибрид арабизма султан и испорченного заимствования из балто-слав. село. Любопытное упоминание этого селения, так как через Султановку можно попасть по старой дороге из Солхата в Кафу через Курубаш. Следовательно, во время путешествия Ф. де Миранды еще не пользовались дорогой вдоль реки Байбуга.

Сууксу (Suuyucu) – горное татарское селение [2, с. 67], Сууксу, ныне Лесное. Варваризм: суук-су «холодная вода».

Таврида (Táurida, a Táuride, a la Táuride) – п-ов в полтора раза больше Мореи [2, с. 63]. Греч. хороним, обозначающий первоначально только Южный Берег Таврического п-ова от Гераклейского п-ова до Трахейского мыса (Киик-атлама).

Таракташ (Taractash) – селение на пути из Судака в Козы [2, с. 68], ныне Дачное. Варваризм со знач. «скала – гребень для чесания шерсти». Возможно, переоформление и переосмысление чужаками туземного топонима *Тарантако*, известного по генуэзским документам.

Требляны (Treblanu) – селение в 22 верстах от Айбара [2, с. 55]. Скорее всего, польск. топоним, ср. польск. *Treblinka*.

Феодосия (Theodosia) (Кафа [Cafa]) – город в 22 верстах от Старого Крыма, ... древние крепостные стены, башни и ров (las antiguas murallas, torres y un foso) еще сохранились, надписями и гербами семейств Гримальди, Дория и др. свидетельствуя, что сооружены генуэзцами. ... по улицам узким и кривым... большинство домов разрушено, многие построены из необожженного кирпича. Очертания бухты напоминают превосходящую ее размерами гавань Генуи. Население 3000 человек с незначительными отклонениями [2, с. 68–69, 74].

Херсон (a, de, en Kherson, de Kherson a Táuride) – город с населением в 40 тыс. жителей (10 тыс. гражданских и 30 тыс. военных), из них всего 6 греческих семейств, 1200 достаточно добротных каменных домов (casas de piedra), помимо множества хибар, где ютятся самые бедные, и воинских барачков. А в 1779 г. тут не было ничего, кроме двух рыбацких хижин (dos de las cabañas de los pescadores) [2, с. 24, 39, 45].

Херсонес (Hersonissos) – руины древнего Херсонеса, порт которого использовался в качестве карантина для судов. Выше имеется несколько пещер, высеченных в скалах, с лестницами, вырубленными для входа. Над ними справа – развалины античного города (las ruinas de la ciudad antigua), чья круговая каменная кладка напоминает, ..., генуэзскую. Удаётся отчетливо различить городские стены, главную крепостную башню и большое строение наподобие замка (las murallas de la ciudad, principal previsto torre y una gran estructura como un castillo). Хорошо видны также улицы (calle), и при желании

In Nōminum Spatio (В пространстве имен)

вполне возможно снять план. Сводчатая дверь и облицованная башня разрушены недавно, видимо, кому-то понадобился камень. ... там две надписи: хорошо сохранившаяся греческая и латинская. Два или три облицованных камнем колодца, находящиеся за пределами городских стен [2, с. 59–60].

Эльбузли (Elbuzly) – горное татарское селение [2, с. 67], ныне Переваловка? Варваризм.

Таков топонимический репертуар Новороссии зимой 1786–1787 гг., как его отразил в своих путевых дневниках Себастьян Франсиско де Миранда.

Примечание. О действительно высоком статусе Франсиско де Миранды сообщает несколько легкомысленная биографическая статья (Francisco de Miranda | Inciclopedia | Fandom powered by Wikia): Miranda fue a España por el año... se me olvidó..bueno, el caso es que estuvo en las calles de Madrid donde pudo ver la nieve, contemplar los edificios en construcción que se estaban construyendo, estudiar matemáticas, tratar de meterse en el ejército real de forma honesta, así como tomarse unas tapas en la Fonda de San Sebastián en compañía de unos tipos ahí que llamaban Tomás de Iriarte y Francisco de Goya. Así mismo, Miranda entraría en contacto con unos libros de contenido interesante que tenían el letrerito de Parental Advisory lo que indicaba que estaban censurados por la Inquisición. Estos libros están archivados en su biblioteca personal.

Unos años después, Miranda ingresaría al Ejército de S.M Española con el grado de Capitán (previo concurso), donde prestaría servicio militar en las paradisíacas ciudades de Ceuta, Melilla y Cádiz. Allí entraría en contacto con los métodos de guerra de los moros, e incluso participaría en batallas donde a pesar de no ganar un carajo, se destacó como militar. Aún así, los comandantes lo tenían en la mira debido a los libros que Miranda acostumbraba leer (no, no era porno). Al final lo meten preso por tener el uniforme al revés después de estar en contacto con algunas informantes de confianza. Luego lo mandaron a Cádiz.

ЛИТЕРАТУРА

1. Miranda F. de. Colombeia. T. I – XVI, Caracas, 1978–2000, а именно: ТТ. IV. Caracas, 1981, p. 483–541 и V. Caracas, 1982, p. 43–456; Diario de Moscú y San Petersburgo / Francisco de Miranda;

II Международные ономастические чтения им. Е.С. Отина

presentación y selección de textos por Óscar Rodríguez Ortiz sobre la edición de Colombia por Josefina Rodríguez Alonso | Biblioteca Virtual Miguel de Cervantes.

2. Миранда Франсиско де. Путешествие по Российской империи / Пер. с исп. – М.: МАИК «Наука/Интерпериодика», 2001. – 364 с.

3. Трубачев О.Н. Indoarica в Северном Причерноморье. – М.: Наука, 1999.

4. Этимологический словарь современного русского языка / Сост. А.К. Шапошников: в 2 т. Т. 1. – М.: Флинта : Наука, 2010. – 584 с.

Различного рода интернет-коммуникации привлекли к себе внимание многих отечественных и зарубежных исследователей, работающих в области лингвистики, среди которых можно выделить А.А. Атабекову, Е.И. Горошко, Л.Ф. Компанцеву, А.В.Кравченко, О.В. Лутовинову, Г.Н. Трофимову, З.Я.Тураеву, Л.Ю. Щипицину, Д. Гилмора, Д. Кристалла, Дж.Родзвилла, Т.Стауфера, К.Тарлоу, С. Херринг [1, 4, 5 – 10, 14 – 16, 19 – 22]. Однако, ввиду относительной новизны такого вида коммуникации, внимание лингвистов-исследователей до настоящего момента привлекало описание базовых лингвистических характеристик интернет- коммуникаций в целом, связанных с функционированием языка в Интернете, либо же описание таких ее традиционных жанров, как, например, электронное письмо или чат. Практически полное отсутствие лингвистического описания ономастических процессов в данной области, одним из которых является окказиональное онимное и отонимное словообразование и, в частности, неизученность лингвистических особенностей англоязычной блогосферы на данный момент, и обусловило выбор темы нашей работы. Итак, целью данной статьи является лингвистический анализ словообразовательного потенциала блоггинга. Задачи, которые автор ставит перед собой, заключаются в описании лексических и морфологических особенностей англоязычной блогосферы в конкретных хронологических рамках, а именно, в период предвыборной президентской гонки в США и ограничивается периодом в один год (с сентября 2015 года по сентябрь 2016 года).

Блоги (наряду со страницами Википедии, подкастами и платформой Youtube) относятся к типу программных компьютерных средств социального назначения, позволяющих индивидам связываться друг с другом с целью он-лайн общения и взаимодействия [2, с. 1]. Однозначного определения термина «блог» на сегодняшний день не существует. В данной статье блог рассматривается как веб-сайт, основное содержание которого есть регулярно добавляемые записи, содержащие текст, изображения или мультимедиа, для которых характерны недлинные записи (комментарии) временной значимости, отсортированные, как правило, в обратном хронологическом порядке. Отличия блога от традиционного

In Nōminum Spatio (В пространстве имен)

дневника обуславливаются его средой и функциями: блоги представляют разнообразие информативной, экспрессивной и оперативной информации, они публичны и предполагают наличие читателей, которые вступают как в двустороннюю коммуникацию с автором, так и в многостороннюю коммуникацию с другими пользователями системы. Совокупность всех блогов сети принято называть блогосферой. Никакого сомнения не вызывает тот факт, что в настоящее время сфера Интернет-общения оказывает огромное влияние на сознание людей во всем мире. Кроме того, большую роль играет тот факт, что общее количество блогов на английском языке несравнимо больше, чем на других мировых языках, а, следовательно, область функционирования английского языка в блогосфере шире, так как этот язык является международным и охватывает множество различных лингвокультур. К тому же, блогосфера оказывает непосредственное влияние на сам английский язык, его лексику, грамматику, стилистические особенности как в повседневной, так и в профессиональной, образовательной и научной сферах жизнедеятельности, отражая диапазон биосоциального сознания англоговорящих людей. Благодаря исследованию особенностей возникновения, существования и применения в различных целях такой функциональной сферы языка как англоязычные блоги, мы можем не только развить важнейшие универсальные, специальные и профессиональные компетенции, но и проанализировать многие процессы и их результаты в языковой сфере вообще и в общественном сознании носителей изучаемой лингвокультуры в частности.

Блогосфера представляет собой необыкновенно гибкий, многообразный и интересный материал для лингвистического анализа. Язык блогосферы представляет собой крайне интересную и активно развивающуюся среду, так как, являясь индикатором происходящих событий, он мгновенно фиксирует последние тенденции в областях человеческого взаимодействия и постоянного заметного эволюционирования на языковом уровне.

В качестве материала исследования были выбраны тексты популярных (по версии сайта Top-20-us-blogs) блогов talkingpointmemo.com и BlogHer.

Под текстом блога мы, вслед за З.Я. Тураевой понимаем продукт, порожденный языковой личностью и адресованный языковой личности [12, с.12]. В рамках настоящего исследования текст представляет собой всеобъемлющее понятие: в него включаются не только лингвистические составляющие (слова, словосочетания, предложения), но и все характеристики блога – нелинейность, мультимедийность, интерактивность, дисперсность и фрагментарность, являющиеся признаками гипертекста. Все тексты блогосферы образуют гиперсреду, представленную совокупностью публикаций, комментариев и системой взаимосвязи между ними.

При анализе материала были выделены когнитивно-коммуникативные феномены различной природы. Наряду с известными и подробно описанными (метафора, метонимия, эвфемизмы, фразеологизмы), в гиперсреде возникли и продолжают возникать специфические и новые средства ориентирующего воздействия, а именно, онимные (ОнО) и отонимные (ОтО) авторские окказиональные новообразования в языке, обусловленные письменной формой коммуникации, стремлением к экспрессивности при экономии языковых усилий [10, с. 356], а также желанием следовать языковой моде. В результате гипертекст блога наполняется новообразованными единицами лексического уровня, воспринимаемыми как новые и необычные.

По мнению Д.Кристалла [17,18] «отличительной особенностью человеческой речи является тот факт, что она умирает в момент рождения» («rapid fading» – быстрое исчезновение). Это же явление, но в поэтической форме описала З. Гиппиус:

«Слова – как пена, Невозвратимы и ничтожны,
Слова – измена, Когда молитвы невозможны». [3, с. 79]

В отличие от «невозвратимой», «быстро исчезающей» риторики повседневности, предвыборный дискурс политиков средствами интернет-коммуникации обретает «жизнь вечную, бесконечную» [17, 18].

Самой многочисленной группой окказиональной лексики в блогосфере оказалась группа окказиональных антропонимов. Наблюдения над фактическим материалом позволили выявить одну из главных особенностей в образовании ОНО, а именно использование телескопного способа словообразования:

Donald Trump has started calling himself, “Mr. Trumpxit (Trump + Brexit).” He’s referring to the United Kingdom vote for the “British Exit” from the European Union. Could a Loss by ‘Mr. Trumpxit’ Cause ‘Texit’?

Democratic Presidential candidate Bernie Sanders ticked off reasons why he believes the U.S. economy is “rigged” at the Washington Avenue Armory and sharply criticized his rival in the primary, Hillary Clintopper (Clinton + flip-flopper).

Margaret Thatcher, we are often reminded, made her most far-reaching decisions on only four hours’ sleep, but not Hillary Clinton, our Hillbasher (Hillary + spinebash + -er).

No Clintonrella (Clinton + Cinderella) story for sick Hillary.

How many goddamn times do I have to tell your people, I left the Democratic Party after the complete screw job you did on Sen. Sanders. I loathe every one of you and will never vote for Shillary (shill + Hillary) Clinton.

Для достижения определенных стилистических целей в составе окказиональных антропонимов используется каноническое правило оформления английских фамилий с привлечением определенного артикля the, что придает новообразованию правдоподобие и реальность: Hillary the Rotten Clinton /Hillary the Crooked/ Hillary the Benghazi Butcher/ Hillary The Walking Dead/ Hillary the Servergate/ Hillary the Hawk.

Инициальные аббревиатуры для обозначения известных сообществу личностей уже давно и прочно вошли в языковую систему: например J.F.K. < Джон Фицджеральд Кеннеди; М.М. < Мэрилин Монро; В.В. < Бриджит Бардо и т.д. Англоязычная окказиональная блогосфера также откликнулась на требования потенциальной модели и «произвела на свет» следующую лексическую единицу: “Of course, the results of H.R.C.’s manipulation are far away now”. Для несведущего читателя аббревиатура H.R.C. может означать

II Международные ономастические чтения им. Е.С. Отина

привычную зашифрованную инициальную запись – Hillary Rodham Clinton, а на самом деле, данный акроним чаще всего употребляется в качестве обозначения высоких прочностных свойств металлов. Автор к месту умело использует аллюзивное свойство окказионализма, подчеркивая жестокость и неспособность Х.Клинтон в бытность ее госсекретарем решить проблему со спасением американских дипломатов в Бенгази.

Английская антропонимическая система имеет давнюю традицию рифмования собственных имен, например всем известный литературный пример с Humpty-Dumpty. Окказиональное образование WillyHilly&Chilly имеет не только ярко выраженную юмористическую окраску, но и переносит читателя во времена предвыборной кампании Билла Клинтона, когда возникло телескопное имя собственное Billary (Bill + Hillary), так как Х. Клинтон все время была рядом с претендентом на пост президента: WillyHilly&Chilly must either divest from @ClintonFdn, the Family Slush Fund, or get out and stay out of government.

В английском окказиональном словообразовании уже давно и успешно используется процесс морфологизации (иррадиации, секреции) тех словообразовательных элементов, которые еще может быть и не приобрели «официальный» статус суффиксов, но в ходе неких психологических процессов оказываются носителями семантической нагрузки, которую они унаследовали не от своей фонетической структуры, а от общего смысла слов, из которых они вычленились (например, alcoholic – holic, Watergate – gate). Блогосфера стала благодатной почвой для появления таких ОТО:

For some people, any Clintonghazi (Clinton + Benghazi) is a straightforward scandal; for others it might be a scandal in which, say, allegations about governments are covered-up.

Everybody deserves to gain popularity and attention and be called Hill-mentum (Hillary + momentum) or Trump-mentum (Trump + momentum).

We are in continuum of Clintonosis (Clinton + gapnosis).

They are not worth of Trumpaeans (Trump + paean).

I don't need to tell you that politicians get ideas which practical-minded individuals regard as Trumpmerical (Trump + chimerical).

In Nōtinum Spatio (В пространстве имен)

Leaving the more tin-foil hat-adorned theories aside, one thing is for certain: Hillary Clinton was damned if she attended that 9/11 ceremony with pneumonia, in other words being Hillgarius or in a state of Hillegance (Hillary + vagarious + abeyance).

The modern political VIP should be ever effervescent, virus-repellent and non-flapped in the face of the frankly horrific. We want, it seems, robots. We reject even the remotely vulnerable – and, by turn, we get exactly the leaders we deserve, a kind of Hillcida or Trumpcida (Hillary + lucida; Trump + lucida).

Something is rotten in Clintondom (Clinton + kingdom) .

I'll tell you something else about which I've been lately thinking!" he bellowed in a suddenly **Trumporian** (Trump + septorian) voice. "I've been thinking about our beautiful country!"

You people have become indistinguishable from crackpot **Trumpanzees** (Trump + chimpanzee).

She was an envious and Clintonweening (Clinton + overweening) woman who resented the fact that Sen. B.Sanders won the nomination.

Knowledge of **Trumpmurgy** (Trump + zymurgy) gives an additional stimulus to politics.

Примеры окказионального онимного и отонимного словообразования, созданные ad hoc в англоязычной блогосфере, и рассмотренные выше, лишь подтверждают тот неоспоримый факт, что лексический уровень языковой системы является той сферой, где наиболее активно происходят изменения, влекущие за собой своеобразные “взрывы”, приводящие к появлению огромного количества инноваций, в том числе и окказиональных. Интерес к такого рода языковым единицам только возрастает и требует постоянного наблюдения и изучения в новых областях медиа-коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Атабекова А.А. Сопоставительный анализ функционирования языка на англо- и русскоязычных Web-страницах. Специальность – 10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание Автореферат диссертации на

соискание ученой степени доктора филологических наук. Москва: 2004. – 46 с.

2. Блог // Википедия. Свободная энциклопедия [Электронный ресурс]: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Blog>. – (дата обращения: 05.09.2016).

3. Гиппиус З.Н. Собрание сочинений. Т. 5. Чертова кукла: Романы. Стихотворения. – М.: Русская книга, 2002. – 496 с.

4. Горошко Е.И., Полякова Т.Л. Политический блоггинг как новый жанр интернет-коммуникации // Вопросы психолингвистики. – 2014. – №19. – С. 92–104.

5. Компанцева Л.Ф. Интернет-лингвистика: когнитивно-прагматический и лингвокультурологический подходы: [Монография] / Л.Ф. Компанцева. – Луганск: Знание, 2008. – 528 с.

6. Кравченко А.В. Что такое коммуникация? (очерк биокогнитивной философии языка) [Текст] / А. В. Кравченко // Прямая и непрямая коммуникация : сб. научных статей / под. ред. В.В. Дементьева. – Саратов : Колледж, 2003. – С. 27–39.

7. Лутовинова О.В. Лингвокультурологические характеристики виртуально-го дискурса / О.В. Лутовинова. – Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2009. – 476 с.

8. Лутовинова, О.В. Жанровая речевая деятельность языковой личности в виртуальном дискурсе / О.В. Лутовинова // Инициативы XXI века. – 2012. – № 3. – С. 170–173.

9. Лутовинова, О.В. Языковая картина виртуального мира. Проблема концептуализации / О.В. Лутовинова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2009. – № 3. – С. 21–29.

10. Лутовинова О.В. Язык виртуального общения / О.В. Лутовинова // Филологические чтения: материалы Всерос. науч.-практ. конф. – Оренбург: Изд-во ИПК ОГУ, 2006. – С. 329–334 (0,4 п.л.). 60. Лутовинова, О.В. Языковая личность в интернет-коммуникации / О.В. Лутовинова // Интернет-коммуникация как новая речевая формация: кол. моногр. / науч. ред. Т.Н. Колокольцева, О.В. Лутовинова. – М.: Флинта: Наука, 2012.

11. Мартине А. Основы общей лингвистики // Новое в лингвистике. Вып. 3. М.: Прогресс, 1963. – С. 366–566.

12. Трофимова Г.Н. Языковой вкус интернет-эпохи в России. – М.: изд-во РУДН, 2008. – 300 с.

13. Тураева З.Я. Лингвистика текста: Текст: Структура и семантика. М.: ЛИБРОКОМ. – 2015. – 144 с.

14. Худякова О.С. Проявление ориентирующего языкового воздействия в англоязычной блогосфере. Вопросы когнитивной лингвистики № 3. – 2015, с. 47–53.

15. Щипицина Л.Ю. Компьютерно-опосредованная коммуникация. Лингвистический аспект анализа : [монография] / Л.Ю. Щипицина. – М.: КРАСАНД, 2010. – 296 с.
16. Crispin Thurlow. The Internet and Language / T. Crispin // In Mesthrie, R.; Asher, R. Concise Encyclopedia of Sociolinguistics. – London: Pergamon, 2001 – pp. 287–289.
17. Crystal, David. A glossary of Netspeak and Textspeak [Текст] / D. Crystal. - Edinburgh: Edinburgh University Press, 2004 – p. 197 pp.
18. Crystal, David. Language and the Internet [Текст] / D. Crystal. – Cambridge: CUP, 2nd ed., 2006. – 316 p.
19. Gillmor, Dan. We The Media: Grassroots journalism by the people, for the people. [Текст] / Dan Gillmor. – O'Reilly Media, 2004. – 304 p.
20. Herring, Crispin. Computer-mediated discourse. Oxford: Blackwell, 2000. – pp. 612–634.
21. Rodzvilla, John, Editors of Perseus Publishing. We've got blog: How weblogs are changing our culture [Текст] / J. Rodzvilla. – Cambridge, MA: Perseus, 2002. – 275 p.
22. Stauffer, Todd. Blog On: Building Online Communities with Web Logs. [Текст] / T. Stauffer. – Publisher: McGraw-Hill, 2002. – 361 p.

Р.В. Разумов (Ярославль)

ОСОБЕННОСТИ СИСТЕМЫ ЭРГОНИМОВ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ГОРОДА 1980-Х ГГ.

В статье рассматриваются системы эргонимов провинциальных городов Рыбинска и Ярославля, определяются типы эргонимов, проводится сравнительная характеристика эргонимов. Автор прослеживает историю данного типа собственных имен

Ключевые слова: *ономастика, собственное имя, городское онимическое пространство, эргоним, провинция*

Последние десятилетия характеризуются повышенным вниманием ономастологов к изучению специфики городской коммерческой номинации. Учеными анализируются рекламные особенности эргонимов, специфика их образования и функционирования в языке современного города. В большинстве исследований авторами изучаются лишь современные городские коммерческие названия. На наш взгляд, безусловный интерес представляет и рассмотрение эргонимов советского периода, в том числе созданных в провинциальных городах. Несмотря на то, что осмысление специфики советской городской коммерческой номинации началось еще в 1960-е гг. [1], до настоящего времени существуют единичные исследования этого феномена, выполненные на материале провинциальных городов [2; 3; 4]. Без изучения советских эргонимов невозможно правильно интерпретировать некоторые существующие в настоящее время названия. Например, только при обращении к данным советского периода можно объяснить появление наименований многих современных торговых комплексов и других коммерческих объектов.

In Nōminum Spatio (В пространстве имен)

В данной статье мы рассмотрим специфику эргонимов 1980-х гг. больших провинциальных городов Ярославской области. В качестве материала для исследования мы используем данные об эргонимических системах Рыбинска (далее — Ры) и Ярославля (Яр). Несмотря на то, что оба этих города расположены в одной области и относятся к одному типу больших провинциальных городов, их онимические системы заметно отличаются друг от друга. Материал для анализа извлекался нами из телефонных справочников 1980-х гг., которые позволяют проследить особенности коммерческой номинации не только среди объектов, относящихся к разным сферам торговли, но и среди объектов одной сферы, принадлежащих разным организациям.

Существовавшие в 1980-е гг. эргонимы представлены двумя типами: *номерными названиями* и *индивидуальными названиями*. Свой номер имели практически все коммерческие объекты, за исключением некоторых торговых учреждений. Номеров, например, не имели городские универмаги, центральные универсамы, рестораны и кафе. У некоторых торговых организаций номерное название было единственным идентифицирующим наименованием, а у других могло употребляться еще и индивидуальное наименование, выделяющее его из ряда однотипных объектов. При анализе советских эргонимов необходимо иметь в виду и то, что многие номерные магазины фактически могли иметь свое имя, которое указывалось на вывеске. Например, на вывесках книжных магазинов обычно присутствовало слово *книги*, а в названиях продовольственных магазинов слово *продукты*, которые фактически выступали в качестве собственных имен. Однако на самом деле они таковыми, очевидно, не являлись, поскольку не регистрировались в соответствующих городских справочниках. Мы в нашей статье будем учитывать лишь те эргонимы, которые зафиксированы в телефонных справочниках в качестве индивидуальных названий.

Наш анализ мы начнем с **названий продовольственных магазинов**.

В Ярославле у объектов данного типа преобладали номерные названия. Среди 92 продовольственных магазинов, принадлежащих Райпищеторгу, индивидуальное название

II Международные ономастические чтения им. Е.С. Отина

имел лишь 21 магазин. Все они относились к идентифицирующим названиям, т.к. указывали на специфику ассортимента магазина: «Молочный» (13 магазинов), «Кондитерский», «Сыры», «Мясо. Рыба», «Океан». Встречались у торговых объектов этой организации и условно-символические эргонимы, которые указывали на расположение магазина («Север» – магазин расположен в северной части города), специфику обслуживания («Экспресс»), время открытия («Юбилейный» – магазин открыт в год юбилея Ярославля), или региональную принадлежность магазина («Волга», «Ярославль»).

Подобную картину мы наблюдаем и у названий продовольственных магазинов, принадлежавших другим организациям. Так, среди 9 названий Горкоопторга встречалось всего 2 индивидуальных эргонима: «Сельхозпродукты» и «Дары природы». Также 2 индивидуальных названия отмечено в группе магазинов, принадлежавших Горхлебторгу (всего 36 магазинов): «Колос» и «Урожай». Среди магазинов Горпродовощторга только одно название было индивидуальным («Мелкооптовый»), а 18 названий – номерными. Аналогичную картину мы наблюдаем и среди эргонимов гастрономов, которые выделены в телефонном справочнике в отдельную группу: один эргоним являлся индивидуальным («Бакалея»), а 12 эргонимов в качестве собственного имени имели лишь номера.

Похожую картину мы наблюдаем и среди названий продовольственных магазинов Рыбинска. В этом городе большинство продовольственных магазинов принадлежало объединению «Продтовары». В городе существовало 28 номерных названий. Как и в Ярославле, большинство индивидуальных названий были идентифицирующими, т.к. указывали на специализацию магазина: «Молоко» (11 объектов), «Диетпродукты» / «Диета», «Хлебобулочный» (8 объектов), «Вино» (2 объекта), «Овощи» (8 объектов), «Кондитерский», «Овощи-фрукты» (4 объекта), «Океан», «Бакалея-гастрономия» (17 объектов), «Мясо, рыба, овощи», «Вино – овощи», «Рыба – овощи», «Хлеб», «Горячий хлеб». Как видно из приведенного перечня, в Рыбинске, в отличие от Ярославля, существовали магазины со смешанной специализацией, отраженной в на-

звании («*Бакалея-гастрономия*», «*Мясо, рыба, овощи*», «*Вино – овощи*», «*Рыба – овощи*»). В Рыбинске, как и в Ярославле, существовали и условно-символические эргонимы: «*Черемуха*» (рядом протекает одноименная река), «*Молодежный*» (магазин расположен на улице 50-летия ВЛКСМ), «*Восток*» (магазин расположен на улице Гагарина, космические корабли в СССР носили название «*Восток*»), «*Рыбинск*». В отличие от Ярославля, в Рыбинске существовали и символические эргонимы: «*Русь*», «*Дружба*», «*Восход*», «*Солнечный*».

В постсоветскую эпоху система эргонимов продуктовых магазинов претерпела существенные изменения. В связи с тем, что в советское время не сложился стереотип построения подобных названий, во времена современной России эта группа названий начала формироваться фактически заново. В крупных городах были утрачены идентифицирующие названия с прямой мотивацией типа «*Молоко*» и «*Хлеб*». К этому привело не только исчезновение магазинов с узкой специализацией, но и появление гипермаркетов и супермаркетов, магазинов с широким ассортиментом товаров. Сопоставление сохранности советских названий показывает, что в Ярославле и Рыбинске сохранилось лишь небольшое количество советских эргонимов. Подобные названия стали основой для создания региональных сетевых эргонимов: универсам «*Дружба*» → торговая сеть «*Дружба*» (Ры), универсам «*Молодежный*» → торговая сеть «*Молодежный*» (Ры), магазин «*Север*» → торговая сеть «*Север*»: магазины «*Север-1*», «*Север-3*», «*Север-5*» (Яр). Интересно, что в Рыбинске торговая сеть «*Дружба*» сохранила старые названия двух городских магазинов: «*Универсам*» и «*103-й*». Советские эргонимы могли сохраниться и в названиях торговых комплексов: универсам «*Восток*» → торговый комплекс «*Восток*» → универсам «*Восток*» (Ры).

В отличие от продовольственных магазинов, **промтоварные магазины** в обоих городах обычно имели индивидуальные названия.

В Ярославле из 34 магазинов Горпромторга собственные названия имели 25 объектов. Большинство из них относилось к идентифицирующим эргонимам, поскольку ука-

зывали на профиль данного магазина: «Обувь» (3 объекта), «Дом обуви», «Женская обувь», «Детская обувь», «Одежда», «Рабочая одежда», «Мода», «Сорочки», «Дом одежды», «Головные уборы», «Чулки, носки»; «Ткани, галантерея», «Ткани», «Игрушки», «Комиссионный» (9 объектов), «Комиссионный мебельный», «Комиссионный детский», «Товары по сниженным ценам», «Уцененные товары», «Гарнизонный». Ряд названий указывали на потребителя предлагаемой в магазине продукции: «Ветеран», «Товары для детей», «Малыш», «Богатырь», «Северянка», «Товары для новобрачных», а также эргонимы «Детская обувь» и «Женская обувь», уже упомянутые выше. Два эргонима относились к условно-символическим наименованиям, подчеркивали региональную принадлежность магазинов: универмаг «Ярославль», магазин «Ярославец». Отмечены среди магазинов Горпромторга и символические названия, немотивированные для потенциального потребителя услуг заведения: «Смена», «Восход», «Зорька», «Звездочка», «Заря», «Валентина».

Среди 17 магазинов Спорткультурторга индивидуальные эргонимы были у 15 объектов. Все они отнесены нами к типу идентифицирующих названий: «Музыкальные товары», «Мелодия», «Радиотовары» (2 объекта), «Планета», «Кинофототовары», «Мототехника», «Культтовары» (2 объекта), «Канцтовары», «Радио-музыка», «Спорткультуртовары», «Спорттовары», «Часы». 4 эргонима указывали на адресата торговли: «Пионер», «Рыболов», «Турист», «Юный техник». Косвенно на потребителя (дети и подростки) указывали еще два эргонима: «Буратино» и «Буревестник».

Среди магазинов Сувенирторга встречались только индивидуальные названия: «Подарки» (2 объекта), «Галантерея» (15 объектов), «Парфюмерия» (2 объекта), «Новинка», «Сувениры», «Трикотаж», «Нитки». Аналогичную картину мы наблюдаем и среди магазинов Хозмебельторга: «Бытовая химия», «Дом мебели» (2 объекта), «Ковры», «Товары быта» (12 объектов), «Товары по сниженным ценам», «Фарфор — хрусталь», «Электротовары».

В Рыбинске в группе промтоварных магазинов отмечено всего 6 номерных названий. Большинство же названий имели прямую мотивацию, относились к типу идентифици-

In Nōminum Spatio (В пространстве имен)

цирующих эргонимов и указывали на профиль заведения: «Обувь» (2 объекта), «Трикотаж», «Головные уборы», «Дом одежды», «Ткани», «Галантерея», «Канцелярские товары и игрушки», «Товары сложной бытовой техники» / «Товары быта», «Радиотовары», «Электротовары», «Посуда», «Филателия», «Комиссионный» (2 объекта), «Уцененные товары», «Подарки – сувениры», «Спорттовары», «Хозтовары» (3 объекта), «Посудохозяйственный» (4 объекта), «Мебельный», «Мебель», «Керосин» (4 объекта), «Посуда, керосин», «Ювелирные изделия», «Хрусталь, фарфор», «Товары для дома», «Спорткультуртовары». 9 городских магазинов указывали на адресата торговли: «Юный техник», «Салон для новобрачных», «Товары для детей», «Школьник», «Новосел», «Охотник и рыболов», «Ярославна», «Орленок», «Волжанка». Некоторые городские эргонимы являлись условно-символическими, поскольку указывали на профиль заведения косвенно: «Горизонт» (магазин техники; «Горизонт» — известная советская марка телевизоров), «Старт» (магазин специализировался на продаже спортивных товаров), «Аккорд» (магазин музыкальных товаров), «Умелые руки» и «Сделай сам» (магазины для тех, кто предпочитает все делать своими руками). Присутствовали в Рыбинске и символические эргонимы: «Радуга», «Березка» и «Огонек».

Группа названий промтоварных магазинов претерпела существенные изменения в постсоветскую эпоху. Большинство названий было утрачено и в Рыбинске, и в Ярославле. Основной причиной исчезновения эргонимов стало изменение профиля магазина, а также смена его собственников. Прежде всего были утрачены названия с прямой мотивировкой типа «Галантерея», «Мебель», «Сувениры» и т.п. Однако некоторые подобные названия сохранились и до настоящего времени: «Комиссионный» (Ры), «Ювелирный» (Ры). Интересно, что в некоторых случаях подобные названия стали основой для создания торговых комплексов: «Обувь» (Ры), «Галантерея» (Ры). Сохранились на картах городов и некоторые названия с адресной номинацией: «Ярославна» (Ры), «Орленок» (Ры), а также условно-символические эргонимы: «Горизонт» (Ры), «Старт» (Ры). Иногда советские названия были перенесены на новые коммерческие объекты. Например, эргоним

II Международные ономастические чтения им. Е.С. Отина

«Пионер» (Яр) исчез с центральной улицы города, поскольку соответствующий коммерческий объект «переехал» на другие территории.

Большинство названий **книжных магазинов** относилось к типу идентифицирующих названий.

В Ярославле среди 18 магазинов Книготорга индивидуальные названия носили 8 объектов: «Наука», «Букинист», «Подписные издания», «Книга-почтой», «Политическая книга», «Искусство», «Просвещение», «Военная книга». Во всех приведенных примерах, кроме эргонима «Книга-почтой», в названии указывался профиль магазина.

В Рыбинске среди названий книжных магазинов также преобладали номерные названия (6 объектов), а индивидуальные эргонимы имели только 4 объекта: «Военная книга», «Букинист», «Книжный мир», «Подписные издания».

В постсоветскую эпоху практически все перечисленные названия книжных магазинов были утрачены. Исчезновение эргонимов происходило по мере приватизации магазинов и смены собственников. В Ярославле не сохранилось ни одного советского названия, а в Рыбинске до настоящего времени употребляется два названия — «Книжный мир» и «Букинист». Первое название было трансформировано в «Мир» и используется для наименования торгового центра, а второе служит для обозначения магазина детских товаров.

Особую группу составляли **названия кафе, ресторанов и столовых**. В указанный период существовало три типа предприятий общественного питания: столовые, кафе и рестораны.

Названия столовых не имели собственных имен, т.к. обозначались эргонимическим термином в сочетании с номером объекта (*столовая № 1, столовая № 2* и т.п.) или в сочетании номера объекта и наименования предприятия, при котором он функционировал (*Столовая № 5 объединения «Лакокраска», Столовая № 17 объединения «Пролетарская свобода»* и т.п.).

Названия кафе, напротив, обычно имели собственные имена, хотя нами отмечены и примеры наименований, похожих на вышеприведенные названия столовых: *Кафе № 21 от ресторана «Звездный» (Яр), Кафе при Госцирке (Яр)* и т.п.

In Nōminum Spatio (В пространстве имен)

Среди кафе, имевших индивидуальные названия, нами выделены три типа онимов:

идентифицирующие названия, указывавшие на ассортимент заведения: *Блинная* (Яр), *Молочное* (Ры, Яр), *Мороженое* (Яр), *Пельменная* (Ры, Яр), *Сосисочная* (Яр), *Шашлычная* (Яр), *Шоколадница* (Ры, Яр); потребителя услуг: «*Молодежное*» (Яр), «*Юность*» (Яр), «*Лакомка*» (Ры) или место расположения: «*Заволжье*» (Яр), «*Сосновый бор*» (Яр) и т.д.;

условно-символические эргонимы: «*Золотая рыбка*» (Ры), детское кафе «*Колобок*» (Ры), специфика указанных заведений была передана с помощью прецедентных имен;

символические названия: «*Весна*» (Яр), «*Радуга*» (Яр), «*Эврика*» (Яр), «*Восход*» (Ры), «*Рассвет*» (Ры), «*Кристалл*» (Ры), «*Романтика*» (Ры) и др.; подобные названия обычно образовывались от слов с положительной семантикой.

Отметим, что названия первого типа были более распространены, чем названия второго и третьего типа.

Среди названий ресторанов преобладали условно-символические названия. В отличие от эргонимов кафе, они отражали особенности не конкретного заведения, а города, в котором располагались, поэтому в наименованиях ресторанов часто встречались местные гидронимы: «*Волга*» (Яр), «*Которосль*» (Яр), «*Шексна*» (Ры) и ойконимы: «*Углич*» (Яр), «*Ярославль*» (Яр), «*Рыбинск*» (Ры). Иногда подобные названия были построены на основе этнокультурных представлений о населенном пункте: «*Медведь*» (Яр), отражали какие-либо исторические события: «*Звездный*» (Яр), «*Юбилейный*» (Яр). Была реализована среди названий ресторанов и патриотическая тема: «*Русь*» (Яр), «*Рябинушка*» (Ры), «*Садко*» (Ры, Яр) и т.п. Немногочисленными среди подобных наименований были эргонимы, образованные от слов с положительной семантикой: «*Солнечный*» (Яр), «*Отдых*» (Ры).

Со второй половины 1990-х группа предприятий общественного питания развивалась очень активно. После изменения формы собственности многие существовавшие в советское время кафе, столовые и рестораны изменили свои названия и статус. Например, почти полностью исчезла группа названий столовых, которые были либо ликвидированы в качестве самостоятельных учреждений (ведомственные сто-

II Международные ономастические чтения им. Е.С. Отина

ловые), либо изменили свой юридический статус и прекратили свое существование в этом качестве. Лишь отдельные существовавшие в советское время эргонимы предприятий общественного питания сохранились до настоящего времени в неизменном виде («Пельменная», Яр; «Углич», Яр и др.), многие же они были утрачены после изменения формы собственности или по каким-либо иным причинам. Например, в конце 2008 г. после вступления в нашей стране в силу четвертой части Гражданского кодекса существовавшее с советских времен название кафе «Россия» было заменено на название «Наша Раша». Впрочем, и этот эргоним просуществовал недолго, поскольку использовался владельцем без разрешения правообладателя.

Итак, большинство советских эргонимов относились к типу идентифицирующих названий, имели прямую мотивировку и указывали на характер продаваемого в них товара. Соотношение номерных и индивидуальных названий было неодинаковым у магазинов различных типов и у разных торговых организаций. Степень сохранности эргонима в постсоветскую эпоху не зависела от типа названия. В качестве названия могли сохраниться как номерные эргонимы («103-й», Ры), так и эргонимы с прямой и косвенной мотивацией, а также символические эргонимы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Букчина Б.З., Золотова Г.А. Слово на вывеске // Русская речь. – 1968. – № 3. – С. 49–56.
2. Крюкова И.В. Названия российских деловых объектов с точки зрения языковой моды // Этнографическое обозрение. — 2007. – № 1. – С. 120–131.
3. Крюкова И.В. Пограничные разряды ономастики в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 1993. – 21 с.
4. Шимкевич Н.В. К вопросу о прагматизме эргонимов в неконкурентной среде // Ономастика и диалектная лексика: сб. науч. трудов. Вып. IV / под ред. М.Э. Рут. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003. – С. 131–136.

ПОЭТОНИМОЛОГИЯ

С.Ф. Бут-Гусаім (Брэст, Беларусь)

НАЦЫЯНАЛЬНА-КУЛЬТУРНАЯ АДМЕТНАСЦЬ АНТРАПАНІМІЧНАЙ ПРАСТОРЫ ГІСТАРЫЧНАЙ ПРОЗЫ БЕРАСЦЕЙСКІХ ПІСЬМЕННІКАЎ

В статье рассматриваются употребленные в исторической прозе брестских авторов антропонимы, которые являются носителями ценной информации о материальной и духовной культуре Беларуси. Очерчивается диапазон смыслового и формального варьирования личных имен собственных, многочисленные формы которых являются инструментом передачи широкого спектра эмоций, оценок, чувств литературных героев. Характеризуются “говорящие” фамилии персонажей, определяются приемы актуализации внутренней формы этого типа антропонимов. Определяются тематические группы прозвищ, анализируются способы образования этих оценочно-характеристических прозваний персонажей. Особое внимание уделяется осмыслению роли контекста в раскрытия смысловых и эмоционально-экспрессивных возможностей поэтонимов.

***Ключевые слова:** Литературная ономастика, оним, антропоним, поэтоним, фамилия, прозвище.*

Насычаная драматычнымі падзеямі айчынная гісторыя XX стагоддзя стала прадметам мастацкага асэнсавання ў гістарычнай прозе берасцейскіх пісьменнікаў Клаўдзіі Каліны, Зінаіды Дудзюк, Уладзіміра Дамашэвіча, Георгія Мар-

II Международные ономастические чтения им. Е.С. Отина

чука, Алеся Наварыча. У цэнтры мастацкага свету, створанага ў раманах, аповесцях і апавяданнях берасцейскіх аўтараў, – поўныя драматызму і напружання падзеі Першай і Другой сусветных войнаў, а таксама цяжкія дзесяцігоддзі пасляваеннага абнаўлення краіны. Ствараючы карціны мінулага нашай зямлі, пісьменнікі ўмела выкарыстоўваюць прагматычны зарад, нацыянальна-культурную інфармацыю і вобразна-выяўленчы патэнцыял уласных іменаў. У анамастычных даследаваннях не раз заўважалася, што іменны маюць важнае значэнне не толькі як матэрыял мовы, але і “як помнік поглядаў, паняццяў і ўяўленняў народных, у іменах нярэдка адлюстроўваецца характар і дух народа лепш, чым ва ўсіх іншых гістарычных помніках; у гэтым выпадку ўласныя іменны служаць скарочанай гісторыяй унутранага быту і духу народнага” [8, с. 29]. Выкарыстанне розных разрадаў антрапанімічнай лексікі – адзін з эфектыўных і дзейных сродкаў характарыстыкі персанажаў гістарычнай прозы берасцейскіх пісьменнікаў.

Аналіз уласных асабовых іменаў, выдзеленых з гістарычнай прозы пісьменнікаў-берасцейцаў, паказаў, што аўтары рэалістычна падышлі да падбору найменняў сваіх герояў. Антрапонімы, выкарыстаныя ў творах З. Дудзюк, У. Гніламедава, К. Каліны, У. Дамашэвіча, А. Наварыча належаць да нацыянальнай беларускай іменаслоўнай сістэмы. Выдзеленыя асабовыя іменны, якія функцыянуюць у разнастайных варыянтах, нясуць інфармацыю пра беларускае лінгвакультурнае асяроддзе ХХ стагоддзя.

З прааналізаваных твораў намі былі вылучаны традыцыйныя іменны, што носяць прадстаўнікі старэйшага пакалення, якія нарадзіліся да рэвалюцыі і былі названы іменамі з царкоўнага календара: Фабіян, Васіліна, Тэафіля, Юстына, Пракседа, Настас, Міхаліна, Уліта, Люк’ян, Юзэфа, Піліп, Матруна, Пракоп, Юльян, Макар, Карней, Тэклія, Параска, Язэп, Фрося, Адолік, Прокл і інш. Прадстаўнікі новага савецкага пакалення носяць іменны Алеся, Іна, Павел, Марыя, Уладзік, Ангеліна, Алесь, Юлія, Вольга, Сяргей, Іван, Васіль, Каця, Стах, Анастасія, Леанід, Алена, Лідзія і інш. Уладзімірам Дамашэвічам у аповесці “Кожны чацверты” фіксуецца змены, якія адбыліся ў антрапаніміконе беларусаў савецкага часу. Гэтыя змены праявіліся ва ўжыванні штучных імен, ут-

In Nōtūm Spatio (В пространстве имен)

вораных на базе найменняў правадыроў (імя Нінэль утворана ад прозвішча Ленін), а таксама імен-абрэвіатур (імя Кім утворана ад наймення ‘Камуністычны інтэрнацыянал моладзі’, Ліна – ад назвы арганізацыі ‘Ліга нацый’).

У творах берасцейскіх аўтараў адлюстравана канфесійная дыферэнцыяцыя антрапонімаў. На Беларусі ў савецкія часы побач з праваслаўнымі (візантыйска-грэчаскімі) іменамі ўжываліся і рымска-каталіцкія, якія прыйшлі з лацінскай мовы праз польскую. Так, паны і сяляне-каталікі, героі аповесці К. Каліны “Крылаты конь”, носяць імяны Гжэгаж, Здзіслаў, Барбара, Сымон, Тадэвуш, Тамаш, Базыль. Праваслаўныя сяляне названы іменамі Васіль, Марыся, Іван, Матруна і інш.

Нацыянальная спецыфіка беларускага іменаслову праяўляецца падчас выкарыстання іменаў як этыкетных знакаў – “сацыяльна зададзеных і нацыянальна спецыфічных сродкаў рэгулявання паводзінаў людзей у сітуацыях устанаўлення, падтрымання і размыкання кантакту камунікантаў у адпаведнасці з іх статуснымі і асабістымі адносінамі” [13, с. 283-284]. Перадаючы характар і танальнасць людскіх узаемаадносінаў, берасцейскія аўтары ўмела раскрываюць прагматычны патэнцыял антрапонімаў, з дапамогай якіх устанаўліваюцца і апазнаюцца адносіны: “свой” – “чужы”, “далекі” – “блізкі”, “старэйшы” – “маладзейшы”, “вышэйшы” – “ніжэйшы па сацыяльным статусе” і г.д.: “Ну навошта так сур’езна, таварыш Карзухіна. Навошта так афіцыйна? Называйце мяне лепей не Дарашэнка, а проста Іван, а я вас буду Ліна, і забудзем мы гэты замах на вашу вольную волю” [4, с. 45].

У савецкі час фарміраваліся новыя этыкетныя нормы. Так, да аб’яднання Заходняй Беларусі з Савецкім Саюзам формай звароту да суразмоўніка і сродкам выказвання павагі да прадстаўнікоў вышэйшага саслоўя былі спалучэнні іменаў з паказчыкамі сацыяльнага рангавання, напр.: “Я толькі на хвіліначку адышася, пані Юзя” [7, с. 22]; “Пан Здзіслаў, шукайце дзяцей” [7, с. 69]. У савецкія часы падобныя формы звароту як “класавыя” выкараняліся, пра што сведчыць наступны дыялог персанажаў аповесці К. Каліны “Крылаты конь”: “Дзень добры, пані Клаўдзія... – першай па даўняй вясковай звычцы, заспяшалася, прывіталася Марчыха. Марчыха,

II Международные ономастические чтения им. Е.С. Отина

бачачы, што я змаўчала на тую “пані”, вінавата ўсміхнулася. Я нарэшце перастала выгаворваць старым глінічанам за тую “пані”. Бо ці ты іх так хутка перайначыш, тых, хто жыў тут да трыццаць дзявятага года, да ўз’яднання Заходняй Беларусі. Тут патрэбен быў час, каб даўнішнія звычкі адышлі, забыліся, начыста сцерліся і больш не ўспаміналіся, і час, напэўна, не кароткі” [7, с. 3-4]. Ужыванне формаў звароту да персанажаў рамана Зінаіды Дудзюк “Слодыч і атрута” – паказчык дынамікі этыкетных нормаў у Заходняй Беларусі, абумоўленых палітычнымі абставінамі. Так, у час, калі Берасцейшчына ўваходзіла ў склад Польшчы, вясковая дзяўчына Стэпка Мікуліна працуе ў публічным доме, дзе атрымлівае імя панна Эвеліна: “Дзякую, панна Стэпка, – весела сказаў Захар. – З задавальненнем наведу”. Дзяўчына скасавурылася, пачуўшы свае вясковае імя, бо цяпер яна называлася Эвелінаю” [6, с. 145]. У савецкія часы, выйшаўшы замуж за супрацоўніка аблвыканкама, жанчына пачынае звацца таварыш Сцеша: “Цяпер не Эвеліна, а таварыш Сцеша, – загадкава прашаптала яна. – Мой муж працуе у аблвыканкаме. Я таксама працую ў ціхай канцылярыі. Ці ведаеш, цяжкавата мне даецца служба, паперы, пыл... Не звыкла я да гэтага...” [6, с. 255]. Стаўшы пасля заваявання Брэста фашыстамі жонкай нямецкага афіцэра, жанчына завецца фрау Стэфаніяй: “У фае Гардзеі сутыкнуўся са Стэпкай Мікулінай, прыгожай, апранутай у цемна-сінюю аксамітную сукенку. Яна стаяла побач з нямецкім афіцэрам. Гардзеі пачціва павітаўся. Жанчына ўсміхнулася ў адказ: “Я цяпер фрау Стэфанія” [6, с. 294].

У адпаведнасці з савецкімі этыкетнымі нормаў паказчыкам павагі да чалавека з’яўляецца ўжыванне поўнай формы імені ў спалучэнні з іменем па бацьку:

– Як я бачу, вы вельмі ўзрадаваны, Юлія Іванаўна. Не думайце, што вас чакае легкая гульня ў вайну.

Юлі падабалася, што ен, малады лейтэнант, гаворыць з ёю на “вы”, гаворыць далікатна, як з роўнай сабе або нават яшчэ вышэйшай за сябе, адным словам, паважае яе асобу” [4, с. 22].

У якасці неафіцыйнага звароту да немаладога паважанага чалавека нярэдка ўжывалася імя па бацьку: “Былі мужчыны аднагодкамі, абодвум каціла пад семдзясят, але

In Nōtūmū Spatio (В пространстве имен)

колішні механізатар Карней Трахімавіч Лясняк так і застаўся Карнеем. А былога настаўніка называлі Платонавічам, і, мусіць, мала хто помніў яго імя. А як інакш можна называць настаўніка? Простаму вясковаму чалавеку найбольш ягонае імя падыходзіць” [5, с. 234]. У народным асяроддзі сродкам выказвання павагі маладзейшага да старэйшага, да шанаванага чалавека засталіся вакатывы дзядзька, цетка ў спалучэнні з асабовым іменем, пра што сведчыць трапная заўвага пісьменніка Уладзіміра Гніламедава, аўтара рамана “Уліс з Прускі” пра жыцце палескай вескі ў пачатку ХХ стагоддзя: “Словы “дзядзьку” і “цітку” (дзядзька і цетка) тут здаўна ўжываліся пры звароце да старэйшага чалавека, і неабавязкова родзіча, і гэта лічылася выяўленнем ветлівасці і прыязнасці. Прускаўцы, як і ўсе ў наваколлі, захавалі даўняе, родовае адчуванне сваей крэўнасці” [3, с. 62].

Пісьменнікі-берасцейцы, па-мастацку прэзентуючы найтанчэйшыя адценні чалавечых узаемаадносін, умела выкарыстоўваюць прагматычны патэнцыял уласных асабовых іменаў. Т. Піваварчык адзначае: “Ласкавасць лічыцца адметнасцю не толькі міжасабовых, але і сацыяльных адносін беларусаў. Актыўнасць ласкавых стэрэатыпаў можна расцэньваць, з аднаго боку, як пэўную кампенсацыю за адсутнасць сацыяльнага рангавання. З другога боку, гэта можна лічыць выяўленнем знакамітай талерантнасці беларусаў” [10, с. 39]. Эмацыйныя, ацэначныя і экспрэсіўныя адценні сэнсу антрапонімаў не прывязаны жорстка да пэўнай формы імені. Варыяцыі іменаў маюць толькі патэнцыяльныя мажлівасці для рэалізацыі пэўных канататыўных значэнняў. Успрыманне сэнсу і эмацыйна-ацэначнай нагрукі асабовага імя залежыць ад канкрэтнай сітуацыі чалавечых адносін, апісаных у творы. Напрыклад, памяншальна-ласкавыя формы імен дзяцей і падлеткаў выражаюць любоў, замілаванасць: “Верачка, двухгадовая вертка дзяўчынка, захоча патэпаць па хаце, а тут холадна” [7, с. 24]; “У яе тады быў маленькі Паўлічак” [7, с. 40]; “Немцы забілі самага меншанькага, Петрыка” [7, с. 41].

Максімальна насычаны любоўю і пяшчотай скарочаных і памяншальна-ласкавых формы іменаў каханых, дарагіх, родных людзей: “Юля да страты прытомнасці шаптала: “Пятрусь! Пеструсек! Пятрок! Петрачок, родненькі!

II Международные ономастические чтения им. Е.С. Отина

Пятро, Петрачка! Дарагі! Петра! Пятрухна! Пятрухначка! Пятрушка! Пятрушачка! Петрычак!” [4, с. 297].

Памяншальная форма імені можа выражаць і адмоўнае стаўленне да асобы. Пагардлівыя, зневажальныя адносіны заходнебеларускіх сялян да расейскага цара выражае форма ягонага імені Мікалашка: “Гуты такія... Пры Мікалашцы з жандарамі пілі, цяпер і з палякамі зліжуцца” [7, с. 24].

Паслядоўнае ўжыванне ў мастацкім творы розных варыянтаў імені героя выконвае функцыю перадачы дынамікі вобраза: “Быў настаўнік, здавалася, свой, мясцовы, з суседняй вескі – тасама сялянскі сын Тамаш Шпронька. Зразумела, цяпер ен займеў больш паважанае імя: Фама Фаміч Шпранько – з націскам на апошнім складзе. Разам з імем Фама Фаміч змяніў і надворны, як казалі прускаўцы, выгляд. Настаўнік насіў форменную фуражку з бліскучай цэшкай, тужурку з гафкамі” [3, с. 23].

Шматлікія даследчыкі анамастычнай лексікі характарызуюць уласнае імя як “гіпертрафіравана намінатыўную” (А.А. Рэфармацкі), “пазбаўленую значэння (семантыкі)” (М.І. Талстой) моўную адзінку, якая ўтрымлівае інфармацыю пра нацыянальную прыналежнасць і грамадскі статус асобы. Ужыванне імені на старонках мастацкага твора мадыфікуе як зместавую прыроду, так і функцыі онімаў. Літаратурныя ўласныя іменны (паэтонімы) не толькі сацыяльна і нацыянальна характарыстычныя, але і сэнсава напоўненыя і канатацыйна насычаныя моўныя адзінкі.

Сэнсавая нагрузка імені гераіні апавядання Клаўдзіі Каліны “Бярэзінка” Боля (Баляслава) асацыятыўна звязваецца са словам боль “адчуванне фізічнай або маральнай пакуты” [12, с. 91]. Імя Боля, на нашу думку, з’яўляецца нібыта прадказальнікам лесу гераіні, поўнага болю і пакут. Гарбаченькая жанчына-калека ўсе жыцце жыла, пераўзмагаючы боль: “У яе кароценькай біяграфіі было столькі болю і крыўды: “Мяне маці з печы скінула, каб я забілася. А я не забілася, я засталася вось такою. А маці пайшла і ўтапілася. Не вытрымала ганьбы. І каго цяпер вініць! Тую, што ў зямлі? Ці таго, які, можа, дзе гуляе?” [7, с. 139]. Нешчасліва склаўся і жаночы лес Болі: муж кінуў яе дзеля першай жонкі, сын, не вытрымаўшы здрады бацькі, аступіўся ў жыцці, трапіў у

In Nōtinum Spatio (В пространстве имен)

калонію. Падкошаная ўнутраным болем, Баляслава заўчасна памірае.

Важную інфармацыю пра характар чалавечых узаемаадносінаў нясе факт свядомага неўжывання ўласнага імя. В. Шур адзначае: “Адсутнасць уласнага імя ў кантэксте для ідэнтыфікацыі літаратурнага персанажа, які прысутнічае ў творы, – гэта сродак і сведчанне негатыўнага стаўлення аўтара да ўчынкаў такіх дзейных асоб” [15, с. 44]. Дадамо: гэта важны шрых да характарыстыкі ўзаемаадносінаў герояў. У аповесці “Маці і сын” Клаўдзія Каліна расказвае чытачу гісторыю пра тое, як да сына ў пасляваенныя гады вяртаецца маці, якая кінула дзіця, народжанае ад нямецкага афіцэра. І прыемная маці, якая выхавала і паставіла на ногі кінутае дзіця, і сам хлопец баяцца сустрэчы з гэтай жанчынай. Адчужана-насцярожаныя адносіны да яе перадае той факт, што жанчыну не называюць па імені: “А тая, другая маці (Хрысціна ніколі не называла яе ні па імені, ні па прозвішчы) пісала тужлівыя лісты, наракала, скардзілася на сваю горкую долю ўдавы, на адзіноту” [7, с. 17].

Як бачым, шырокі дыяпазон варыянтаў уласных асабовых іменаў з’яўляецца інструментам перадачы тонкіх адценняў эмоцый і пачуццяў персанажаў, спосабам выражэння характару і танальнасці людскіх узаемаадносінаў.

Сродкам стварэння запамінальных партрэтаў персанажаў з’яўляюцца прозвішчы. Многія прозвішчы літаратурных герояў гістарычнай прозы пісьменнікаў-беларусейцаў – ускоснагаваркія паэтонімы. Характарыстыка, змешчаная ў такіх прозвішчах “пазбаўлена зададзенасці, прасталінейнасці. Суб’ектыўныя адносіны аўтараў да герояў выражаюцца ў онімах праз намяк, які чытачу трэба зразумець” [11, с.71]. Раскрыцце “затушаванай”, “зацемненай” унутранай формы найменняў адбываецца пры дапамозе такіх сродкаў, як псіхалагічная характарыстыка персанажа, апісанне знешняга выгляду, ўчынкаў героя ў сюжэтным дзеянні. Нярэдка кантэкстам, у якім актуалізуецца ўнутраная форма гэтых прозвішчаў, з’яўляецца тэкст усяго мастацкага твора. Паэтонімы могуць характарызаваць маральныя якасці, рысы характару персанажаў (Мурашка, Граковіч, Ваўчэцкі, Рахуба). У канцэнтраваным выглядзе гаваркія антрапонімы

II Международные ономастические чтения им. Е.С. Отина

могуць накрэсліваць праграму лесу літаратурнага героя (Ярэміч, Бяда), даваць уяўленне пра знешнасць носьбіта прозвішча (Малечка, Багатырэвіч).

Прыкладам ускоснагаваркога оніма з’яўляецца прозвішча галоўнай гераіні аповесці К. Каліны “Бурштынавыя пацеркі”. У аснове прозвішча Марыі Зямелькі – назва “ўсеагульнай крыніцы жыцця, маці ўсяго жывога, у тым ліку і чалавека. Уяўленні аб зямлі цесна звязаныя з паняццем роду, радзімы, краіны” [2, с. 200]. З глыбокай старажытнасці ў свядомасці нашых продкаў “зямля з’яўлялася крытэрыем чалавечай маральнасці” [2, с. 201]. Марыя Зямелька, што паходзіць з роду земляробаў, прытрымліваецца ў жыцці спрадвечных народных маральных законаў і нормаў. Дзяўчына рупліва працуе, імкнучыся стаць музыкантам, удзельнічае ў самадзейных канцэртах для жыхароў разбуранага пасляваеннага горада і параненых вайскоўцаў. Нягледзячы на слабае здароўе, вольны час Марыя прысвячае адказнай працы – догляду “цяжкіх” хворых у шпіталі: “Кажуць, што на вайне чалавек да ўсяго прывыкае: да посвісту куль, да разрываў снарадаў, да крыві, нават да смерці. Не ведаю, можа, і так... Я не магла прывыкнуць да калецтва ў шпіталі. У мяне начамі балела сэрца, і я прачыналася, піла лякарства, якое зварыла мне бабка Пракса. Яна ведала мае сэрца, ей нават не трэба было гаварыць, што ў мяне ные. Старая сказала, каб я не так часта прыходзіла дзяжурыць, а то захварэю. Але я не магла ўжо не хадзіць у шпіталь, гэта было маім абавязкам, нават большым, чым абавязак, – патрэбай” [7, с. 148]. Менавіта Зямелька словам і справай падтрымлівае сяброўку Надзею ў яе цяжкім і адказным рашэнні – стаць спадарожніцай жыцця сляпога хлопца.

Пісьменнікі могуць утвараць гаваркія прозвішчы лексіка-семантычным або марфалагічным (суфіксальным) спосабам ад апелятываў, метафарычных значэнні якіх з’яўляюцца ацэначнай характарыстыкай пэўных якасцяў асобы. Сутнасць такіх метафар – у свядомым зруху ў таксаноміі аб’ектаў. “Метафара накладвае вобраз, сфарміраваны адносна аднаго класа аб’ектаў, да прадстаўнікоў другога класа: вобраз ваўка – да чалавека, вобраз будынка – да грамадства” [1, с. 153]. Метафары “жывела (птушка) → чалавек” маюць ацэ-

In Nōtīnum Spatio (В пространстве имен)

начнае значэнне. Хоць самі назвы жывел і птушак ацэнкі не ўтрымліваюць, але адпаведныя прыметы жывых істот, калі яны прыпісваюцца асобе, набываюць ацэначны сэнс.

Насычана семантычнымі нюансамі прозвішча Ваўчэцкі, якое належыць герою аповесці У. Дамашэвіча “Кожны чацверты”. У аснове прозвішча ляжыць назва звера, што ў народнай свядомасці надзелены такімі рысамі, як мужнасць, смеласць. Герой твора мае такія якасці: “Ваўчэцкі падабаўся Паланейчыку сваёю адвагаю, але часам ен бравіраваў і лішне лез на ражон” [4, с. 19]. З воўкам у народзе звязваюцца такія рысы, як злосць, агрэсіўнасць, бязлітаснасць. Апелятыўная семантыка прозвішча ажывае ў аўтарскім апісанні персанажа: “Чужое акупанцкае адзенне на Ваўчэцкім нібы злілося з яго сваім, звераватым, воўчым: трохі прыўзнятая верхняя губа і белыя зубы, з якіх вырываўся з роўнага паўкола два разцы, як іклы, рабілі на яго твары падабенства звярынага аскалу” [4, с. 140]. Герой бязлітасна забівае сям’ю чалавека, якога абвінавачвалі ў даносе на сям’ю Ваўчэцкіх, знішчанай акупантамі. У славянскай міфалогіі “воўк – сімвал мудрасці, празорлівасці” [2, с. 90]. Такія якасці ў выніку напружанага і балючага роздуму пасля здзейсненага злачынства фарміруюцца і ў героя твора. З цягам часу Ваўчэцкі пачынае разумець, што дабро і зло – катэгорыі адносныя, і тое, што ен лічыць справядлівасцю, з пункту гледжання Божых законаў, – зло, злачынства. У выніку напружаных маральна-духоўных пошукаў герой прыходзіць да мудрай высновы: “зло нараджае зло, і злом яго ніколі не выкараніш” [4, с. 120].

Прозвішча героя рамана З. Дудзюк “Слодыч і атрута” Рахуба ўтворана ад мянушкі, якая ўзыходзіць да слова “рахуба” – рахунак, развага, разлік. Рахубам звалі або скупога, ашчаднага чалавека, або разумнага, разважлівага [14, с. 300]. Этымалагічная семантыка прозвішча актуалізуецца ў кантэксце твора. У прозвішчы – указанне на прагматызм маладога чалавека. Гардзей Рахуба быў разумным і прадбачлівым чалавекам, бо такім прымусіла яго стаць сіроцкае жыццё: “Гардзей не быў фантазерам або адчайным і безразважным юнаком, які гатовы голымі рукамі змагацца за вызваленне сваей зямлі ад палякаў. Лічыў, што можна паспрабаваць нечага дамагчыся ад улады гуртам, выкарыстаўшы пэўныя законы. Сярод

II Международные ономастические чтения им. Е.С. Отина

сялян таксама ж есць людзі з галавой, дай ім толькі магчыма-сць выявіць сябе. Да ліку тых, хто мае галаву на плячах, адносіў Гардзеі і сябе” [6, с. 49-50]. Каб атрымаць выгаду для сябе, хлопец удзельнічае ў выбарах на пасаду войта. Расчараваўшыся ў польскай уладзе, Рахуба прымыкае да камсамольскай арганізацыі, імкнучыся займець уладу ўжо пры Саветах. У палітычнай барацьбе Рахуба імкнецца застацца ў цені, не рызыкуе, далучае да небяспечных даручэнняў закаханых у яго дзяўчат Зосю і Кацю Барэйшаў. Нездарма сябар Гардзея Марк гаворыць: “Скрозь ты рахубу шукаеш. Ты ад роду Рахуба” [6, с.58]. Сутнасць хлопца здолела разгледзець і закаханая ў яго Зося: “Гардзея наогул нічым немагчыма прывязаць да сябе. Нездарма яго прозвішча Рахуба. Ен гэтую самую рахубу скрозь сабе шукае. Не кахае ен мяне. Зрэшты, ен нікога не кахае” [6, с.115]. Як бачым, гаваркое прозвішча трапна выражае сутнасць характару літаратурнага героя – разважлівага прагматыка.

Побач з прыемам адпаведнасці сэнсу прозвішча сутнасці створанага вобраза берасцейскія аўтары выкарыстоўваюць прыем кантрасту, калі семантыка паэтоніма супрацьлеглая рысам персанажа. Так, у апавяданні Клаўдзіі Каліны “Піяніна” камічны эфект ствараецца за кошт неадпаведнасці гаваркога прозвішча Малечка знешнасці вялізнага, нязграбнага салдата: “Усе пасмейваліся з Малечкі, з яго плашч-палаткі, сшытай з дзвюх палатак, і з недарэчнага прозвішча, бо куды здатней было б яму звацца Вялічкам. Быў высачэзны, дзябелы, шыракаплечы, насаты, вірлавокі, з цяжкімі, як гіры, рукамі і агромністымі ступакамі. Ногі былі такія вялікія, што хлапец ніяк не мог сабе падабраць ботаў. І таму ў яго заўсёды ці нешта ціснула, ці муляла, і ен проста сцізорыкам прапорваў у перадках ботаў дзіркі, каб хоць трохі даць волю пальцам” [7, с. 152-153].

Вобразна-выяўленчыя ўласцівасці прозвішчаў-паэтонімаў абумоўлены іх багатым лексічным фонам, які актуалізуецца ў кантэксце мастацкага твора, што дазваляе гаваркім антрапонімам выражаць аўтарскую характарыстыку і ацэнку героя, жыццёвай з’явы, падзеі, факта.

Сродкам стварэння нацыянальнага і рэгіянальнага каларыту з’яўляюцца мянушкі літаратурных герояў. З глы-
In Nōminum Spatio (В пространстве имен)

бокай старажытнасці да нашага часу ў асяроддзі вяскоўцаў шырока ўжываюцца так званыя сямейна-родавыя мянушкі. Такія празванні як адзін са сродкаў перадачы вясковага каларыту выкарыстоўваюцца берасцейскімі аўтарамі, напр.: “Уліце, цяпер ужо Хадосісе, якая ўсе ж дачакалася свайго Хадоса, адрэзалі добры надзел панскай уробленай зямлі ды далі дзялянку лугу” [7, с. 68]; “Нябожчык муж Малашкі быў у рэпіцкім калгасе аграномам. Вось таму яе і сталі зваць Аграномкай” [7, с. 89].

У разрадзе індывідуальных мянушак можна выдзеліць наступныя тэматычныя групы. Найперш гэта найменні, якія характарызуюць фізічныя ўласцівасці і знешнія прыметы чалавека: Сухарукі, Кульгавы, Руды, Рабы, Казлоўскі, Оперная, Цыганчук і інш. Такія мянушкі нібыта выстаўляюць напаміны пэўную, найбольш яркую рысу знешняга аблічча індывіда, якая становіцца прадметам усеагульнага назірання. Гэта могуць быць заганы рысы, што вылучаюць носьбіта празвання з агульнага фону. Так, фізічнае калецтва персанажа фіксуе мянушка Сухарукі: “У Сухарукага было нешта з леваю рукою, здаецца, ці не паранены ў грамадзянскую вайну” [4, с. 98]. Характарыстыкай знешняга недахопу з’яўляецца празванне героя згаданага вышэй твора Мірона Кульгавага. Яркую, не такую, як у іншых палешукоў, знешнасць юнака акрэслівае мянушка Цыганчук: “Абзывалі Леньку Цыганчуком: ен трос смаленымі нячэсанымі кудламі, якія звісалі на лоб, бліскаў сінімі бялкамі вачэй” [7, с. 138]. Характарыстычныя празванні гэтай групы змяшчаюць насмешлівую і нават пагардлівую эмацыйную ацэнку герояў.

Унутраную сутнасць, маральныя якасці персанажаў перадаюць мянушкі Воўк, Дзед, Гарыныч, Балаболка, Троцкі і інш. Характарыстычнае найменне можа акрэсліваць сутнасць чалавека праз аналогію з прадстаўнікамі жывельнага свету. Так, празванне Воўк, якое належыць персанажу аповесці У. Дамашэвіча “Кожны чацверты”, акрэслівае і ацэньвае “звярыныя” рысы характару героя: “Мянушка яго была Воўк, і ніхто яго за вочы іначай не называў, мо якраз за гэтую яго звераватасць, за маўклівасць, за нелюдзімасць, якая відаць была ў поглядзе яго цёмных вачэй, у выразе зарослага чорным шчаціннем, рабога з воспы твару” [4, с. 6].

II Международные ономастические чтения им. Е.С. Отина

Аналогія – важны спосаб ацэнкі і характарыстыкі асобы. Адзін з герояў аповесці А. Наварыча “Пакланюся Перуну, памалюся Вялесу...” – настаўнік гісторыі – мае мянушку Троцкі. У аснове празвання – метафарычнае выкарыстанне імені вядомага ў савецкі час палітычнага дзеяча, які меў рэпутацыю паклепніка, што “ачарняў” сталінскі рэжым і дзейнасць кіраўнікоў дзяржавы. Мянуску-характарыстыку Троцкі атрымаў у савецкай школе настаўнік, які захапляў дзяцей найцікавейшымі гісторыямі пра слаўную мінуўшчыну: “Акрамя таго настаўнік быў добры выдумшчык, гэта значыць упрыгожваў, як мог аздабляў свае расповеды. Як і ўсе гісторыкі меў багатую фантазію. Амаль на кожным уроку пасля выкладання праграмага матэрыялу, звычайна пад канец заняткаў, частаваў навучэнцаў чарговай порцыяй сваей прыдумкі. Бальшыня вучняў любілі гэтыя настаўніцкія шчыраванні, але былі і такія дзеці, што іранічна ставіліся да баек дарослага чалавека і называлі настаўніка Савіцкага ныйначай, як Троцкі” [9, с. 88].

Абставіны нараджэння дзяцей акрэсліваюць найменні Фрыцык, Васюкоў. Так, хлопчыка, героя аповесці Клаўдзіі Каліны “Маці і сын”, дражнілі ў весцы Фрыцыкам, бо ен нарадзіўся ў час вайны ад немца. Прозвішча выпадковага бацькі стала асновай мянушкі Васюкоў, якая належыць герою апавядання Зінаіды Дудзюк “Рэінкарнацыя”: “Звалі яго Юзікам Селічам, а Васюкоў была толькі мянушка. Казалі, што Юзікава маці прыгуляла малодшага сына з раенным упаўнаважаным Васюковым, які прыезджаў кантраляваць працу калгаса” [5, с. 261]. Характарыстычныя празванні гэтай групы маюць адценне грубасці, пагарды. У кантэксте прозы берасцейскіх аўтараў ужываюцца і мянушкі-дэлакутывы – адфразавыя ўтварэнні, асновай якіх з’яўляюцца найбольш паўтаральныя ў маўленні персанажаў словы. Так, мянушка аматара зазірнуць у чарку – Будзьма: “Ну, будзьма”, – перавеўшы дух сказаў Пацей. Міхаль кіўнуў галавой і міжвольна пасміхнуўся, успомніўшы пісараву мянушку” [4, с. 41].

Мянушкі, якія характарызуюць разнастайныя якасці персанажаў, могуць утвараць сінанімічныя рады, паказваючы

герояў з розных бакоў. Так, адзін з герояў рамана У. Гніламедава мае характарыстычныя найменні, што акрэсліваюць месца жыхарства і надзвычайны выпадак, які паказаў фізічную моц чалавека: “Марка Замагільны (ён сапраўды жыў на хутары за могліцамі), які аднойчы, матлянуўшы падолам сваей палатнянай сарочкі, вырваў з хаты Масаея Галенкі бервяно і разагнаў ім п’яных, калі тыя ўсчалі паміж сабой бойку. Назаўтра, праўда, Марка падняў хату за вугал і ўставіў бервяно на месца, але падагнаць яго як трэба усе ж не здолеў, і яно крыху выпірала ўбок. Пасля гэтага Масаея і празвалі Касабокім” [4, с. 31].

Як відаць з прыкладаў, есць два асноўныя шляхі абазначэння найбольш кідкай прыметы чалавека ў мянушцы: 1) непасрэднае называнне якасці чалавека: Сухарукі, Кульгавы, Руды, Рабы, Оперная, Ваўкаваты, Прыблудны, Трубач, Вывяда, Лях, Балаболка, Партызанка; 2) апасродкаваная характарыстыка праз аналогію з жывеламі, міфалагічнымі істотамі або гістарычнымі асобамі: Воўк, Дзед, Гарыныч, Фрыцык, Казлоўскі, Знайда і інш.

Эмацыйна-ацэначная вобразнасць мянушак і прозвішчаў літаратурных герояў гістарычнай прозы пісьменнікаў-беларусейцаў абумоўлена наяўнасцю прынятых у грамадстве звычайных і эстэтычных нормаў.

ЛІТАРАТУРА

1. Апресян Ю.Д. Прагматическая информация для толкового словаря / Ю.Д. Апресян // Прагматика и проблемы интенциональности : сб. науч. тр. / Акад. наук СССР, Ин-т языкознания ; отв. ред. Н.Д. Арутюнова. – М., 1988. – С. 7–45.
2. Беларуская міфалогія : энцыклап. слоўнік / С. Санько [і інш.]; склад. І. Клімковіч. – 2-е выд., дап. – Мінск : Беларусь, 2006. – 599 с.
3. Гніламедаў У. Уліс з Прускі : раман / У. Гніламедаў. – Мінск: Маст. літ, 2006. – 382 с.
4. Дамашэвіч У. Кожны чацверты : аповесць / У. Дамашэвіч. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1991. – 145 с.
5. Дудзюк З.І. Аднарог : раман, аповесць, апавяданні / З.І. Дудзюк. – Мінск : Беларуская сучасная фантастыка, 2010. – 287 с.
6. Дудзюк З.І. Слодчы і агрута / З.І. Дудзюк. – Мінск: Маст. літ., 2013. – 398 с.

II Международные ономастические чтения им. Е.С. Отина

7. Каліна К. Крылаты конь : аповесці, апавяданні / К. Каліна. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1989. – 145 с.
8. Карніеўская Т.А. Іменаслоў Гомеля другой паловы XX стагоддзя : манаграфія / Т.А. Карніеўская. – Гомель: ГДУ імя Ф. Скарыны, 2010. – 168 с.
9. Наварыч А. “Памалюся Перуну, пакланюся Вялесу...” / А. Наварыч // Адзінокі васьмікласнік жадае пазнаеміцца : аповесці / уклад. М. Н. Мінзер. – 2-е выд. – Мінск : Літаратура і Мастацтва, 2011. – С. 88–174.
10. Піваварчык Т. “Братка беларус...” : Роднай мовы чулыя і ветлівыя словы / Т. Піваварчык // Роднае слова. – 2001. – № 7. – С. 39–42.
11. Рогалев, А.Ф. Ономастика художественных произведений : пособие / А.Ф. Рогалев. – Гомель: Изд-во ГГУ, 2003. – 194 с.
12. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы : Больш за 65 тысяч слоў / І.М. Бунчук [і інш.] ; пад рэд. М.Р. Судніка, М.Н. Крыўко. – Мінск: БелЭн, 1996. – 784 с.
13. Формановская Н.И. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения / Н.И. Формановская. – М.: Наука, 1998. – 290 с.
14. Цымбалова Л.Н. Тайны происхождения наших фамилий / Л. Н. Цымбалова. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2008. – 473 с.
15. Шур В. Онiмы ў творах Якуба Коласа : паказчыкі і актуалізатары дадатковых адценняў значэння / В. Шур // Роднае слова. – 2006. – № 6. – С. 23–26.

Е.М. Какзанова (Москва)

ВИДЫ ОНИМОВ В КРЫМСКОЙ ПОЭМЕ АННЫ АХМАТОВОЙ

В статье анализируется ономастикон ранней поэмы Анны Ахматовой «У самого моря» (1914). Несмотря на то, что имен собственных в поэме не так много, их виды довольно разнообразны. Мы выделили антропонимы (ядро ономастикона), топонимы (астионим, урбаноним) (околядерное ономастическое пространство), геортонимы и экзоним (ономастическую периферию). Предлагается говорить о фоновых онимах, которые подразумеваются в художественном произведении. Антропонимы свидетельствуют об окружении героини, ее эмоциональном состоянии; топонимы и катойконимы связаны с местом действия, его пространственной характеристикой; геортонимы и хрононимы очерчивают время действия; экзоним в поэме отвечает за культурную составляющую.

***Ключевые слова:** имена собственные, ономастикон, поэма, Анна Ахматова, фоновые онимы*

Поэмы – это особая страница в творчестве Анны Ахматовой. Наиболее ранняя из них – «У самого моря», о которой пойдет речь в этой статье, – написана в 1914 году. А. Блок оценивал первую поэму А. Ахматовой как явление сложное – «уравнение с десятью неизвестными» [9, с. 192]. Поэт Г.В. Адамович писал, что поэма «У самого моря» – торжество таланта Анны Ахматовой [1, с. 190].

Изначально поэма «У самого моря» мыслилась не как самостоятельное произведение в рамках книги «Белая стая», а как одна из частей художественного целого [6, с. 332].

II Международные ономастические чтения им. Е.С. Отина

Поэма написана белыми стихами, и Анна Ахматова часто утверждала, что белые стихи писать труднее, чем в рифму [8, с. 112].

Структурно поэма состоит из четырех частей, каждая из которых соответствует своему времени года. Действие первой главы происходит, скорее всего, теплой осенью. В главе описываются героиня – девочка лет тринадцати [6, с. 334], ее встречи с сероглазым высоким мальчиком, на полгода ее мо- ложе. Во второй главе «осень сменилась зимой дождливой». В начале третьей главы «наступило лето, так мы весны и не видали». Скорее всего, речь идет о теплой весне. В четвертой, финальной части поэмы описывается послепасхальное время, а значит, лето.

Поэма имеет биографическую основу; она представляет собой «интимный дневник» [8, с. 112] поэтессы, из которого можно узнать о личных переживаниях автора и в котором явственно ощущаются автобиографические черты.

В детстве и юности А. Ахматовой было много моря. Она родилась у моря, под Одессой, жила на море и, по ее словам, «подружилась с морем, с водой» [8, с. 112]. Море находится в центре всей поэмы, и героиня обращает внимание на все, что с морем связано: бухты, низкий берег, легкие яхты, парус, белую чайку.

Поэтесса Мариэтта Шагинян говорила: «Вся поэма кажется вам чудеснейшей раковинкой, полной шуму от моря и ветра, совсем так, как если бы вы приложили к уху настоящую раковину» [2, с. 88].

Действие поэмы происходит в Крыму, недалеко от Севастополя, где семья Анны Горенко (еще не Ахматовой) жила каждое лето с 1896 по 1903 год. «Каждое лето я проводила в Севастополе, – вспоминала Анна Ахматова, – на берегу Стрелецкой бухты, и там подружилась с морем. Самое сильное впечатление этих лет – древний Херсонес, около которого мы жили» [7, с. 34].

И мне монах у ворот Херсонеса

Говорил: «Что ты бродишь ночью?» [3].

Херсонес – это первый оним-топоним, встречающийся в поэме. А. Пессина-Лонго называет Херсонес античным городом на Черном море. В этом случае Херсонес является

In Nōminum Spatio (В пространстве имен)

сухопутным топонимом, астионимом [10, с. 187]. На момент проживания в этом месте А. Горенко-Ахматовой реально существовал Херсонесский монастырь, монах которого, судя по всему, и беседовал с взрослеющей девушкой.

Мальчик («царевич»), который влюбился в героиню поэмы, предлагал ей розы и уехать с ним на север. А она *не хотела*

Ни роз, ни ехать на север.

...
*«Ну, тогда я стану монахом,
Он сказал, – у вас в Херсонесе».*

...
*И я его отпустила,
Не сказала: «Побудь со мною».
А тайная боль разлуки
Застонала белой чайкой
Над серой полынной степью,
Над пустынной, мертвой Корсунью [3].*

Корсунь – это древнерусское название Херсонеса. А. Ахматова до старости лет называла себя «последней херсонидкой» [8, с. 113]. Катоиконим, употребленный А. Ахматовой, в поэме отсутствует. Кроме того, житель Херсонеса называется не херсонид, а херсонесит.

Возможно, любовь к Крыму проявилась у поэтессы на генетическом уровне и связана с ее корнями – прабабушкой, татарской княжной Ахматовой [4, с. 16], фамилия которой стала псевдонимом поэтессы.

При анализе ономастикона художественного произведения выделяют ядро, околядерное пространство и периферию. Ядром являются антропонимы; околядерное ономастическое пространство составляют мифонимы, теонимы и зоонимы; топонимы и космонимы занимают дисперсное ядерно-периферийное положение. Все остальные онимы относятся к периферии [5]. Мы предлагаем при анализе ономастикона художественного произведения выделять также фоновые онимы – не встречающиеся в самом произведении, но подразумевающиеся автором.

*Я собирала французские пули,
Как собирают грибы и чернику,*

II Международные ономастические чтения им. Е.С. Отина

*И проносила домой в подоле
Осколки ржавые бомб тяжелых [3].*

Фоновый оним этих строк – хрононим Крымская война 1853-1856 годов, которая в момент написания поэмы еще была жива в памяти народа.

По мнению А. Пессиной-Лонго, «мир поэмы не перенаселен» [8, с. 113]. Добавим, он не перенаселен и именами собственными. Тем не менее, мы постараемся остановиться на некоторых моментах, представляющих интерес для ономастического исследования.

*Когда я стану царицей,
Выстрою шесть броненосцев
И шесть канонерских лодок,
Чтобы бухты мои охраняли
До самого Фиолента [3].*

Фиолент – это топоним, мыс на юго-западном побережье Крыма, в одном из районов Севастополя. Судя по карте, это действительно одна из крайних точек Крыма. Героиня явно не покупилась на территорию для себя.

Вторая глава начинается с появления нового персонажа:
*Вышла цыганка из пещеры,
Пальцем меня к себе поманила [3].*

Цыганка – это экзоним, ассоциирующийся у нас с гада-нием. Так и есть:

*Скоро веселой, богатой станешь.
Знатного гостя жди до Пасхи [3].*

Пасха – это геортоним. Обычно геортоним выполняет важную функцию в художественном произведении – хронологическую. Благодаря геортониму Пасха, мы можем предположить, что действие во второй части поэмы происходит в конце зимы или в начале весны.

Третья часть поэмы тоже начинается с геортонимов:
*... вечером в Вербную субботу,
Из церкви придя, я сестре сказала:*

*«...
Через неделю настанет Пасха» [3].*

На Вербные субботу и воскресенье приходились главные народные обряды Вербной недели, отмечаемой на шестой неделе Великого поста. В Вербную субботу ломали вербы. В

In Nōminum Spatio (В пространстве имен)

полночь молодежь обходила дома с песнями. Спящих слегка били ветками вербы, чтобы они были здоровыми.

Сестра же сокрушалась:

«... апостолу Иоанну

Жемчужин для слез достать мне негде...» [3].

Сестра вышивала к Пасхе плащаницу, и речь идет о жемчуге для вышивки. Появление антропонима «Иоанн» в этом контексте не случайно. Обычно в центральной части композиции плащаницы Иисуса Христа расположено изображение «Положение во Гроб». Иконография «Положения во гроб» включает в себя гроб с телом Христа, припавшую ко гробу Богородицу, Иоанна Богослова (он же апостол Иоанн), тайных учеников Христа Иосифа Аримафейского и Никодима, жен-мироносиц.

На протяжении всей поэмы героиня обращается к своей сестре, но только в третьей части она называет ее по имени:

... на соломенном длинном кресле

Лена лежала, раскинув руки,

Все о работе своей скучала, –

В праздник такой грешно трудиться.

...

«Леночка, – я сестре сказала, –

Я уйду сейчас на берег...» [3].

В реальности у Анны Ахматовой было две сестры – старшая Инна и младшая Ия (чтобы получить эту труднодоступную информацию, нам пришлось обратиться к сотрудникам Музея Анны Ахматовой в Фонтанном Доме Санкт-Петербурга). Антропоним «Лена» – вымышленный. Это двойник героини, ее близнец:

Были мы с сестрой однолетки

И так друг на друга похожи,

Что маленьких нас различала

Только по родинкам наша мама [3].

Сестра Лена олицетворяла иную сторону, другую ипостась героини. Героиня была дерзкой, веселой и подвижной («*А я была дерзкой, злой и веселой*» [Ахматова]), сестра Лена была скучной и неподвижной, но доброй:

С детства сестра ходить не умела,

Как восковая кукла лежала.

II Международные ономастические чтения им. Е.С. Отина

Ни на кого она не сердилась [3].

В начале четвертой части героиня любит морем:

Белых бездельниц столпилось много

У Константиновской батарее [3].

Белые бездельницы – это яхты. Константиновская батарея – это памятник истории в историческом районе Севастополя, на берегу Севастопольской бухты. До XIX века так называлась русская фортификация. Это, конечно, топоним; с некоторой натяжкой его можно отнести к урбанонимам.

В конце поэмы царевич, который влюбился в героиню, умирает:

Слышала я - над царевичем пели:

«Христос воскрес из мертвых» [3].

Христос – это эпитет, обозначающий причастность к Святому Духу в результате помазания елеем. Позднее Христос стал употребляться по отношению к Иисусу в значении «Мессия». Мы считаем, что это антропоним (как Иван Грозный, Филипп Красивый, Ярослав Мудрый).

Несмотря на то, что в рассмотренной поэме встречается не так много имен собственных, их виды довольно разнообразны. Это и антропонимы, и топонимы (астионим, урбаноним), геортонимы, экзоним. Таким образом, употребленные в поэме имена собственные представляют как ядро ономастикона, так и околядерное ономастическое пространство, а также ономастическую периферию. Предлагается обратить внимание и на фоновые онимы: катойконим и хрононим, которые подразумеваются в поэме. Антропонимы свидетельствуют об окружении героини, ее эмоциональном состоянии; топонимы и катойконимы связаны с местом действия, его пространственной характеристикой; геортонимы и хрононимы очерчивают время действия; экзоним в поэме отвечает за культурную составляющую.

Такова сцена, на которой разворачивается действие поэмы Анны Ахматовой «У самого моря».

ЛИТЕРАТУРА

1. Адамович Г.В. У самого моря//Десятые годы: В 5 кн. М.: Изд-во МПИ, 1989. С. 189-191.

2. Анненков Ю. Дневник моих встреч. М.: Захаров, 2001. С. 77-96.
3. Ахматова А. У самого моря. URL: <http://www.achmatova.velchel.ru/?cnt=8&sub=2&page=1> (дата обращения: 17.08.2016).
4. Бавин С., Семibrатова И. Судьбы поэтов серебряного века. М.: Издательство «Книжная палата», 1993. 476 с.
5. Волкова С.Н. Функции периферийных онимов в художественном тексте (на примере хрононимов и геортонимов в романе О. Ермакова «Знак зверя»). URL: <http://moyuniver.net/funkcii-periferijnyx-onimov-v-xudozhestvennom-tekste-na-primere-xrononimov-i-geortonimov-v-romane-o-ermakova-znak-zverya/> (дата обращения: 17.08.2016).
6. Ерохина И.В. Поэма А. Ахматовой «У самого моря» как «начало» мифа о поэте//Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2010. Выпуск № 2. С. 330-337
7. Крайнева Н.И. Поэма Анны Ахматовой «У самого моря»: текстологический аспект//Вестник Новгородского государственного университета, 2010. № 56. С. 34-36
8. Пессина-Лонго А. «Я» лирическое и «я» биографическое в поэме Анны Ахматовой «У самого моря»//«Царственное слово». Ахматовские чтения. Выпуск 1. М.: Наследие, 1992. С. 111-118.
9. Спесивцева Л.В. Лирический сюжет поэмы А. Ахматовой «У самого моря»//Гуманитарные исследования. 2010. № 1 (33). С. 191-196.
10. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. 366 с.

Е.В. Минина (Горловка)

**СМЫСЛОВАЯ И ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ
НАГРУЗКА ПОЭТОНИМОВ В РОМАНЕ КЕНА
Фоллетта «ПАДЕНИЕ ГИГАНТОВ»**

Статья посвящается исследованию поэтонимов романа Кена Фоллетта «Падение Гигантов». В статье устанавливается смысловая и функциональная нагрузка поэтонимов, выявляются и описываются их лексико-семантические и этимологические особенности.

***Ключевые слова:** поэтоним, антропоэтоним, топоэтоним, хронотоп, апеллятив.*

По мнению многих ученых, поэтонимы – существенная и необходимая составляющая постижения авторского замысла и глубинного смысла произведения. Поэтонимы, являясь значимым компонентом образной системы произведения, несут смысловую и функциональную нагрузку, способствуют выстраиванию сюжетных линий, созданию хронотопа произведения, указывают на жанрово-стилевую принадлежность художественного текста.

Объектом нашего исследования выступают поэтонимы романа Кена Фоллетта «Падение Гигантов». После ошеломляющего успеха дилогии «Столпы Земли» и «Мир без конца» Кен Фоллетт продолжил серию исторических романов выходом первой части новой трилогии под названием «Падение Гигантов». Действие романа относится к началу XX века и охватывает события, происходящие в канун I мировой войны, а также военное и послевоенное время (1911–1924 гг.). На фоне исторических событий повествуется об историях пяти взаимосвязанных между собой семей. Главные герои – завод-

In Nōminum Spatio (В пространстве имен)

ские рабочие и интеллектуалы, шахтеры, политики и аристократы России, Германии, Англии и США, чьи судьбы тесно переплелись в затейливый и непредсказуемый узор. На их глазах рушится старый мир, гибнут империи, а их жизни вмещают в себя и эпохальные события, и неисчисляемые беды, и тихие радости. Целью нашей работы является установление смысловой и функциональной нагрузки поэтонимов исторического романа Кена Фоллетта «Падение Гигантов» посредством анализа их лексико-семантических и этимологических особенностей.

Как мы отметили выше, поэтонимы играют огромную роль в создании пространственно-временного континуума. Бесспорно, основную роль в создании хронотопа играют топонимы, но роль антропонимов также заслуживает повышенного внимания. Имена и фамилии, а также приложения предшествующие им, акцентируют внимание читателя на месте действия, где разворачиваются основные события, и указывают на описываемую в произведении историческую эпоху. Такие антропонимы как *Earl Fitzherbert*, *King George V*, *Winston Churchill* соотносят события с Англией, *Diaghilev*, *Peter the Great*, *Admiral Alexeev*, *Grigori Peshkov*, *Varya*, *Konstantin*, *Katerina* переносят читателя в Россию, а *Otto von Ulrich*, *Gottfried von Kessel*, *Monika von der Helbard*, *Arthur Zimmermann* – в Германию, антропонимы *Colonel Dupuys*, *General Lourceau*, *General Joffre* указывают на французское происхождение их носителей. Зачастую писатель закладывает хронотоп даже в приложения, указывающие на титул, ранг или род деятельности персонажа. Например, перед немецким антропонимом *Robert von Ulrich* Кен Фоллетт использует немецкий вариант *Graf* для английского count (в переводе с англ. «граф») или немецкое *Keiser Wilhelm* для английского emperor (в переводе с англ. «император»).

Имя и фамилия иногда ничего не говорят о литературном герое, в то время как прозвище всегда обладает смыслом. По мнению Ю.А. Карпенко, «прозвища ярко эмоциональны и экспрессивны, ибо обладают эмоционально-оценочной функцией. Они наглядно демонстрируют процесс перехода познанных и отобранных фактов объективной реальности в эмоционально-оценочные художественные образы. Но в то

II Международные ономастические чтения им. Е.С. Отина

же время прозвище не превращается в абстрактное понятие, оно сохраняет предметность и зримость образа, поскольку качество человека обозначено через конкретный и знакомый коллективу предмет. В прозвищах постоянно осуществляется движение от конкретного к абстрактному и через него вновь к чувственно-конкретному, предметно зримому» [1, с. 35]. Так, например, в произведении Кена Фоллетта в одном из валлийских шахтерских городков огромное количество его жителей носили имя *David* или на валлийский манер *Dafydd* в честь святого-покровителя Уэльса, которых писатель различал в произведении не по гипокористической форме имени *Dai* и не по фамилии, поскольку самыми популярными в данном регионе в описываемый исторический период были *Jones, Williams, Evans, Morgan* [3, с. 6], а именно по прозвищу, характеризующему личные качества персонажа или род его деятельности. Именно поэтому Кен Фоллетт подобрал для своих персонажей прозвища *Dai Crybaby* (в переводе с англ. «плакса»), персонаж, имевший неосторожность расплакаться при первом погружении в шахту, *Dai Union* (в переводе с англ. «профсоюз»), персонаж, возглавлявший городской профсоюз шахтеров, *Dai Muck* (в переводе с англ. «убирать отходы»), персонаж, работающий санитарно-техническим работником в уборной, *Dai Ponies* (в переводе с англ. «лошади»), персонаж, работающий в шахтной конюшне, *Dai Chops* (в переводе с англ. «отбивные»), сын владельца мясной лавки и т.д.

Как отмечает В.К. Чичагов, «прозвища даются людям в разные периоды их жизни по тому или иному свойству или качеству этих людей и под которыми они известны обычно в определенном, часто довольно замкнутом кругу общества» [2, с. 26]. Прозвища могут меняться на протяжении жизни, и несколько прозвищ могут функционировать в произведении одновременно. Этим фактором и определяется номинативный ряд прозвищ одного из главных персонажей произведения. При рождении герой был назван *William Williams*, а родители его называли гипокористическим именем *Billy*. В силу сходства имени и фамилии жители города прозвали его *Billy Twice* (в переводе с англ. «дважды»). А после достижения тринадцатилетнего возраста и начала трудовой карьеры в шахте его прозвали *Billy-with-Jesus* (в переводе с англ. «с Иисусом») *In Nōminum Spatio (В пространстве имен)*

после того, как опытные шахтеры пошутили над ним, оставив в крошечной темноте на длительный период и поинтересовавшись, не испугался ли он, на что Билли ответил, что он испугался, но, к счастью, он был не один, с ним был Иисус: “I was scared, yes, but I wasn’t on my own ... Jesus was with me ... After that, they called him Billy-with-Jesus” [3, с. 25].

Основная масса прозвищ романа «Падение Гигантов» мотивированы внешностью, характером, аксессуарами, привычками, сферой деятельности персонажей. Например, председатель совета директоров «Кельтские минералы» *Perceval Jones* был прозван *Napoleon* за свой маленький рост и привычку носить фрак и цилиндр: “A small, aggressive man, he was called *Napoleon* by the miners. He wore morning dress, a black tailcoat and striped gray trousers, and he had not taken off his tall black top hat” [3, с. 12]. Стволовой основного горизонта *Patrick O’Connor* получил прозвище *Pat Pope*, состоящее из гипокористичного от *Patrick Pat* и самого прозвища *Pope* (в переводе с англ. «папа римский»), появившегося в связи с исповеданием персонажем католической веры. А его сын *Michael O’Connor* унаследовал от отца прозвище и стал именоваться *Micky Pope*. Даже персонажи, представляющие реальных исторических личностей, получили прозвища. Известно, что *Mansfield Smith-Cumming*, офицер британской военной разведки, возглавляя Министерство обороны Англии, подписывал бумаги только зелеными чернилами и только начальной буквой своей фамилии — *C* (*Cumming*), что позволило Кену Фоллетту называть его просто *C*. А любовница и личный секретарь премьер-министра Великобритании от Либеральной партии Дэвида Ллойд Джорджа (1916 – 1922) *Frances Stevenson* получила в романе Кена Фоллетта прозвище *Pussy* (в переводе с англ. «кошечка»).

Наряду с антропонимами функционально значимыми оказались и топопонимы, которые несут основную нагрузку в создании пространственных отношений в произведении. Система топопонимов, микротопонимов в частности, становится все более удивительной от произведения к произведению Кена Фоллетта. Бесспорно важными являются хоронимы (*England, Germany, the USA, Russia, the Austro-Hungarian Empire*) и ойконимы (*London, St Petersburg,*

II Международные ономастические чтения им. Е.С. Отина

Aberowen, Washington, Berlin), но гораздо больший интерес вызывают микротопопонимы. Во-первых, они конкретизируют место действия, а, во-вторых, обладают общекультурным контекстом. Так, встретив такие микротопопонимы как *Piccadilly, Green Park, Buckingham Palace, Victoria Station, Ashley Gardens*, любой образованный читатель безошибочно определит, что события происходят в Лондоне, а натолкнувшись на топопонимы *the Winter Palace, the Narva Gate, Nevsky Prospekt, the Soleil Cinema, the Neva River, the Bronze Horseman, the Admiralty building, the Alexandrovskii Garden*, читатель мысленно окажется в Питере. В романе «Падение гигантов» автор использует номинации не только для городов, сел, улиц, церквей, но даже шахтных стволов и пластов. Для номинации двух стволов писатель подобрал забавные названия *Pyramus* и *Thisbe*, которые, по сути, оказались антропонимными, поскольку образованы от имен вавилонского юноши и его возлюбленной, хотя семантически эти имена никак не связаны с названиями стволов. Шахтные пласты также получили свои номинации. Основной пласт назывался *the Main Level* (с полным совпадением семантики), разрабатываемый на глубине 600 ярдов именовался *Four-Foot Coal* и подразделялся на части, которые были названы в честь британских ипподромов *Ascot, Goodwood district, Marigold district, Carnation district*. Такого рода поэтонимы представляют огромный интерес для исследования, поскольку их с трудом можно отнести к микротопопонимам, но, тем не менее, которые довольно существенны для создания особого хронотопа произведения.

Значимым в романе «Падение Гигантов» стал и урбаноним *Tŷ Gwyn*, название загородного дома семьи графа Фицгерберта. *Tŷ Gwyn* – валлийский вариант Белого Дома, но данный топопоним стал несколько ироничным в силу того, что этот дом находился в шахтерском городке, и, хотя некогда он был сложен из белого камня, сейчас он был покрыт толстым слоем угольной пыли. Тем не менее, многие события романа разворачиваются именно в этом имении, насчитывающем 200 комнат и 523 окна. Удивительно, но почти каждая комната и каждый клочок данного особняка получил свою номинацию,

которые были мотивированы либо внутренним убранством апартаментов, либо окружающей обстановкой. Так в доме находятся *Egyptian Apartment*, большая комната, на обоях которой изображены декоративные мотивы египетских храмов, *the Gardenia Suite*, комната с обоями в виде гардений, *the Sculpture Hall*, комната со множеством скульптур, где семья собиралась перед обедом поговорить об искусстве, *the West Walk*, тропинка ведущая через сад к летнему домику, усаженная клумбами, *the Gray Room*, апартаменты, декорированные в серых оттенках, *the Great Hall*, роскошная гостиная, выполненная в викторианско-готическом стиле. Как мы видим, Кен Фоллетт создал свою собственную внутреннюю топонимику, а места в доме получили названия подобно географическим объектам. Совершенно очевидно, что в составе всех перечисленных поэтонимов заключена, как правило, апеллятивная лексема, которая и несет основную смысловую нагрузку.

Подводя итог, следует отметить, что проведенный анализ коснулся в первую очередь антропоэтонимов и топоэтонимов, их характеризующей и хронотопической функций. Описанные в произведении поэтонимы несут значимую смысловую и функциональную нагрузку, тем самым способствуя лучшему пониманию образной системы романа и замысла писателя. Перспективным направлением исследования считаем изучение всей поэтонимосферы данного произведения с детальным анализом так называемых периферийных слоев поэтонимикона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карпенко Ю.А. Имя собственное в художественной литературе / Ю.А. Карпенко // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. – М., 1986. – № 4. – С. 34-40.
2. Чичагов В.К. Из истории русских имен, отчеств и фамилий. (Вопросы русской исторической ономастики XV–XVII веков) / В.К. Чичагов. – М. : Учпедгиз, 1959. – 128 с.
3. Follett Ken *Fall of Giants* / K. Follett. – New York : New American Library, 2010. – 925 p.

Л.П. Родионова (Смоленск)

РЕМИНИСЦЕНЦИИ И ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ИМЕНА В НОВОМ ВОПЛОЩЕНИИ В ПРОЗЕ А.О. БЕЛЯНИНА

В настоящей статье рассматриваются прецедентные имена собственные и литературные реминисценции, встречающиеся в фантастических романах А.О. Белянина, связь избранных имен собственных с контекстами и характерами персонажей.

Ключевые слова: А.О. Белянин; художественный текст; жанр современного фэнтези; имя собственное; прецедентное имя; литературные реминисценции; специфика имен собственных в жанре фэнтези.

Андрей Олегович Белянин – член Союза писателей России, один из основоположников жанра русского юмористического фэнтези, автор многочисленных романов, в которых рассматриваются в современном фантастическом воплощении многие актуальные темы. После публикации прозаических произведений для детей был замечен издательством «АРМАДА», сотрудничая с которым расширил диапазон поднимаемых тем и стал популярным. В прозе Белянина проявляется многогранная эрудиция автора, что отражено и в изображении реалий мест действия, и в именах действующих лиц.

В художественной литературе имя собственное часто характеризует своего носителя. «Писатели, подбирая имена для персонажей своих произведений, обдумывают их характер и поведение, “планируют” поступки и стремятся к тому, чтобы каждой чертой персонаж соответствовал художественному замыслу. Это стремление сказывается и на мотивах вы-

In Nōminum Spatio (В пространстве имен)

бора имен. Гармония имени и образа – основная цель поиска» [11, с. 10]. Фэнтези допускает значительную свободу выбора имен персонажей, поскольку сюжет делает возможным совместное пребывание жителей разных миров или эпох.

Иногда писатель использует прецедентные имена. Так, в творчестве А.О. Белянина используются имена реальных исторических лиц, а так же имена, которые носили литературные герои у других авторов, имя персонажа может полемизировать с первоисточником. «Литературные реминисценции вообще являются одним из самых распространенных приемов в современной российской фантастике. Некоторые писатели используют в своих текстах скрытые, но всеми узнаваемые цитаты из произведений друзей и «неприятелей» по цеху» [16, с. 319].

Например, герой одноименного романа Моцарт – ангел, созданный, чтобы петь в Небесном хоре, но по недоразумению не обладающий музыкальным слухом. Моцартом сосланного прозвал начальник Девятого Легиона Небесного воинства, где неудавшемуся хористу пришлось освоить воинскую науку, чтобы защищать людей от темных сил. Не случайно Моцарт помещен писателем в Девятый Легион – исторический Девятый Легион Римской империи перестал упоминаться в хрониках, из чего ученые сделали вывод, что он подвергся уничтожению. Позже этот факт был поставлен под сомнение, но таинственным исчезновением Девятого Легиона заинтересовались писатели различных жанров. Подавляющее большинство ангелов Девятого Легиона Небесного воинства погибли. Изначально созданный не для борьбы, ангел вызывал насмешки своим внешним видом и слабостью, его история незадачливого певца добавляла поводов для зубоскальств и обусловила прозвище. Роман завершается просьбой друзей героя: «Моцарт, только не пой!» – ангел пел во сне и фальшивил.

В том же романе показан кот Мичун – достопримечательность черногорского города Будвы, кот – городской страж, в одиночку победивший демонического пса. «Надо признать, что каждый кот, получивший имя Мичун и избранный демократическим кошачьим голосованием, честно исполнял свой долг!» [4, с. 217].

II Международные ономастические чтения им. Е.С. Отина

Рыжий рыцарь сэра Нэда Гамильтон-младший в своем мире – приближенный короля Ричарда Львиное Сердце. Отец Нэда – тоже сэра Нэда Гамильтон, но старший. Братья Нэда носят имена Элтон и Джонс, явный намек на певца Элтона Джона, лишь слегка смазанный.

В реальности начала XXI века Нэд знакомится с Илоной Щербатовой и Валерой Люстрицким. Илона – яркое редкое имя неясной этимологии, возможно, венгерский вариант имени Елена. Толкование имени утверждает, что Илона – особа с переменчивым характером, вспыльчивая, но в целом добрая, и в отношении героини Беянина это верно. Илона носит старинную русскую дворянскую фамилию, неоднократно в повествовании она названа «леди Щербатова». Вероятно, этим автор намекает, что внешне обычная девушка из XXI века – достойная пара для настоящего рыцаря.

Имя Валерий с латыни переводится «сильный, крепкий», что сначала вступает в противоречие с образом изнеженного капризного юноши. Валера чаще назван уменьшительной формой имени, это создает впечатление некоторой легковесности, инфантильности, и они действительно свойственны этому персонажу, однако он растет как личность по ходу развития сюжета, его спонтанные действия неоднократно спасают окружающих. Согласно пророчеству, Нэд должен встретить в нашем мире Могучего Воина, а Валера в поступках проявляет себя таким. Фамилия Люстрицкий относится к так называемым семинарским, образована от латинского *lustrum* – «святить», «освящать».

Дама сердца Нэда в старой Англии – леди Роксана. С персидского «Роксана» переводится как «предсказательница». Роксаной звали жену Александра Македонского, не случайно, что у Беянина этим же именем зовут высокомерную красавицу, живо интересующуюся политикой.

В романе «Сестренка из преисподней» добрый волшебник сэра Томас Мэлори помогает поэту Сергею. Он не тезка, а тот самый английский рыцарь сэра Томас Мэлори, который написал цикл романов о короле Артуре и рыцарях Круглого стола. В Городе, населенном магами и демонами, он – один из самых высокопоставленных и уважаемых жителей.

Сэр Мэлори знакомит Сергея с мэтром Семецким. Это бессмертный в прямом смысле книготорговец, обладатель редчайших письменных артефактов, которого регулярно убивают разными способами, чтобы за время до его воскрешения украсть какой-нибудь ценный фолиант. Горожане присуждают премию «За лучшее убийство мэтра Семецкого в этом году». Это дружеский шарж на аналогичную премию среди российских фантастов «За лучшее литературное убийство Юрия Семецкого». У многих фантастов второстепенный персонаж с фамилией Семецкий погибает. Началось это, по легенде, со случайного созвучия фамилии персонажа Сергея Лукьяненко и реального книжного критика Юрия Михайловича Семецкого, последний предложил убивать его в последующих произведениях.

Поэт и партизан Денис Давыдов стал героем романа «Охота на гусара». Автор придал герою-повествователю манеру речи, характерную для первой половины XIX века, стилизации речи главного героя в других романах не наблюдается. Денис Васильевич общается с Багратионом и Кутузовым. Багратион говорит с грузинским акцентом, что привносит комический эффект. Кутузов производит впечатление доброго дядюшки, однако обладающего сверхъестественными способностями, что продолжает народную традицию восприятия Кутузова в XIX веке. Кроме того, герой вспоминает Суворова, государя Александра Первого, генерала Коновницына, перечислены Белорусский, Бугский, Ахтырский и другие полки русской армии, существовавшие в начале XIX века. Денису Давыдову является Чингисхан – его легендарный предок. Много реальных топонимов Смоленской губернии (Гжать, Духовщина, Вязьма, Скугорево и др.), в общей сложности упомянуто шестьдесят девять географических названий, имеющих отношение к Смоленщине начала XIX века, преимущественно это названия деревень. Действие в заключительной части произведения переносится в Польшу, закономерно появляются топонимы, обозначающие территории, ныне относящиеся к Белоруссии, Польше и Литве: Логайск, Молодечно, Гродно, Ковно, Вильно, Новые Троки, Неман, Варшава.

Герой «Оборотного города» молодой казак Илья Иловыйский приходится племянником генералу Василию Дми-

II Международные ономастические чтения им. Е.С. Отина

триевичу Иловайскому Двенадцатому. Здесь мы видим упоминание реального исторического лица, отличившегося в войне 1812 г. и заграничном походе русской армии 1813 г. Представители донского дворянского рода Иловайских оставили заметный след в военной истории России. Вымышленный Беляниным племянник генерала проявляет героизм, как и его предки, не чужд воинской службе, но предпочитает мирную жизнь. «Обычный среднестатистический казак попросту не смог бы понять и принять правил игры, диктуемых реальностью Оборотного города. Юноше, воспитанному на романтической литературе, гораздо легче поверить в существование параллельного мира и принять новые правила игры» [17, с.310]. Возлюбленной Ильи Иловайского становится девушка из будущего Катя – аспирантка, изучающая нечисть. По традиции XIX века полная форма имени не Екатерина, а Катерина. С греческого Катерина переводится «чистая, непорочная», в образе Катерины это значение не акцентируется. Катя – типичная девушка начала XXI века, носительница городского студенческого жаргона, так поражающего казака века XIX. Жители подземного города знают ее как Хозяйку.

Роман «Меч Без Имени» богат ономастически: в условном Средневековье, где оказался Андрей, получивший Меч Без Имени, присутствуют реалии, а так же имена разных эпох. Меч Без Имени – оружие, обладающее разумом, само выбирает себе хозяина – ландграфа.

Противник каждого ландграфа – король Ризенкампф. Его говорящее имя переводится с немецкого как Битва гигантов. Действительно, каждый из прежних ландграфов мог называться гигантом в воинском искусстве, магии, мудрости.

Пажом ландграфа Андрея становится Лий, вскоре оказавшийся девушкой Лией (полное имя Лилиана). В словарях Лия и Лилиана трактуются как разные имена. Лия переводится с древнееврейского языка «телица, телушка». Характер носительницы имени Лия тяжелый, она действует под влиянием настроения, смелая, неусидчивая. Лие – пажу это свойственно, она склонна ссориться, придирается к окружающим, но в серьезных ситуациях надежна, готова помочь. Лилиана же считается производной формой имени Лилия, характер отча-

сти сходен с характером Лии, но отличается большей силой воли, аналитическим умом, желанием командовать.

Оруженосец, получивший отфамильное прозвище Бульдозер – Жан-Батист-Клод-Шарден ле Буль де Зир. Слишком длинное именование создает комический эффект. Прозвище Бульдозер, данное за внешнее сходство и созвучное титулу, больше подходит неудачливому рыцарю, чем имя Жан. Часть его имени дана в честь французского художника Жана Батиста Симеона Шардена. Писатель, чье творчество мы рассматриваем, по образованию учитель живописи, а герой, которому автор дал свои имя и отчество, художник, следовательно, упоминания художников, в том числе только их имен безотносительно к творчеству, закономерны.

Ведьма, спасенная Андреем от костра, а после и от брака по принуждению, носит имя Вероника. Это имя интернациональное, ассоциируется скорее с Новым временем, в Средневековье еще не было известно, в контексте романа напоминает о реальном мире, из которого пришел Андрей. Предположительно греческое «нести победу» [13, с. 439].

Место компактного проживания ведьм – Тихое Пристанище. Название двусмысленно: для самих обитательниц оно буквальное – никто не мешает ведьмам жить своей жизнью на их территории, зато простые люди боятся приближаться к ведьминской резервации, название «Тихое Пристанище» у обитателей этого мира вызывает примерно те же эмоции, что топоним «Бухенвальд» в реальном мире. Главную ведьму Тихого Пристанища зовут мисс Горгулия Таймс – это отчасти отсылает к имени «Гарри Поттера» Дж. Роулинг, именно там популярны были такие сочетания имен и фамилий волшебников – странное или архаичное имя плюс короткая фамилия (ср. Нимфадора Тонкс). Комичное имя Горгулия по происхождению не столь однозначно, как может показаться на первый взгляд. Слово «гаргуля» (позже «горгуля») стало отождествляться с чудовищами-химерами только в конце XIX – начале XX века, первоначально оно обозначало приспособление для слива воды с крыш, декоративно оформленное в виде животного, т.е. гаргуйль (гаргуля) – предок водосточной трубы. Таймс – это и название известнейшей английской газеты (The Times), переводящееся как «времена», так же печатная гар-

II Международные ономастические чтения им. Е.С. Отина

нитура, с 1931 года применяющаяся в этой газете и используемая в издательском деле, и собственно понятие времени. Оппонентку Горгулии, поначалу желавшую погубить героя, зовут Бесноватая Герла – имя-прозвище явно напоминает и высмеивает проявление советской субкультуры стилига, среди представителей которой бытовало слово «герла» (искаженное английское «girl») для обозначения девушки, разделяющей их принципы. Комизма прозвищу добавляет преклонный возраст Бесноватой Герлы.

В романе встречаются персонажи – противники героя, являющиеся по сути реминисценциями из известных произведений западной литературы. Андрей с сопровождающими подвергся нападению банды Волчьего Когтя и победил нападавших. Прозвищем атаман обязан металлическому протезу руки в форме звериной лапы, этот факт напоминает о Капитане Крюке из повести «Питер Пэн» Джеймса Барри.

Сэр Сухамор вызвал героя на поединок во время рыцарского турнира. В целом сюжетная ситуация перекликается с подобной в романе Марка Твена «Янки при дворе короля Артура», и за сэром Сухамором угадывается сэр Саграмор Желанный. В обоих случаях герои необычным оружием побеждают превосходящего противника.

Злобыня Никитич – старший богатырской дружины, живущей в царстве Смерти, стал другом и помощником ландграфа Андрея. Старший брат Злобыни, князь Дмитрий Могучий, был ландграфом Меча Без Имени до Андрея и погиб. «Нешто в этом аду кто-нибудь, кроме русских, выживет?» [3, с. 173]. Имя Дмитрий известно у князей (Дмитрий Донской, Дмитрий Пожарский и др.). Злобыня – явно местный вариант Добрыни Никитича, имя образовано по принципу антонимии. Главного врага героя – Ризенкамппфа Злобыня в соответствии с русской фонетической традицией пренебрежительно называет Ризькой.

В романе «Вкус вампира» герой Дэн Титовский служит демону Бегемоту, предстающему в образе огромного черного кота. Это уже прямая отсылка к «Мастеру и Маргарите» Булгакова. «В принципе, верховный демон мог принять любое обличье, но из-за вполне понятной любви к Булгакову предпочитал образ здорового кота Бегемота. Ходили слухи, что

In Nōminum Spatio (В пространстве имен)

в его библиотеке собрана самая большая коллекция изданий «Мастера и Маргариты» (вплоть до черновых листов рукописи самого автора!)» [2, с. 68]. Здесь заметен намек на крылатую фразу булгаковского Воланда: «Рукописи не горят!». «Сижу себе, никого не трогаю, примус починяю...» [2, с. 69], - цитирует белянинский Бегемот булгаковского.

Дачу, где поселился Дэн Титовский, охраняет Капрал – вполне ожидаемое прозвище для призрака, в земной жизни бывшего военным. Чаше, чем Капралом, погибшего офицера называют по фамилии Енот, упоминается и его имя Сергей.

В романе «Профессиональный оборотень» действуют Алина Сафина и Алекс Орлов. Алина Сафина – студентка-заочница, татарка по национальности, отличается низким ростом и взрывным темпераментом, создающим ситуации, влияющие на сюжет. Согласно словарю Тихонова и др., Алина – уменьшительная форма от некоторых имен (напр., Альбина), ставшая документальной [13, с.399]. Как самостоятельное имя, Алина переводится «благородная» (старонемецк.), «непорочная» (лат.). Образ Алины Сафиной появился в 2000-е годы – то время, когда в СМИ часто упоминались ее однофамильцы и соотечественники – певица Алсу Сафина, теннисист Марат Сафин. Кроме того, имя Алина стало популярным не ранее последних десятилетий. Возможно, писавшие в соавторстве Белянин и Черная решили выбрать для новой героини яркое модное имя.

Имя Алекс ассоциируется с англоязычной западной культурой. В русском языке иногда употребляется как уменьшительное от «Александр» или «Алексей», хотя крайне редко, и едва ли может конкурировать с традиционными русскими уменьшительными формами Саша и Алеша. Имя Алекс Орлов – полное, полученное не при рождении, а для работы, его носитель – уроженец иного мира. Алекс – агент по борьбе с чудовищами в разных реальностях.

А.О. Белянин предлагает свое видение истории Багдадского вора. Светловолосый голубоглазый москвич, потомок дворянского рода Лев Оболенский был перенесен джинном к Хайяму ибн Омару, стихотворцу, любителю вина и женщин. Омар Хайям зашифрован легко узнаваемо. Джинн наделяет пришельца даром искусного воровства. Оказавшись в

II Международные ономастические чтения им. Е.С. Отина

средневеково-сказочном Багдаде, Лев знакомится и становится другом Ходжи Насреддина, который называет его «Леваджан». Реминисценции на роман Л. Соловьева «Возмутитель спокойствия» встречаются в обеих частях дилогии Белянина «Багдадский вор» и «Посрамитель шайтана». Лева встречает героев восточных сказок: Али Бабу, подчиненного коварной Марджине, Зейнаб-мошенницу, переживает взаимную любовь с молодой вдовой Джамилей, чье имя с арабского переводится «красивая, прекрасная».

Как видим, фэнтези допускает большую свободу в именовании действующих лиц и сочетании имен из разных языковых систем и моделей. Андрей Олегович Белянин умело комбинирует совершенно разноплановый материал, его творческий метод позволяет избегать явного эклектизма. Писатель использует как переводные значения собственных имен, так и психологические портреты их носителей. Автор применяет фольклорные мотивы разных народов, а также авторских сказок, и вместе с тем передает сказочные образы в своем воплощении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белянин А.О. Багдадский вор: Фантастический роман. М.: АРМАДА: «Издательство Альфа-книга», 2002. 438 с.
2. Белянин А.О. Вкус вампира: Фантастический роман. М.: АРМАДА: «Издательство Альфа-книга», 2003. 387 с.
3. Белянин А.О. Меч без имени: Фантастический роман. М.: АРМАДА: «Издательство Альфа-книга», 2001. 331 с.
4. Белянин А.О. Моцарт: Фантастический роман. М.: АРМАДА: «Издательство Альфа-книга», 2012. 313 с.
5. Белянин А.О. Обратный город: Фантастический роман. М.: АРМАДА: «Издательство Альфа-книга», 2010. 313 с.
6. Белянин А.О. Охота на гусара: Фантастический роман. М.: АРМАДА: «Издательство Альфа-книга», 2004. 326 с.
7. Белянин А.О. Рыжий рыцарь: Фантастический роман. М.: АРМАДА: «Издательство Альфа-книга», 2001. 475 с.
8. Белянин А.О. Сестренка из преисподней: Фантастический роман. М.: АРМАДА: «Издательство Альфа-книга», 2001. 389 с.
9. Белянин А.О., Черная Г. Профессиональный оборотень: Фантастический роман. М.: АРМАДА. «Издательство Альфа-книга», 2003. 343 с.

10. «Именатор.ру» интернет-сайт [<http://www.imenator.ru>, даты обращения 14-16 сентября 2016 г.].
11. Калинин В.М. Литературная ономастика или поэтика онаима. Методические указания к спецкурсу. Донецк, 2002. 39 с.
12. Словарь русских генералов, участников боевых действий против армии Наполеона Бонапарта в 1812-1815 гг. // Российский архив. Т. VII. М.: студия «ТРИТЭ» Н. Михалкова, 1996, с. 407-408.
13. Тихонов А.Н., Бояринова Л.З., Рыжкова А.Г. Словарь русских личных имен. М.: ШКОЛА-ПРЕСС, 1995. 736 с.
14. Хигир Б.Ю. Тайна женского имени. М.: Астрель: АСТ: Транзиткнига, 2005. 846 с.
15. Хигир Б.Ю. Тайна мужского имени. М.: Астрель: АСТ, 2006. 896 с.
16. Черный И.В. «Веселые детективы фантаста Андрея Беянина» – послесловие к роману А. Беянина «Летучий корабль». М.: АРМАДА: «Издательство Альфа-книга», 2001. С. 316-324.
17. Черный И.В. ««Характерничьи» побасенки» – послесловие к роману А. Беянина «Оборотный город». М.: АРМАДА: «Издательство Альфа-книга», 2010. С. 306-312.

О.И. Струг (Брест)

УЛАСНЫЯ АСАБОВЫЯ ІМЕНЫ Ў КАНТЭКСТЕ ТВОРАЎ ВАЛЯНЦІНЫ КОЎТУН

В статье рассматриваются употребленные в произведениях Валентины Ковтун собственные личные имена, которые являются неотъемлемым элементом идейно-тематического содержания художественного текста и важным средством номинации, характеристики и оценки персонажей и их взаимоотношений. Определяется своеобразие именования персонажей в исторической прозе В. Ковтун. Рассмотрение антропонимов осуществляется в русле лингвопрагматического исследования художественной речи. Очерчивается диапазон смыслового и формального варьирования поэтонимов, многочисленные формы которых являются средством создания исторического, национального и регионального колорита в произведениях, инструментом передачи широкого спектра эмоций и оценок литературных героев. Особое внимание уделяется осмыслению роли контекста в раскрытии смысловых и эмоционально-экспрессивных возможностей поэтонимов.

Ключевые слова: *Литературная ономастика, оним, антропоним, языческий антропоним, христианский антропоним.*

Валянціна Коўтун – прызнаны мастак-псіхолаг, нястомная даследчыца сучаснага жыцця і айчынай гісторыі. Для пісьменніцы ад самага пачатку творчасці галоўным аб’ектам мастацкага даследавання стала псіхалогія чалавека, свет яго думак і пачуццяў. Надзвычай уважлівая пісьменніца да ўнутранага свету сваіх персанажаў. Яна добра раскрывае іх характары як у грамадскім жыцці, так і ў бытавых, сямейных абставінах. Перадаючы шматграннасць жыцця нашых

In Nōminum Spatio (В пространстве имен)

продкаў і сучаснікаў, пісьменніца звяртаецца да такога паказальнага ў плане нацыянальнай і культурнай адметнасці складніка мовы, як антрапанімічная лексіка, кампанентам якой з’яўляюцца асабовыя іменны. Аналіз антрапанімікону раманаў “Пакліканья” і “Крыж міласэрнасці” паказаў, што пісьменніца ўмела выкарыстоўвае прагматычны патэнцыял гэтага яркага паказчыка сацыяльнага статусу асобы і дзейснага прагматычнага рэгулятара адносінаў паміж людзьмі.

У духоўнай культуры многіх народаў са старажытных часоў галоўную ролю адыгрывала рэлігія як светапогляд і светаадчуванне, сукупнасць вераванняў і маральных уяўленняў. “Іменны людзей найцяснейшым чынам звязаны з рэлігіяй перш за ўсе таму, што кожнай рэлігіі адпавядае пэўны маральны кодэкс, які дае ацэнку навакольнаму свету. Усе, што атрымлівала станоўчую ацэнку, так ці інакш уключалася ў склад асабовых іменаў” [8, с. 176].

З канца X стагоддзя на ўсходнеславянскіх тэрыторыях пад уплывам царквы сталі распаўсюджвацца прадугледжаныя царкоўным календаром хрысціянскія іменны. “Асноўным пры звароце да хрысціянскага імені сталі подзвігі хрысціянскіх святых з адпаведным імем, іх маральная характарыстыка” [8, с. 177]. Але хрысціянскія іменны не маглі спачатку скласці канкурэнцыю родным для славян іменам. Утвораныя ад агульных назоўнікаў грэчаскай, лацінскай і іншых моў, хрысціянскія празванні ўспрымаліся як незразумелыя, цяжкія для вымаўлення, таму да XVII стагоддзя не спынялася выкарыстанне мірскіх іменаў.

Кіруючыся прынцыпам адпаведнасці структуры і сэнсавага нападнення найменняў персанажаў імянным формам апісанага часу, аўтары мастацкіх твораў гістарычнай тэматыкі арыентуюцца на асаблівасці іменаслову перыяду ўзаемадзеяння кананічных і некананічных іменаў.

Далекае XII стагоддзе – час жыцця і духоўнага подзвігу Апякункі зямлі беларускай Еўфрасінні Полацкай – стала прадметам мастацкага асэнсавання ў рамана-жыцці Валянціны Коўтун “Пакліканья”. У гэты перыяд фарміраваўся падмурак новага светаўспрымання, ствараліся перадумовы сцверджання духоўнасці і маральнасці чалавека. Аўтарка аналізуе “працэс засваення нашымі продкамі новых маральна-этыч-

II Международные ономастические чтения им. Е.С. Отина

ных хрысціянскіх арыенціраў, сцвярджэння на нашай зямлі Веры ў Чалавека светлага, “пакліканага” і “абранага” [6, с. 191]. Дух далекай мінуўшчыны Валянціна Коўтун здолела перадаць дзякуючы ўмеламу выкарыстанню інфармацыйнай нагрукі старажытнага іменаслову.

Падзеі і факты, адлюстраваныя ў рамане-жыцці, выглядаюць пераканальнымі, дзякуючы таму, што на старонках твора прыгадваюцца імяны рэальных гістарычных асоб: славянскіх князеў (кіеўскіх князеў Яраслава Мудрага, Мсціслава, полацкіх князеў Рагвалода, Святаслава, Усяслава Чарадзея, смаленскага князя Яраполка, менскага князя Расціслава і інш.), валадароў іншых дзяржаў свету (шведскага караля Олафа, візантыйскага імператара Мануіла, імператрыцы Марыі, прынцаў Алексіса, Андронікуса, цюркскіх ханаў Баняка і Шалудзяка), рэлігійных дзеячаў мінулага (візантыйскіх патрыярхаў Лукі Хрысаверга, Фоція, мітрапаліта полацкага Дыянісія, мітрапаліта кіеўскага Кліма Смаляціча, летапісца Нестара).

У XII стагоддзі ў Полацкім княстве ўмацоўвала свае пазіцыі хрысціянская рэлігія, складаным чынам узаемадзейнічаючы з язычніцкімі культурамі. Многія рэальныя гістарычныя асобы – князі і члены іх сем’яў – побач са старымі, язычніцкімі, мелі і хрысціянскія імяны, што адлюстравана ў рамане-жыцці. Бацька Еўфрасінні завецца Святаславам (язычніцкімі іменамі-пажаданнямі з кампанентам -слаў здаўна называліся полацкія князі) і Георгіем (грэцк. ‘земляроб’) [1, с.23]. Князеўны Прадслава, Звеніслава, Гардзіслава, стаўшы манашкамі, прымаюць хрысціянскія імяны Еўфрасіння (грэц. ‘радасць’) [1, с. 59], Еўпраксія (грэц. ‘дабрачыннасць’) [1, с. 59], Еўдакія (грэц. ‘славутая’) [1, с. 59]. Майстар-ювелір, стваральнік славутага крыжа, увайшоў у гісторыю пад двума іменамі – хрысціянскім Лазар (яўр. ‘Богу памочнік’) [1, с. 31] і язычніцкім Богша (скарачэнне ад язычніцкага імені Багуслаў або Багуміл).

У XII стагоддзі функцыянуе такі кампанент антрапанімічнай лексікі, як патранімічнае іменаванне, утворанае ад імені ці мянушкі бацькі або продкаў па бацькаўскай лініі. Формулы наймення ‘імя+патронім’ ужываюцца на старонках рамана-жыцця: “Полаччына адкрыта загаварыла пра *In Nōminum Spatio* (В прастранстве имен)

Васілюку Святаславіча” [5, с. 134]. “З дапамогай патроніма ў форме множнага ліку ўстанаўліваліся родавыя сувязі паміж бацькам, сынамі і братамі” [3, с. 15]: “А Еўфрасіння ўжо абыходзіла капліцу, якую Глебавічы збудаваці яшчэ ў даўнія леты” [5, с. 145].

Многія князі ўвайшлі ў гісторыю пад празваннямі-мянушкамі. Такія формы наймення выкарыстаны ў творы В. Коўтун: “Цемнабровая княгіня Сафія трымалася паважна, як і належала дачцэ вялікага кіеўскага князя Яраслава Мудрага” [5, с. 33]; “Брачыслаў урэшце спамогся ўзяць пад апеку новыя гарады, успадчаныя пасля сынам ягоным Усяславам, званым у народзе Чарадзеем” [5, с. 16]. Усяслаў памяркоўна ставіўся да язычнікаў, таму яго празванне ўжываецца ведуном Вікулам ў ласкальнай форме (князь Чарадзеюшка), перадаючы станоўчую ацэнку валадара.

На старонках твора сустракаем іменны персанажаў, народжаных уяўленнем аўтаркі. Гэтыя найменні адпавядаюць мадэлям называння, што бытавалі ў славянскіх княствах у тыя часы. Прадстаўнікі княскіх родаў насілі іменны-кампазіты, якія, згодна з традыцыяй імяслаўя, накрэслівалі слаўны жыццевы шлях магутных непераможных валадароў. Так, імя Дабраслаў, утворанае на базе словазлучэння ‘добрая слава’, прадвызначыла лес высакароднага княжыча, які ахвяруе ўласным жыццём дзеля любай дзяўчыны. Празванне Барыслаў адпавядае сутнасці хітрага барацьбіта за славу і ўладу, гатовага для памнажэння багацця на здраду і нават братазайства.

У адпаведнасці з традыцыяй таго часу князі, героі рамана, надзелены, апроч іменаў, празваннямі-мянушкамі, напр: “Малады Рагвалод у запале гневу ўпершыню назваў Барыслава “Запалоцкім кукушонам”. Мянуска ў асяроддзі месцічаў адразу ж прыжылася: запалоцкае падвор’е было абкружана вялікімі, перапоўненымі зязюліным кукаваннем дубровамі” [5, с. 44]. Празванне гэтае замацавалася за князем і таму, што ен меў шматлікіх пазашлюбных дзяцей, ад якіх пазбаўляўся рознымі шляхамі.

Язычніцкія іменны-характарыстыкі маюць прадстаўнікі розных слаёў грамадства: магутныя, моцныя, як дубы, ваяво-

ды названы Вялішынам і Вышатам, манастырскі вартаўнік мае імя Агмень.

Імены-пажаданні праграмавалі лес нашых продкаў. Так, невыпадкова вяшчун Вікула дае прыемнаму сыну імя Валодша. Малады вяшчун – нашчадак валадара, пазашлюбны сын князя Барыслава. Валодша становіцца сапраўдным валадаром душаў язычнікаў. Не падпарадкоўваючыся царкве, ён адстойвае старую веру ў язычніцкіх багоў, ад улады якіх так цяжка вызваліцца палачанам. Паказальным у гэтым сэнсе з’яўляецца дыялог Валодшы з ігуменняй Еўфрасінняй: “Чаму ж тады ў сілу майго Айца не верыш, Які дзень і ноч стварыў?! Адзін Гасподзь у нас”. – “Пярун у нас адзін! Ды і цяпер многія з тваіх да вогнішча Перуновага прыходзяць. Удзень да цябе ў царкву, ночаю – да мяне ў лес” [5, с.132]. Вяшчун таксама авалодвае сэрцамі жанчын (у тым ліку і дачкі менскага князя Вольгі), якія мелі няшчасце пакахаць яго. Валодша адчувае сябе валадаром самой Прыроды: “Я песні спяваю, я з птушкамі, са зверам гаманю. Носіцеся, а дагнаць – не дагоніце. Я ж – як вецер у полі. Як дождж у лесе. Хачу – і променем стану. Я – як ноч, як дзень” [5, с. 132].

Некаторыя прадстаўнікі вышэйшых саслоўяў маюць хрысціянскія імены грэчаскага, лацінскага, старажытнаўрэйскага паходжання: ваявода Дзяменцій (лац. ‘тугадум’) [1, с. 24], баярын Міхал (яўр. ‘той, хто як Бог’) [1, с. 35]. Людзі духоўнага звання таксама носяць хрысціянскія імены: чарнарызіцы Яўлампія (грэц. ‘з добрым святлом’) [1, с. 73], Куліна (грэц. ‘арліная’) [1, с. 62], Еўпраксія (грэц. ‘дабрачыннасць’) [1, с. 59], Антонія (грэц. ‘набыцце ўзамен’) [1, с. 15], Еўдакія (грэц. ‘славутая’) [1, с. 59], дзязь Піліп (грэц. ‘той, хто любіць коней’) [1, с. 38], пісец Даніла (яўр. ‘Божы суддзя’) [1, с. 25], святар у цямніцы айцец Яўлампій (грэц. ‘з добрым святлом’) [1, с. 73], інак лаўры Пячэрскай Лаўрэнцій (лац. ‘лаўровы’) [1, с. 31], лекары Раман (лац. ‘рымлянін’ або грэц. ‘моцны’) [1, с. 40], Агапій (грэц. ‘каханы’) [1, с. 12].

Адаптуючыся да славянскіх моў, хрысціянскія імены сталі ўтвараць размоўна-бытавыя і ацэначныя формы. Так, памяншальныя формы (дэмініватывы) сталі выкарыстоўвацца для наймення дзяцей, што знайшло адлюстраванне ў рамане: “У школу Данілы хадзіў светлавокі Міхалка, сын баярына з

In Nōtinum Spatio (В пространстве имен)

Бельчыцаў” [5, с. 21]; “Каля маці Сафії, якая ўжо ледзь стаяла на нагах, за спадніцу трымаўся Давыдзік” [5, с. 124]. Есць на старонках твора і даўня граматычная форма клічнага склону імені, якая з’яўляецца адным са сродкаў моўнай характарыстыкі персанажаў: “Ты не заставайся тут, Міхале, запалоцкія вяртаюцца” [5, с. 61].

Сталеючы, мяняючы свой статус і пераканні, персанажы мяняюць і формы іменаў. Так, вучань школы пісца Данілы, баярскі сын Міхалка, ператвараючыся ў мужа ваяра, становіцца Міхалам, а калі герой, перанесшы цяжкія жыццёвыя выпрабаванні, прыходзіць да веры, прымае сан, становіцца ігуменам, папличнікам Еўфрасінні, то ў адносінах да яго, людзі выкарыстоўваюць форму звароту айцец Міхал.

Пісьменніца адлюстроўвае даўнія ўяўленні пра стваральную сутнасць называння, што знаходзіць выражэнне ў звычайна набываць новае імя, ва ўпэўненасці ў пераўтварэнні чалавека, які прымае новае празванне. Так, князеўна Звеніслава (імя-пажаданне праграмавала звонкую (гучную) славу дачкі князя Барыса) прымуова прымае каталіцкую веру, ратуючыся ад хваробы ў замку Эльблонгу. Дзяўчына пачынае называць імя Тэрэса (грэцк. ‘паляваць, лавіць’) [1, с. 69]. Новае імя нібыта накладвае на князеўну новую жыццёвую місію: “паляваць” за біярмійскім скарбам, схаваным на Полаччыне, і перадаць скарб гэты ў Гольмгард: “Цяпер ты па-сапраўднаму Тэрэса, а не Звеніслава. Вялікая місія ўскладзена на цябе, Тэрэса. Будзь заўсёды лепшай, разумнейшай, хітřejшай, багацейшай за іншых! Не прыходзь да Госпада ў зрэб’і. Недзе на Полаччыне золата гольмгардскае. І каралі багатыя. Знойдзеш – пасланцам маім перадасі. Храм новы ў Гольмгардзе збудуем. Хіба не высакародна?!” [5, с. 31].

Ярка прадстаўлена ў кантэксце твора хрысціянская канцэпцыя імені, якая пачынае ўкараняцца на славянскіх землях. У адпаведнасці з хрысціянскай формулай “па імені і жыцце”, “мы носім іменны святых, якія пражылі свае жыцце і ажыццявілі на зямлі свае прызначэнне, мы ім прысвечаны, як храмы прысвячаюцца таму ці іншаму святому. Гэтыя святыя не толькі з’яўляюцца нашымі малітоўнікамі, заступнікамі і абаронцамі, але і ў пэўнай меры і вобразам таго, кім мы маглі б быць. Паўтарыць нічыё жыцце нельга, але навучыц-

II Международные ономастические чтения им. Е.С. Отина

ца ад жыцця таго ці іншага чалавека, святога жыць больш годна сябе і больш годна Бога – можна” [7, с. 177]. Так, князеўна Прадслава падчас пастрыжэння ў манахіні прымае імя святой Еўфрасінні Александрыйскай. У V стагоддзі святая Еўфрасіння (імя паходзіць ад грэчаскага слова ‘радасць’) [1, с. 52], дзяўчына з багатай сям’і, адмаўляецца ад шлюбу і прымае пострыг, прысвячаючы сябе Богу і служэнню людзям. Жыццевы шлях, накрэслены Еўфрасінняй Александрыйскай, праходзіць і полацкая святая. Дачка магутнага князя “адсекла ад сябе грахі зямныя мячом, але не з жалеза, а – з духу”, жыццёвым подзвігам сцвярджаючы евангельскія ідэалы “не забі”, “не праціўся злу” і адвечную ісціну: “толькі любоў можа процістаяць злу, бо ласкай Боскаю напоўнена зямля, любоўю Ягонаю. Як і кожны з нас” [5, с. 18].

Святы, чье імя носіць вернік, з’яўляецца анелам-ахоўнікам чалавека. Калі ж чалавек трапляе пад уладу д’ябла, анел адступае ад яго і чалавек страчвае імя. Так, прыгажуня Веранія (грэц. ‘якая прыносіць перамогу’) [1, с. 57], трапіўшы да Барыслава, спакусніка жанчын, які штурхае яе да грахоў, страчвае імя, адракаючыся ад мінулага жыцця: “Завуць як?” – “Забылася. Раней – Веранія. А цяпер забылася. І ты мяне забудзь” [5, с. 54]. Паказальным з’яўляецца наступны эпізод рамана. Калі Еўфрасіння, падарожнічаючы па Галілеі, сустракаецца з жанчынай, апантанай злым духам, чытае над хворай малітвы, душа жанчыны вызваляецца ад нячыстага духа і яна ўспамінае свае імя: “Але чым болей Еўфрасіння малілася, тым цяжэй становілася дыхаць. Еўфрасіння ўжо амаль задыхалася ад спекі, апантаная нечакана прахрыпела ў забыцці: “Ал... ма!” Гэта было дабра – тое, што хворая імкнулася вымавіць свае імя. Значыць, душа вызвалялася” [5, с. 214]

Як бачым, праз іменны персанажаў Валянціна Коўтун умела перадае дуалізм вераванняў той пары, калі хрысціянства ўзаемадзейнічала на нашых землях з язычніцтвам. Асаблівая ўвага звернута ў рамана-жыцці на хрысціянскую традыцыю бачыць у імені формулу асобы, накрэсленую праведным жыццём святога. З пункту гледжання паэтычнай анамастыкі, большасць іменаў персанажаў рамана з’яўляюцца схаванымі паэтонімамі, іншамой асновы якіх утрымліваюць характарыстыку істотных рыс мастацкага вобраза.

In Nōminum Spatio (В пространстве имен)

Пецярбургскі і віленскі перыяды жыцця і творчасці славутай беларускай паэткі Алаізы Пашкевіч (Цеткі) – пачатак XX стагоддзя – узнаўляюцца ў рамане В. Коўтун. “Крыж міласэрнасці”. Письменніца паказала мноства чалавечых лесаў, стварыла яркія вобразы розных людзей: сялян, шляхты, святароў, письменнікаў, навукоўцаў, вайскоўцаў. Аналіз уласных асабовых іменаў, выдзеленых з адзначанага твора берасцейскай аўтаркі, паказаў, што письменніца рэалістычна падышла да падбору найменняў сваіх герояў.

Сродак адлюстравання гістарычнага каларыту ў рамане В. Коўтун – іменны дзеячаў айчыннай гісторыі Персанажамі твора з’яўляюцца письменнікі і публіцысты пачатку XX стагоддзя (Алаіза Пашкевіч, Эліза Ажэшка, Вацлаў Іваноўскі, Янук і Антось Луцкевічы, Карусь Каганец), дзеячы навукі, адукацыі, юрыспрудэнцыі (прафесары Лесгафт і Юхневіч, адвакат Коні). Рэальныя дзеячы айчыннай мінуўшчыны – гэта гістарычны “кантэкст” мастацкага палатна, жывое асяроддзе, найбольш выразны і праўдзівы фон дзеяння.

Як вядома, уласныя асабовыя іменны з’яўляюцца адным з найважнейшых сродкаў стварэння нацыянальнага, рэгіянальнага, гістарычнага каларыту. У разгледжаным рамане знаходзім многа надзвычай прыгожых беларускіх імен, многія з якіх цяпер архаізаваліся, выйшлі з актыўнага ўжытку, напр.: Мартын, Есіп, Рамуальд, Вацак, Магдалена, Сымон, Юз’ік, Вітольд і інш.

Героямі гістарычнай прозы з’яўляюцца не толькі беларусы, але і прадстаўнікі іншых нацыянальнасцяў. Сведчаннем іх нацыянальнай прыналежнасці з’яўляюцца іменны: французскае (Наталі), яўрэйскія (Масей, Шлема, Шмуїла, Юдаль, Рыўка, Есель), польскія (Вітак, Олек, Магдалена), італьянскае (Наталь), літоўскія (Сцяпонас, Енас).

Письменніца апісвае жыццё беларускіх сялян на Віленшчыне. Таму натуральна і арганічна ўплятаюцца ў моўную тканіну твораў формы іменаў, якія адлюстроўваюць рысы народна-дыялектнай мовы: замену гука [ф] гукамі [п], [т], [х]: Панас, Піліп, Тодар, Трахім, Пракоп, Халімон, Тымух, наяўнасць прыстаўнога [г] (Галена). Многа ў творы формаў клічнага склону антрапонімаў. Гэтыя формы шырока

выкарыстоўваюцца ў гаворках, напр.: “Дзякуй, Сымоне, дзякуй, што адведаў ты мяне хоць перад смерцю” [4, с. 16]. Падобныя формы паэтонімаў – адзін са сродкаў стварэння мясцовага каларыту.

Перадаючы тонкія адценні чалавечых узаемаадносінаў, пісьменніца ўмела выкарыстоўвае прагматычны патэнцыял уласных асабовых іменаў. А.В. Супяранская адзначае: “У залежнасці ад сацыяльнага асяроддзя адзін і той жа чалавек завецца мноствам спосабаў, і кожная форма яго называння сацыяльная. Памяншальныя, ласкальныя, зневажальныя і іншыя відазмяненні ўласнага імя трэба разумець як розныя прытасаванні яго да адценняў чалавечых адносінаў, як акліматызацыю імені ў розных асяроддзях” [9, с. 18]. Напрыклад, разнастайным граням асобы славутай паэткі Алаізы Пашкевіч – клапатлівая дачка і сястра, сяброўка, паплечніца, таварыш па барацьбе, паэтка, настаўніца, падазроная ў падрыўной дзейнасці – адпавядаюць афіцыйныя, поўныя, скарочаныя, эмацыйна-экспрэсіўныя формы імені: Алаіза, Ліза, Лізанька, паненка Алейзія, Алаізія, фрэкен Алаіза, мадэмуазэль Алаіза, Алаізія Сцяпанаўна Пашкевіч, Алаіза Пашкевічанка і інш.

Мадыфікацыі онімаў перадаюць тонкія нюансы чалавечых узаемаадносін. У гістарычнай прозе берасцейскай аўтаркі знаходзім багаты россып марфалагічных, лексічных і фанетычных варыянтаў імен, напр.: Жэня – Жэнечка, Караліна – Каралінка, Анеля – Анелька, Кацярына – Кэтрын, Віктар – Віктор, Дамінік – Дамчык, Вітольд – Вітак – Вітусь, Гаўрыла – Гаўра, Марыя – Маня – Марысь, Антось – Антосік і інш. Гэтыя варыянты імен – спосаб адлюстравання статусу асобы ў соцыуме і выражэння шырокага спектра пачуццяў у адносінах да носьбіта імені.

Айцец Павел Фларэнскі пісаў: “Імены гнуткія і ёмістыя, здольныя змясціць самыя розныя прыватныя абставіны, у якіх жыве асоба” [10, с. 190]. Дыяпазон пачуццяў, што выражаюцца з дапамогай такіх формаў, вельмі шырокі. Гэта пяшчота, сяброўская фамільярнасць, насмешка, іронія, спачуванне. У маўленні персанажаў гістарычнай прозы берасцейскай аўтаркі шырока ўжываюцца формы суб’ектыўнай ацэнкі антрапонімаў. Утвараюцца гэтыя формы з дапамогай суфіксаў

In Nōtinum Spatio (В пространстве имен)

-к-, -аньк-, -усь-, -цусь-, -ачк-, -ук-, -юк-, -чук-, -ік- і інш. Успрыманне экспрэсіўнай афарбоўкі формы імені залежыць ад узросту, паводзінаў носьбіта імені, аўтарскіх адносінаў да героя. Напрыклад, розныя эмацыйна-экспрэсіўныя адценні выражаюць памяншальна-ласкавыя формы онімаў. У творы Валянціны Коўтун адлюстравана народная традыцыя называць дзяцей і падлеткаў формамі, якія выражаюць ласку і пяшчоту, напр.: “Алаіза так недаравальна даўно не наведвалася дадому, не бачыла бацькоў, сястрычак Зосю і Каралінку” [4, с. 151]. Розныя эмацыйна-ацэнныя адценні маюць памяншальна-даскавыя формы іменаў, ужытыя ў адносінах да дарослых людзей. Найболей насычаны пачуццямі любові і захаплення іменны каханых: “Марылечка, сонейка, памажы мне” [4, с. 234].

Удзячнасць і сімпатыю да гераіні рамана “Крыж міласэрнасці”, санітаркі, якая заўсёды была апорай для дактароў і падтрымкай для хворых, выражае форма яе імені Жэнечка: “Жэнечцы было пад пяцьдзясят, але выглядала яна маладзейшаю – была маленькая з бледным гладкім тварам, верткая і шустрая, як сінічка” [4, с. 148].

Адна з гераінь рамана, жонка знакамітага адваката Анатоля Федаравіча Коні, носіць імя Аннушка: “Аннушка – невысокая жанчына, як кажуць, без узросту з сівымі хвалістымі валасамі і шэрымі, шырока расплюшчанымі і надзвычай добрымі і разумнымі вачамі” [4, с. 118]. Такая форма імені перадае як пяшчоту, сімпатыю, так і памяркоўна-пабляжлівыя адносіны герояў твора да спагадлівай і ў той жа час па-дзіцячы наўнай жанчыны, якая сур’езна захапляецца вучэннем мадам Блавацкай і яе паплечніцы мадам Жаліхоўскай.

У гістарычнай прозе берасцейскай пісьменніцы шырока прадстаўлены онімы-вобразы, выкарыстанне якіх заснавана на метафарычным пераасэнсаванні ўласных асабовых іменаў. У аснове анамастычнай метафары (антанамазіі) – імкненне аўтара да супастаўлення з мэтай больш яркай і лаканічнай характарыстыкі героя. Найбольш трапна творца можа выразіць думку, параўнаўшы чалавека з вядомай гістарычнай асобай або літаратурным персанажам, якія сталі ўвасабленнем пэўных чалавечых якасцей. І.А. Ганчароў ў

II Международные ономастические чтения им. Е.С. Отина

сувязі з гэтым пісаў: “Каму якая справа была б, напрыклад, да звар’яцелых Ліра і Дон-Кіхота, калі б гэта былі партрэты дзівакоў, а не тыпы, г.зн. люстэркі, якія адлюстроўваюць у сабе бясконцы падабенствы – у старым, новым і будучым чалавечым грамадстве” [2, с. 108]. У аснове характарыстыкі героя рамана “Крыж міласэрнасці” Рамана Малецкага (ён забіў стрыечнага брата, каб завалодаць грашыма рэвалюцыянераў) імя біблейскага героя: “Ён – Каін, які на следстве ўжо прызнаў сябе вінаватым у забойстве Тамашэўскага менавіта з-за грошай” [4, с. 341]. Маладога жаніха графіні Гальштамт, які далучыўся да рэвалюцыйнай дзейнасці, акрэслівае характарыстыка-параўнанне з дзеячам Вялікай французскай рэвалюцыі: “Цяпер для моладзі галоўнае – сацыялістычныя ідэі ў разнастайных формах, што адмаўляюць і расхітваюць асновы ўласнасці па прынцыпах рымскага права. Ён – Рабесп’ер, які аддаў нізашто самы каштоўны дар Божы – свае жыцце” [4, с. 316]. Іменны-вобразы не проста раскрываюць грані характару героя, паказанага праз прызму параўнання з вядомай персонай, але і выражаюць эмацыйныя адносіны да прадмета характарыстыкі, ацэньваюць яго.

Як бачым, аналізуючы чалавечыя ўзаемаадносіны ў даўнейшым і сучасным грамадстве, Валянціна Коўтун уме-ла выкарыстоўвае прагматычны патэнцыял уласных асабовых іменаў. Яны з’яўляюцца важным сродкам намінацыі, характарыстыкі і ацэнкі літаратурных персанажаў і іх стасункаў.

ЛІТАРАТУРА

1. Барыс С. Як у нас клічуць? : Беларускія іменны / С. Барыс. – Мінск : Медысонт, 2010. – 124 с.
2. Гончаров И.А. Собрание сочинений : в 8 т. / И.А. Гончаров. – М. : Госполитиздат, 1950 – 1955. – Т. 8 : Статьи, заметки, рецензии, автобиографии, избранные письма. – 1955. – 576 с.
3. Гурская Ю.А. Имя собственное: этимология, национально-культурный потенциал, концептуализация : автореф. дис. ... докт. филолог. наук : 10. 02. 19 / Ю.А. Гурская ; Бел. гос. ун-т. – Минск, 2009. – 44 с.
4. Коўтун В. Крыж міласэрнасці / В. Коўтун. – Мінск : Маст. літ., 1996. – 493 с.

5. Коўтун В. Пакліканья / В. Коўтун. – Мінск : Маст. літ., 2007. – 247 с.
6. Локун В. Пакліканья і абранья / В. Локун // Польша. – 2008. – №2. – С. 185–191.
7. Митрополит Сурожский Антоний. Школа молитвы / Митрополит Сурожский Антоний. – Клин : Христианская жизнь, 2006. – 493 с.
8. Суперанская А.В. Ваше имя? Рассказы об именах разных народов / А.В. Суперанская. – М. : Армада-пресс, 2001. – 256 с.
9. Суперанская А.В. Языковые и неязыковые ассоциации собственных имен / А.В. Суперанская // Антропонимика : сб. ст. / Под ред. В.А. Никонова и А.В. Суперанской. – М. : Наука, 1970. – С. 7–17.
10. Флоренский, П. Имена / П. Флоренский. – М. : Купина, 1994. – 216 с.

Т.Е. Трощинская-Степушина (Витебск)

БЕЗЫМЯННОСТЬ КАК СПОСОБ НОМИНАЦИИ ПЕРСОНАЖА В СОВРЕМЕННОЙ БЕЛОРУССКОЙ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПРОЗЕ

Статья посвящена рассмотрению категории безымянности как способа именованя персонажа художественного текста. Материалом исследования послужили произведения современных белорусских авторов, пишущих на русском языке: А. Андреева, В. Казакевича, А. Геращенко, Е. Поповой, Э. Скобелева. Категория безымянности трактуется в широком смысле представляет собой все метаморфозы именованя на шкале номинации от собственно имени до отсутствия такового. Доказывается, что в произведениях разных авторов безымянность маркирует различные аспекты образа: физическое несуществование, метафизическое существование («инобытие»), отсутствие индивидуальности и др. Доказывается, что безымянность, являясь сложным, семантически неоднородным лингвистическим явлением, не только служит своеобразным способом именованя персонажа, но и средством создания оригинальных художественных образов в современной белорусской русскоязычной прозе.

Ключевые слова: *безымянность, номинация, персонаж, художественная проза.*

Стремительный процесс исчезновения имен в литературе, по мнению Бруно Хиллебранда, автора известного труда по теории романа, положил Кафка, зашифровав своего героя как К. «Имена в романе больше не имеют того значения, каким они обладали в литературе двух предыдущих веков. (...) Это связано с общим симптомом деструкции субъекта», – писал Б. Хиллебранд [Цит. по: 3, с. 151].

In Nōminum Spatio (В пространстве имен)

Понятие безымянности связано с понятием имени и включает в себя следующие метаморфозы имени: незнание имени; сокрытие имени (анонимность); неимение имени [3, с. 100]. Как видно, изучение категории безымянности невозможно без обращения к категории имени, в связи с чем ученые отмечают у безымянности наличие тех же функций, что и у имени.

Вслед за Н.В. Васильевой, все случаи отсутствия «нормального» (наличия «странного», по Д. Лампину) имени у персонажа мы будем трактовать как явление безымянности. Представляется интересным выяснить, какую роль играет категория безымянности как способ именованности персонажа в исследуемой художественной прозе и как приемы, связанные с отсутствием традиционного имени в тексте, участвуют в создании образов.

Цель данной статьи – показать специфику реализации категории безымянности на материале современной белорусской русскоязычной прозы.

В произведениях белорусских авторов, пишущих на русском языке, нами были выявлены интересные случаи безымянности. Наиболее рельефно категория безымянности проявляется в прозе А. Андреева, играя важную роль в языковой репрезентации художественных образов. Одной из специфических черт произведений автора является то, что вместо обычного, «нормального» имени появляется псевдоним, являющийся пародией на своего носителя. К этой категории можно отнести прозвище, которое герой повести «Пустота» Лев Романов дал своей начальнице Ларисе Георгиевне Державной, заведующей кафедрой филологических наук университета: Лично я звал ее не иначе как Будда – и вовсе не за поразительное внешнее сходство, и отнюдь не за то, что была она из местечкового Буда-Кошелево, а за страсть поучать и повелевать [2, с. 12]. Однако, думается, герой здесь несколько лукавит: представляется, что данное прозвище мотивировано не одной причиной, а их совокупностью: слишком «говорящим» является имя и его последующая подробная расшифровка. К деятельности повествователя как ономототета (букв. «дающий имена») можно отнести и

прием интродукции этой героини: появившись уже в первом предложении повести, кличка сменяется «нормальной» трехчленной формулой именования, чтобы после этого исчезнуть, снова уступив место прозвищу. Как остроумно замечает герой другого романа А. Андреева «Всего лишь зеркало», Псевдоним потянул за собой псевдожизнь [1, с. 272]: Будда – одинокая пожилая женщина, несчастливая в семейной жизни – все разочарование выплескивает на обитателей своего «королевства» – подчиненных: Даже когда она молчала, подданные трепетали [2, с. 12]. Номинация отсылает ко времени абсолютной монархии и напоминает знаменитую фразу французского короля Людовика XIV: «Государство – это я».

Безымянность является глубинным художественным мотивом романа А. Андреева «Всего лишь зеркало» и проявляется в разных ипостасях. Само название романа рождает имплицитные смыслы, одним из которых является тема двойничества, воплощаясь (в том числе) и в мотиве безымянности.

Сокрытие имени являет собой прием текстовой интродукции главного героя-нарратора в диалоге:

– *Меня зовут...*

Тут я назвал свою фамилию, имя и адрес, по которому я получил телеграмму [1, с. 181]. Данный ономастический эпизод антиципирует (предвосхищает) развитие линии героя: скрывая свое имя, он провоцирует появление собственного двойника (тема двойничества красной нитью проходит через все творчество А. Андреева). На протяжении всего романа герой предпочитает скрывать свое имя – он «широко известен в узких кругах» – под классической формулой господин N. Нами было выявлено шесть таких номинаций в разных контекстах. Например, Алик в своих письмах (которые он писал, перед тем как покончить с собой) обращается к герою, используя идентификаторы-адъективы: «дорогой господин N» и «добрейший N». Сам же герой, ставя ловушки другим персонажам и читателю, постоянно меняя лики, продолжает прятаться под маской анонимности. Например, говоря о себе, использует форму 1-ого лица: «...я, господин N...», общаясь

со своей девушкой Олей, – форму 3-ого лица с неопределенным местоимением в препозиции, «стилизуя свои откровения под рутинный треп телевизионного диктора»: Некто господин N пообещал своей возлюбленной..., что съест свою шляпу, если их отношения окажутся серьезными и глубокими... [1, с. 248]. В ответ на эти откровения Оля спросила его: – *А зачем я тебе нужна, господин N? (тут она назвала меня по имени и очень ласково; это меня удивило, потому что мне казалось, что мое имя не может быть подвержено сентиментальным трансформациям)?* Последняя номинация героя в романе представляет собой развернутую, осложненную его собственными рефлексивными комментариями конструкцию, в которых вроде бы приподнимается перед читателем завеса тайны: кажется, еще немного – и герой снимет маску безымянности. Однако эта иллюзия быстро развеивается: его имя так и остается неизвестным.

Если свое имя главный герой намеренно скрывает, то для своего умершего друга-двойника придумывает семантически прозрачное именование *Zero* (фр. «zero» – «ноль»). Трагизм неимения имени восходит к культурам, где лишение имени было равносильно лишению жизни. В данном случае происходит ономастическая манипуляция, результатом которой является метаморфоза имени. Таким образом, именование *Zero* является онимическим фантомом (термин Н.В. Васильевой), материализующимся в сознании господина N: мой несуществующий, но несомненно реальный друг *Zero* [1, с. 275]. Кроме этого, обозначая отсутствие Алика среди живых, данное именование характеризует не только его «носителя», но и того, кто иронически наполняет его содержанием, – господина N, который способен рассматривать смерть (издревле окруженное предрассудками явление) как закономерный исход жизни, отнюдь не эквивалентный забвению: «Память друзей – вот лучший памятник» [1, с. 189].

Таким образом, пряча героев за дескрипциями-цитациями, А. Андреев с успехом применяет различные текстовые стратегии, связанные с переходами имя ↔ безымянность, которые являются не только своеобразным способом именованья, но и характеристики художественных

образов. Наиболее распространенной формой существования безымянности в идиостиле А. Андреева является сокрытие имени.

В прозе Е. Поповой также выявлены случаи безымянности: 1) Шрибинда (летающий йог-фантом); 2) Вася У. (художник); 3) Г-н Ф-о (роман «Восхождение Зенты»); 4) Малышка. Рассмотрим последний пример. Главная героиня романа «Большое путешествие Малышки» не имеет имени и именуется просто Малышкой. Данный оним, мотивированный апеллятивом «малышка» (ласковое обращение к девочке), дан героине не только с целью подчеркнуть ее детские черты (открытость, наивность), но и для того, чтобы подчеркнуть невыраженность собственного Я.

В прозе А. Геращенко особо выделяются мистический и научно-фантастический пласты, где нами было выявлено наибольшее количество случаев безымянности, относящихся к нереальным объектам: 1. Змеиный царь из одноименного мистического рассказа, вошедшего в сборник «Пропойские истории» по мотивам старинных белорусских легенд; 2. Лайр – имя министра обороны вымышленной планеты Войс из научно-фантастического рассказа «Голубая кнопка» и др.

Отдельно необходимо остановиться на антропонимиконе фантастической повести автора «Паутина Циолковского, или Первая одиссея «Мира»», в которой отражена модель собственной Вселенной писателя. В космическом пространстве разворачиваются драматические события, сопровождающие полет космического корабля в неизведанную Галактику под названием Паутина Циолковского. Вымышленный мир представлен системой номинаций, мотивированных иной реальностью. Даша-2, Шестун-2 – именованья героев-двойников командира корабля Андрея Шестуна и специалиста по измерениям Даши Рыбачук. Раздвоение позволило героям, которых связывает серьезное чувство, спастись во время схватки с роботами. Данный фантастический прием, органично вписавшись в художественную ткань произведения, утверждает силу любви, которой покоряется даже Космос.

Кроме этого, в повести А. Геращенко «Паутина Циолковского» мы обнаружили «безымянные» именованья в фор-

ме номенклатуры: **М1, М2, М3**, именующие новейшее поколение электронных роботов. Интересным представляется объяснение мотивации своих именованых роботами: «Для нас нет никакой разницы в том, как мы называемся – М2А, как я, или, например, Петр или Джон. Первое даже лучше, потому что в моем процессоре заложены серия, номер, а теперь и очередность моей личной модификации. А шифровать все это в режиме «Петр» или «Джон» гораздо сложнее. Да и ни к чему. Это вы, люди, вкладываете во все эмоциональную окраску. У нас ничего этого нет [4]. Даже если допустить, что в будущем подобные машины будут существовать, такие рассуждения робота не представляются нам достоверными в силу их «человечности», однако суть основного различия между роботом и человеком понятна: во все, чего бы ни касался человек – в данном случае именованая, – он бессознательно вкладывает собственное отношение.

В фантастической прозе Э. Скобелева (рассказ «Два дня свободы») нами были выявлены случаи безымянности, характеризующие людей будущего как лишенных индивидуальности субъектов: ПК-183907, БЖ-807333 («мужчины») и ИЖ-200201 («женщина»). Действие рассказа разворачивается в далеком будущем во Всемирном Государстве, где люди, из поколения в поколение теряющие историческую память, превращаются в винтики, функционирующие по установленным правилам [6, с. 245].

Таким образом, в фантастических произведениях А. Геращенко, Э. Скобелева, Е. Поповой выявляется еще одна ипостась безымянности как неимения имени – отсутствие индивидуальности.

Необходимо отметить, что рассмотренные случаи именованая ирреальных персонажей (персонифицированных образов) некоторые исследователи рассматривают более узко и относят к фиктонимам (от лат. «fictio» – нечто несуществующее, видимость) – разновидности окказиональных литературных антропонимов, созданных без учета специфики национальной ономастики [7, с. 67]. По нашему мнению, обе трактовки не противоречат друг другу: категория безымянности в широком смысле представляет

собой все метаморфозы именованья на шкале номинации от собственно имени до отсутствия такового.

В прозе В. Казакевича, характеризующейся «всеобщим одушевлением», мы обнаружили интересный эпизод, где категория безымянности выступает в роли способа именованья любимого домашнего питомца – кошки: Никакого имени мы кошке не дали. Все называли ее просто – кошка. *Было в этом что-то бессознательно-правильное.* Кошка, которую называют просто кошкой, существует как бы в единственном экземпляре, не имея себе подобных. *Возможно, в ее безымянности скрывался и намек на ее особое положение в доме: разделяя с нами общую жилплощадь, она принадлежала совсем другому, ускользающе недоступному миру [5, с. 42]. «В мерном кошкином урчанье» маленькому герою «слышался полусонный рассказ о беззвучных странствиях по теплой солнечной земле, о схватках с громадными оглушительными собаками, о встречах с несъедобными колючими ежами, об охоте на прыгучих вкусных воробьев, о свободе, о принадлежности никому и ничему в нескончаемом мире» [там же, с. 44].* Интересно отметить, что у В. Казакевича, как и в прозе А. Андреева, безымянность как смысловая и художественная категория оказывается тесно связанной с иным, свободным (в т.ч. в силу неподвластности сознанию и воле человека) миром. Таким образом, безымянность способна стать маркером инобытия (термин Гегеля) – другого, метафизического существования персонажа.

По мнению ученых, безымянности в художественном тексте присущи те же функции, что и имени. В частности, Д. Лампинг выделяет иллюзионизирующую функцию имени, состоящую в способности ИС создавать и поддерживать иллюзию реальности вымышленного мира. Представляется, что категория безымянности семантически идет дальше: в нереальном, но тщательно имитирующем реальный мир текстовом пространстве она способна конструировать еще один мир, являющийся ирреальным по отношению к нему. Вновь созданный мир, существующий параллельно с исходным художественным, является «нереальным в нереальном». Эти миры, отражаясь друг в друге, преломляются, искривляются –

In Nōminum Spatio (В пространстве имен)

возникает эффект зазеркалья. Таким образом, представляется возможным выделить еще одну функцию безымянности в художественном тексте – метаиллюзионизирующую.

К феномену безымянности мы относим и номинации-идентификаторы персонажей, образованные путем онимизации апеллятивов, выявленные в идиостиле Е. Поповой. Среди данных номинаций мы выделили следующие семантические группы: 1) внешний признак человека: Коренастый, Длинный, Седой; 2) род занятий, профессия: Поэт, Главный режиссер, Прима, Бухгалтер, Вахтер, Новый Вахтер; 3) социальное положение, должность: г-н Шульц, Директор; крупный чиновник Ф-о; 4) родственные отношения (именование построено по модели «апеллятив (сущ. в им.п.) + антропоним / онимизированный апеллятив (сущ. в род.п.)»): жена Угорацкого, *жена Бухгалтера*, *муж Нины Лапсердак*, *жена Яши Гинзбурга* и др. Подобные номинации подчеркивают безликость персонажа, суть которого заключается в единственном характеризующем признаке, мотивировавшем его именование (например, главные режиссеры умны, амбициозны, деспотичны, примы – талантливы, ветрены, избалованны, эгоцентричны и т.д.).

Языковая репрезентация безымянности тесно связана с ее полифункциональностью. Чаще всего она репрезентируется в развернутых контекстах и выражается существительными с местоименными и / или адъективными идентификаторами (мой дорогой друг), классическими именованями-шифрами (господин N), прозвищами (Будда, Zero). Особую роль играют стилистические средства: эпитеты (добрейший, вполне добропорядочный), перифразы, деминутивные формы, а также художественные приемы литературной реминисценции (работник Балда).

Таким образом, безымянность – художественный прием имяупотребления, сложное, семантически неоднородное лингвистическое явление, которое служит своеобразным приемом именованья персонажей и создания художественных образов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев А. Легкий мужской роман : романы / А. Андреев. – Минск : Макбел, 2006. – 296 с.

II Международные ономастические чтения им. Е.С. Отина

2. Андреев А. Пустота : повесть / А. Андреев // Новая Немига литературная. – 2012. – № 2. – С. 11–45.
3. Васильева Н.В. Собственное имя в мире текста : моногр. / Н.В. Васильева. – М. : Акад. гуманитар. исслед., 2005. – 224 с.
4. Геращенко А. Паутина Циолковского, или Первая одиссея Мира : повесть / А. Геращенко [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим **доступа** : <http://www.proza.ru/2009/11/11/1049>. – Дата доступа : 19.05.2012.
5. Казакевич В. Охота на майских жуков : повесть / В. Казакевич. – М. : Изд-во Н. Филимонова, 2009. – 188 с.
6. Скобелев Э. Рассказы разных лет / Э. Скобелев. – Минск : Маст. літ., 2004. – 342 с.
7. Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / редкол. : А.П. Сковородников (отв. ред.) [и др.]. – М. : Флинта, 2005. – 480 с.

Н.В. Усова (Донецк)

ПОЭТ И ИМЯ

Ведь я – сочинитель,
Человек, называющий все по имени,
Отнимающий аромат у живого цветка.

Александр Блок

[1, с. 149]

Рассматриваются авторские рефлексии русских поэтов А. Блока, М. Цветаевой, О. Мандельштама на тему имени. Определяется мнение поэтов относительно места и роли имени собственного для поэзии.

Ключевые слова: имя, поэт, стихотворение, знак, символ.

Вопрос о месте и значении имени в индивидуально-личностном авторском сознании непосредственно связан с вопросом о значении и смысле поэтического слова, по мнению Ю. Н. Тынянова, самым значащим вопросом в области изучения поэтического стиля [6, с. 22]. Эта тема дискутировалась с момента возникновения лингвистической поэтики. Но нашей задачей является рассмотрение отношений между именем и поэтом в несколько ином ракурсе. В представленных здесь наблюдениях и размышлении об этих 'культовых' участниках процесса словесного творчества источником и материалом служат авторские рефлексии об имени, которые обнаруживаются при внимательном прочтении поэзии. В них можно заметить основные линии взаимодействия.

(1) Поэт – имя. Поэт выступает в роли субъекта, оперирующего именем как словесным материалом, по своему усмотрению определяя меру значимости того или иного имени в целом произведении. Он выбирает (или создает) имя, вводит его в поэтический контекст, встраивает в систему образов,

II Международные ономастические чтения им. Е.С. Отина

выстраивает сложную систему фонетических, семантических и синтаксических взаимодействий поэтонама и других компонентов и средств создания стихотворного текста. Подробнее о том, чем характеризуются отношения поэта с именем, развивающиеся в этом направлении, поговорим ниже.

(2) Имя – поэт. В этих отношениях ведущим, доминирующим началом выступает имя. Дело здесь не в том, что имена в поэзии часто более значимы, чем апеллятивы (что не раз доказывали ономастические исследования). Речь не об именах, создаваемых специально для поэтического благозвучия, не о законах стихотворчества, которые постулировал еще Н. Буало в своем знаменитом трактате о поэтическом искусстве: *У баснословія обиліе цвѣтовъ, / И даже имена родились для стиховъ: / Улиссъ, Агамемнонь, Идомей, Медея, / И Гекторъ и Парисъ, Елена и Цирцея. / Хотя по глупости однажды былъ избранъ / Для пѣснопѣнія тяжелый Гильдебранъ, / Знай — имя дикое, незвучное герою, / Поэму сдѣлает иль грубой иль смешною.* [2, с. 75]. Можно вспомнить П. Флоренского, по которому художественные образы “суть не что иное как имена в развернутом виде”, которые есть “духовные сущности” [7, с. 19]. Но наиболее достоверно и откровенно говорят об этом сами поэты.

Осип Мандельштам оставил ряд замечательных свидетельств того, чем имя может являться для поэта. Настоящим откровением звучат строки из *vers libre* «Нашедший подкову». Описывая состояние поэта в момент рождения стиха, еще только зреющего, ищущего форму (*С чего начать? / Все трещит и качается. / Воздух дрожит от сравнений. / Ни одно слово не лучше другого, / Земля гудит метафорой*), автор провозглашает равенство всех слов. И вдруг противоречит себе сам, выделяя имя в особенный род слов: *Трижды блажен, кто введет в песнь имя; / Украшенная названьем песнь / Дольше живет среди других — // Она отмечена среди подруг повязкой на лбу, / Исцеляющей от беспамятства, слишком сильного одуряющего запаха — <...>* [3, II, с. 43]. Имя – «повязка на лбу» – роднит поэтов разных эпох, Мандельштама с Пиндаром, в одах которого эта «повязка на лбу, исцеляющая от беспамятства» (*mitra*) – атрибут Муз и Мнемосины. Эти строки выдают почти сакральное отношение поэта к имени, которое *In Nōminum Spatio* (В пространстве имен)

сродни отношению к ритуальному слову. Но имя еще – это первоначальный, первичный языковой материал, то, что дает начало последующим словесным образованиям, воплощающим художественный образ, оно – как пра-модель слова, если хотите, как матрица. Имя в этом смысле диктует тему, ритм, рифму: *Когда, соломинка, не спишь в огромной спальне <...> / Соломка звонкая, соломинка сухая, / Всю смерть ты выпила и сделалась нежней, / Сломалась милая соломка неживая, / Не Саломея, нет, соломинка скорей!* И в завершение – ряд женских имен, синонимичных слову ‘любовь’ – ряд образов, символов. Это имена-образы, говорящие многое посвященным, тем, кто вхож в мир поэзии: *Я научился вам, блаженные слова: / Ленор, Соломинка, Лигейя, Серафита* [3, I, с. 174].

Иначе звучат рефлексии Марины Цветаевой на имя возлюбленного кумира: *Имя твое — птица в руке, / Имя твое — льдинка на языке. / Одно-единственное движенье губ. / Имя твое — пять букв. / Мячик, пойманный на лету, / Серебряный бубенец во рту.* Это стихотворение – загадка, ребус на тему имени. Как будто не решаясь нарушить табу на упоминание имени, но не в силах сдержать страстное, вырывающееся наружу желание произнести его, Цветаева играет созвучиями, звукоподражательными и синэстетическими эффектами, призывая имя обожаемого поэта: *Камень, кинутый в тихий пруд, / Всклипнет так, как тебя зовут. / В легком щелканье ночных копыт / Громкое имя твое гремит. / И назовет его нам в висок / Звонко щелкающий курок.* Незнаванное имя Блок предвосхищается, подсказывается аллитерациями, ассонансами и рифмой: *Имя твое — ах, нельзя! — / Имя твое — поцелуй в глаза, / В нежную стужу недвижных век. / Имя твое — поцелуй в снег. / Ключевой, ледяной, голубой глоток... / С именем твоим — сон глубок* [4].

В другом стихотворении (2 мая 1916 г.) Цветаева определяет свою цель, свое предназначение именем кумира: *Зверю — берлога, / Страннику — дорога, / Мертвому — дроги. / Каждому — свое. // Женщине — лукавить, / Царю — править, / Мне — славить / Имя твое.* [4].

Отдельного внимания заслуживают поэтические рефлексии М. Цветаевой, О. Мандельштама и других поэтов на свое собственное имя.

II Международные ономастические чтения им. Е.С. Отина

(3) Имя – поэт – имя. Отношение отражает обоюдное воздействие, взаимовлияние поэта и поэтического имени. Часто название, именованье предметов реального мира как вокруг поэта, так и в мире внутри поэта приводит к преобразованию сущности имени, его содержательного значения. Помещая оным в контекст произведения, где он чудесным образом преобразуется, наполняясь новыми смыслами. Его звукобуквенное материальное воплощение осталось прежним, но сигнификативное, образное, содержательное наполнение изменилось, и часто это принципиально иное содержание, то, которое вложено было поэтом, коренным образом иное. Это новое уже имя может остаться таковым для автора; поэт меняет и свое отношение к нему. Тому есть много примеров.

Но вернемся к пункту (1), для этого обратимся к эпиграфу. Поэт, «сочинитель» – в концепции А. Блока – это «Человек, называющий все по имени, / Отнимающий аромат у живого цветка». Если перевести эти стихи на язык рациональный, то мы получим заключение, отражающее видение Блоком отношений между поэтом, процессом создания поэзии и именем как инструментом художественного творчества. Логически и структурно это высказывание подразделяется на две части: 1) суть деятельности поэта в том, чтобы называть все по имени, т.е. давать всему сущему имя; 2) то, что именовано поэтом, перестает обладать свойствами, присущими ему от природы. Так, цветок в поэзии не обладает чертами и свойствами цветка из живой природы. Он больше не обладает ароматом, перестает им обладать с момента вхождения в художественный текст. Став достоянием художника, материалом и инструментом которого является слово, он становится элементом виртуальной художественной реальности. Названный цветок получает имя, но лишается аромата, и потому он уже не цветок, а образ цветка. Зато он является носителем других признаков и свойств – свойств знака, символа, образа. Итак, названное по имени [поэтом] перестает быть самим собой, а становится уже частью другой реальности – языковой, ЗНАКОМ (обозначением цветка в данном случае) в системе знаков. Отделяясь от самого себя, становясь отпечатком, образом, символом, нареченный именем предмет входит в кон-

текст таких же как сам виртуальных предметов, лишенных аромата, объемных форм и конкретных размеров, становясь частью общего ВПЕЧАТЛЕНИЯ (одним из впечатлений) Человека Называющего/Именующего.

Строки А. Блока о поэте «Человек, называющий все по имени, / Отнимающий аромат у живого цветка» содержат отчетливое сопоставление, в котором Поэт уподобляется Демиургу, совершающему ономастический акт — нарекает именем все, что образует состав мира. При этом он, с одной стороны, приобщается к божественному, продолжая доверенное ему дело имянаречения; с другой стороны, он осуществляет посредством акта именования преобразование предметов реального мира в мир виртуальный, мир художественных образов. В. Н. Топоров определял суть и значимость акта наречения именем тем, что «весь материальный состав мира оказался как бы знаково продублированным: имя удвоило и усилило его, обозначив в каждой вещи некое внутреннее место, предназначенное для помещения в нем образа этой вещи». С этого момента, по мнению Топорова, начинался новый этап развития, «семиология», «жизнь в знаке» [5]. Для Блока поэт, «называющий все по имени», оперируя именем, использует его как инструмент смыслостроительства. Процесс называния охватывает не только мир предметов вокруг поэта, но и — прежде всего — его внутренний мир. Манипулируя именами, поэт создает другую реальность — реальность языковых знаков, объединяющихся в общий смысл.

Представляется, что в этих стихах содержится программное высказывание Блока, определяющее 1) самоидентификацию, 2) отношение его к сущности поэтического творчества, 2) сущность и значение имени как знака, посредством которого осуществляется переход человека в иную ипостась — ‘человек созидающий, творящий свой собственный мир’.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блок А.А. Стихотворения и поэмы / А.А. Блок. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1981. — 287 с.
2. Наука о стихотворствѣ, сочиненіе г. Боало. Переводъ стихами, вмѣстѣ съ подлинникомъ, Графа Хвостова. Изданіе четвертое. — Санктпетербургъ, печатано въ типографіи Плюшара, 1830. — 142 с.

II Международные ономастические чтения им. Е.С. Отина

3. Мандельштам О. Собрание сочинений в четырех томах. М.: Арт-бизнес центр, 1993. (в ссылках на это издание том обозначен римской цифрой, страница - арабской).
4. Русская поэзия. Марина Цветаева // URL: <http://rupoem.ru/cvetaeva/all.aspx>. (Дата обращения: 03.09.2016).
5. Топоров В. Имя как фактор культуры // Библиотека Гумер – языкознание. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/topor/name.php (Дата обращения: 03.01.2010).
6. Тынянов Ю.Н. Проблема стихотворного языка / Ю.Н. Тынянов. – М.: Советский писатель, 1965. – 301 с.
7. Флоренский П. Имена. — Харьков: Фолио, Москва: АСТ, 2000. – 448 с.

О.О. Усова, В.Ю. Світлична (Донецьк)

**АНТРОПОЕТОНИМИ ЯК ЕЛЕМЕНТИ
ЖАНРОУТВОРЮЮЧОЇ ЛЕКСИКИ
ХУДОЖНЬОГО ТВОРУ
(НА МАТЕРІАЛІ НОВЕЛ І ОПОВІДАНЬ
В. ПІДМОГИЛЬНОГО)**

Стаття присвячена вивченню жанроутворюючої ролі антропоетонімів у лексичній організації новели й оповідання. Здійснено аналіз досліджень поетонімосфери твору як важливої жанрозалежної категорії. Проаналізовано антропонімікон новел і оповідань В.Підмогильного, що дало можливість виділити особливості прояву їх жанрової своєрідності.

***Ключові слова:** антропоетонім, жанроутворююча ознака, жанрові особливості, новела, оповідання, жанрозалежна роль, номінаційний ланцюжок, номінаційна система, поетонімосфера.*

Проблеми літературних жанрів усе більше привертають увагу лінгвістів. Художній твір певного жанру є не тільки формою буття літератури, але й формою буття мовлення. З погляду лінгвістики жанр розглядається як певний відбір і комбінаторика мовленнєвих засобів. Твір кожного жанру має набір специфічних ознак, які відбиваються на всій структурі твору, у тому числі й на доборі лексики. Власні назви (далі ВН) підпорядковуються жанровим особливостям художнього тексту(далі ХТ), функціонують у межах того чи іншого жанрового поля і за встановленими в ньому нормами.

Досліджуючи лексичну систему твору важливо спиратися на ідею М.М. Бахтіна про безумовну функціонально-комунікативну детермінованість мовного

II Международные ономастические чтения им. Е.С. Отина

жанру й залежність мовленнєвої структури твору від його жанрової специфіки. Кожний мовний жанр відбиває специфічні умови й мету тієї або іншої області людської діяльності своїм змістом, лінгвістичним стилем (добором словникових, фразеологічних і граматичних засобів мовлення) і своєю композиційною побудовою. Специфічні жанрові ознаки служать базою для визначення мовленнєвого потенціалу їх втілення. Комунікативна спрямованість жанру реалізується на всіх рівнях ХТ, але особливо наочно на лексичному й композиційному рівнях.

О.І. Фоякова, наголошуючи на тісному взаємозв'язку ВН з жанром тексту, відзначає: "...сам ономастикон текста, его состав, отбор и взаи-модействие ИС (имени собственного) с контекстом определяют закон жанра и художественного метода писателя, родом и видом литературного произведения и законами его построения в поэзии, прозе и драме..." [1, с. 38].

Статус ВН як елементу жанроутворюючої лексики постійно знаходиться у центрі уваги вчених, що займаються дослідженнями у царині поетонімології. Досліджується жанроутворююча роль та функції онімів у науковій фантастиці (О.О.Калинюк, О.Ю.Карпенко, Т.Є.Єгоршина), у творах детективного жанру (І.М.Петрачкова), вивчаються жанрові особливості ВН у літературній казці (Т.В.Дякова, І.М.Апоненко), билиці (С.Є.Волоскова), драматичному творі (Л.П. Волкова).

Під час вивчення функціональних особливостей ВН у різних видах літературного тексту береться до уваги специфіка поетоніма як мовленнєвого знаку і виявляється конкретний прояв цієї специфіки в окремих жанрах.

ВН як елемент жанроутворюючої лексики твору вивчена ще недосить повно. Зрозуміло, що лексичні одиниці не можуть бути закріплені за якимось певним жанром, але їх форми, частотність та спільне використання у певному контексті можуть стати показниками жанру.

У той же час поетоніми в інших жанрах, зокрема в новелі та оповіданні, ще не були предметом окремого

дослідження. Це обумовлює мету нашої розвідки - виявити закономірності використання поетонімів у творах цих жанрів, визначити наявність чи відсутність жанроутворюючих ознак поетонімії новели та оповідання.

Одна з найкolorитніших постатей української літератури не тільки 20-х років, але й усього ХХ ст. - Валер'ян Підмогильний - була повернута в українську літературу на початку 90-х років. Спадщина письменника активно досліджується як українськими авторами, так і літературознавцями з діаспори (Забужко О., Ковальчук О., Мельник В., Мовчан Р., Павличко С., Шерех Ю., Шевчук В. та ін.) [Забужко 2001; Мельник 1999; Мовчан 2000; Павличко 2003; Шевчук 2003; Шерех 2003]. Усі ці розвідки мають виключно літературознавчу спрямованість. Мова творів письменника, а особливо структура й склад антропоетонімів – ядра поетонімосфери ХТ – ще не була об'єктом дослідження, що й обумовило актуальність нашої роботи..

Матеріалом для нашої статті стали антропоетоніми новел та оповідань «Гайдамаки», «Ваня», «Повстанці», «Комуніст», «Іван Босий», «Історія пані Ївги», «Син», які були написані протягом 1918 – 1923 років. Номінаційна система цих творів нараховує 66 антропоетонімів.

Антропоетоніми є частиною словника ХТ письменника, тісно пов'язані з концепцією твору і персонажів, манерою розповіді. Автор добирає ці поетоніми відповідно до тематики та ідейної глибини новел та оповідань, відтворюючи реальний антропоетонімікон Катеринославщини та Київщини початку ХХ ст.

Валер'ян Підмогильний продовжував традиції класичної літератури, яка свою поетику будувала на увазі до людини, а виявлення в людині добра і зла вважала одним із проблемних важелів. Його ваблять переважно буденні ситуації (моменти існування), але не цурається він і прямого опису колізій громадянської війни з усією складністю тогочасної боротьби, часів голодомору. Письменник дивиться на події очима учня гімназії, сільського парубка («Гайдамаки», «Ваня», «Повстанці», «Комуніст», «Син»). Оповідання «Іван Босий» можна назвати класичним зразком екзистенціалізму.

А у новелі «Історія пані Ївги» виведено постать інтелігентки, чию душу мучить провина за колись сите життя.

Склад антропоетонімів новел і оповідань В. Підмогильного не відрізняється різноманітністю, але їх структура відповідає усталеній традиції іменування тогочасного мовного простору, уживаються антропоетоніми за законами ХТ, узгоджуються з сюжетом оповідання й концепцією кожного твору. За кількістю антропоетонімів твори неоднорідні, так, в оповіданні «Син» маємо 26 антропоформ, в оповіданнях «Іван Босий» і «Комуніст» тільки по дві.

Обираючи ім'я для персонажа, автор прагне ідентифікувати, а іноді й охарактеризувати його. Серед антропоетонімів кількісно переважають одночленні іменування (52), значно менше використовуються двочленні моделі (14), наявна і безонімна номінація (5). Вибір моделі іменування залежить від віку, соціального статусу, ставлення до персонажа автора та інших дійових осіб. Вживання двочленного антропоетоніма найчастіше несе певну характеристику, тоді як одночленна виконує номінативну, і тільки іноді характеристичну функцію.

Серед антропоетонімів досліджених новел та оповідань ми виявили 7 моделей іменування персонажів:

одночленні: імена (Андрій, Василь, Серьога, Ваня, Митька, Юхим, Олесь, Олекса, Степан, Гриць, Пилип, Тимош, Іван, Ївга, Ганна, Настя, Марійка); прізвища (Безрукавий, Босий, Васюренко, Владченко, Дудник, Задума, Книш, Левада, Островський, Стельмах); андроніми (Васюриха, Кандзюбиха, Павлиха, Петриха);

дwochленні: ім'я + прізвище (Олекса Стельмах, Омелько Гарнага, Марк Чмуль, Прокіп Лісовий, Грицько Островський, Тиміш Удовенко, Степан Безрукавий, Олекса Корнійчук, Ївга Нарчевська); ім'я + прізвисько (Іван Босий); ім'я + по батькові (Андрій Петрович, Андрій Степанович); патронім + ім'я (Грицаєнків Юрко).

Паралельно з антропоетонімами зустрічається і безонімна номінація (тільки в оповіданнях «Комуніст» та «Іван Босий»): начміліції, міліціонер, «комсотні», Жид, Сіоніст. Ці персонажі або з'являються наприкінці оповіді і є

усобленням смерті («Іван Босий»), або проходять крізь неї для доповнення, підсилення характеристики головного персонажа («Комуніст»).

Називаючи персонажів, письменник прагне дібрати ім'я, яке б однозначно ідентифікувало, характеризувало й оцінювало, оскільки жанрові рамки твору не дозволяють авторові подавати докладну характеристику персонажа, відображаючи її в різних формах його імені. Створюючи інтелектуально-психологічну прозу, В.Підмогильний спирається на систему реального сільського іменника, оскільки реалістичний твір вимагає від письменника максимального скорочення відстані між зображуваною і оточуючою дійсністю. Письменник мало уваги приділяє формі та етимології антропоніма. Більшість персонажів його оповідань мають тільки одну форму імені (оповідання «Ваня», «Іван Босий», «Повстанці», «Гайдамака») або дві – і найчастіше це ім'я + прізвище та власне ім'я. Як правило, письменник, обираючи дві форми іменування для дійової особи, першою подає двочленну (ім'я та прізвище), ніби знайомить нас с персонажем одночасно характеризуючи його, а потім постійно називає персонажа на ім'я або прізвище: «З 1905 року, коли селяни вбили в маєткові її чоловіка, пані Ївга Нарчевська перебралась до міста»; «Пані Ївга покинула маєток і оселилась в місті»; «Тим часом, як Грицько Островський, «помкомсотні» і секретар «комосередка» щойно розбитого червоного полку, мав виходити...»; «Сеї спогад здався Островському таким кумедним, що він мало не зареготав» (В. Підмогильний).

Валер'ян Підмогильний дотримується народної традиції у виборі структури найменування своїх персонажів. Так, для дітей, молоді, селян він обирає традиційні формули: ім'я (як повне, так і гіпокористику чи демінутив, які є ізофункціональними): «Ввійшов Грицько, дванадцятилітній хлопчисько, що був ординарцем у начальника штабу»; «Вертаючись додому, Ваня зустрів одного з товаришів – Митьку, котрого він не любив. Митя весело зареготав і підстрибнув на своїй коняці...»; «В його заворушилася думка, що сестра Марійка хоч клуночок принесе йому того зерна... Та ні, що там надіятись! Не така вона, не такий

II Международные ономастические чтения им. Е.С. Отина

Олекса, щоб дати!» (В. Підмогильний); прізвища: «Ой, не питай, хлопче! – стонав Безрукавий, розминаючи ноги та руки.»; « Васюренко зліз із платформи, заваленої залізняком, і почав обтрушуватися.» (В. Підмогильний); ім'я і прізвище : «Тільки тепер він побачив аж у кутку коло станції свого шуряка, Олексу Корнійчука...»; «Он Тиміш Удовенко, що пана вигонив був та з червоною хусткою через груди ходив, про свободу кричав м тепер собі до комерції взявся, по хліб їздить...» (В.Підмогильний).

На думку Михайлова В., у ВІ, які використовуються в ХТ, засобами виразності є, як і в побутовому мовленні, різноманітні суфікси оцінки. Прямим призначенням їх є і вираз різних суб'єктивних моральних і емоційних оцінок персонажа автором, який намагається таким чином скоротити оповідь (Ваничка, *Митька*, *Марічка*, *Юрко*) [10, с. 41].

В оповіданнях В.Підмогильного зустрічаються андроніми (утворені за допомогою суфікса -их-) які позначають заміжніх немолодих жінок (Кандзюбиха, Васюриха, Петриха, Павлиха). Суфікс -их- є найпоширенішим засобом творення андронімів, загальноукраїнським типом іменування заміжніх жінок. Використовуючись виключно у побутово-розмовному стилі, андроніми сприймаються як стилістично забарвлені, а, отже, є виразниками фольклорного колориту. Підсилює фольклорний колорит і вживання двочленної формули патронім + ім'я, такої ж властивої для народного іменника (Грицаєнків Юрко). Термін «патронім» ми вживаємо за «Словарем русской ономастической терминологии» Подольської Н., де автор пише: «ПАТРОНИМ – (патронимическое имя) – Дериват от имени или прозвища отца: прозвище, прозвание, фамилия от прозвища отца...» [14, с. 108]. Отже, патронім Грицаєнків є дериватом від прізвища Грицаєнко й утворений патронімічним суфіксом -ів-.

Двочленна форма іменування ім'я + по батькові, двічі вжита а оповіданнях В.Підмогильного дає уявлення про статус персонажа [10, с. 42]. З повагою називає автор і його персонажі старого вчителя: «Всі учні підводяться й кажуть гуртом: — Шанування й поважання глибокої старості дідуневі Андрію Петровичу, що прослужив сорок сім і три роки»;

скаржаться на свого поміщика селяни: «Дуже нас Андрій Степанович у шори взяв» (В.Підмогильний).

Головний персонаж однойменного оповідання Іван Босий, поіменованій, як ми вже говорили, за традиційною моделлю: ім'я + прізвисько, і протягом оповіди тільки двічі замінюється одночленним антропоетонімом Босий. Оповідання є зразком екзистенціалізму, а отже можна сказати, що ім'я персонажа вибране не випадково. Іван Босий закинутий у вир ірраціонального, недоступного розумові буття, шукає в ньому свою сутність. Ці шукання викликають жах, відчай, відчуття трагедії буття. Ім'я Іван тут можна розглядати як конотонім зі значенням «Вообще русский человек; с собирательным значением - 'русский народ'» [12, с. 166], а, оскільки, екзистенціалізм був надзвичайно поширений у 20-ті роки ХХ ст., то можна вважати, що ім'я Іван може позначати будь-яку людину, яка знаходилася під впливом ідей цієї течії. Підтвердження цьому знаходимо і в тексті: «Часом одного дня його зустрівано в різних місцях, часто на десяти-ки верстов оддалік. Почало здаватись, що він не один, а що їх - багато» (В. Підмогильний). Прізвисько Босий теж має певне емоційне навантаження як характеристична ознака персонажа, що ніби завершує образ апостола: «Він несподівано з'являвся в степу на шляху, чи вийшовши з-за могили, чи випроставшись в яру, високий, кремезний; без покриття, в лахміттях, що покривали його загрубіле тіло й груди, порослі густим волоссям, босоніж;..» (В.Підмогильний). Отже, в обраній автором антропоформі, міститься вся ємна інформація про героя оповіди.

У новелі «Пані Ївга» В.Підмогильний змалював постать інтелігентки Ївги Нарчевської, яка мучиться провиною перед простим народом. Конфлікт її душі підкріплюється й іменуванням персонажа, тим протиріччям, у якому знаходиться народний варіант імені Євгенія – Ївга та прізвище з суфіксом -ськ-ий, «який до 1917 року вказував на соціальну значущість, шляхетне походження» [10, с. 40]. Соціальний статус персонажів новели підкреслює й характеризуючий атрибут – пан, пані, який постійно супроводжує Ві.

Отже, проаналізувавши антропонімічну систему оповідання і новел Валер'яна Підмогильного можна сказати,

II Международные ономастические чтения им. Е.С. Отина

що автор використовує ВІ відповідно до свого задуму, творчого методу, до конкретних ідейно-художніх завдань твору. На імені персонажа лежить печатка певної епохи, літературного напрямку, відбивається вплив світосприйняття, позиції письменника.

Основним джерелом антропонімічної системи творів письменника є реальний іменник українського села. Типові для сільського середовища найменування передають колорит живої української народної мови, виконують номінативну і характеристичну функцію, яка вказує на авторське ставлення, або ставлення до персонажа інших дійових осіб, дає побічну характеристику персонажа. Використання тільки однієї форми антропоетоніма - жанроутворююча ознака поетонімії новели та оповідання В.Підмогильного.

Комплексне дослідження поетонімосфери художніх творів є ще одним кроком до глибшого розуміння творчості письменника. Наша стаття присвячена вивченню ядра поетонімосфери – антропонімів, але для загального уявлення про особливості ономастичного письма В. Підмогильного цього недостатньо. Поза нашою увагою залишилися топонімі та інші поетоніми, своєрідність їхньої структури, функцій, з'ясування залежності форми поетоніма від жанру твору – цьому ми присвятимо наступні наші розвідки.

ЛІТЕРАТУРА

1. Белей Л.О. Нова українська літературно-художня антропонімія: проблема теорії та історії. – Ужгород. – 2002. – 176 с.
2. Бойко Ю. «Невеличка драма» В. Підмогильного на тлі дійсності 20-х років // Досвід кохання і критика чистого розуму: Валер'ян Підмогильний: тексти та конфлікт інтерпретацій / Упоряд. О. Галета. – К.: Факт, 2003. – С. 313–331.
3. Забужко О. Філософія і культурна притомність нації // Забужко О. Хроніки від Фортінбраса. – К.: Факт, 2001. – С. 136–148.
4. Калинин В.М. Поэтика онима. – Донецк, 1999. – 409 с.
5. Карпенко М.В. Ономастика в художественной литературе // Ономастика: Проблемы и методы: Сборник обзоров. – М., 1978. – С. 169 – 188.
6. Карпенко Ю.А. Специфика имени собственного в художественной литературе // Onomastica. – 1986. – Т. 31. – С. 5–22.

7. Ковальчук О. «Ідеологізоване тіло як фактор буття» // Слово і час. – 1997. – №7–8. – С. 198–200.
8. Крупеньова Т.І. Ономастика драматичних творів Лесі Українки: Автореф. дис... канд. філол. наук: 10.02.01 / ОНУ – Одеса, 2001. – 112 с.
9. Кухаренко В.А. Имя заглавного персонажа в целом художественном тексте // Русская ономастика. – Одесса: ОГУ, 1984. – С.109 – 118.
10. Антология поэтонимологической мысли / отв.ред. Е.С. Отин; ост. подгот. текста В.М.Калинкин; коммент., указатели М.В.Бувеская и др. – Донецк: Юго-Восток, 2008. – Т.1., 418 с.
11. Мовчан Р. Проза В. Підмогильного. Доля. Людина. Стиль // Дивослово.— 2000.— №1. – С. 15–24.
12. Отин Е.С. Словарь коннотативных собственных имен. – М.: ООО «А Темп», 2006. – 440 с.
13. Павличко С. Інтелектуальна проза Петрова й Підмогильного // Досвід кохання і критика чистого розуму: Валер'ян Підмогильний: тексти та конфлікт інтерпретацій / Упоряд. О. Галета. — К.: Факт, 2003. – С. 367–383.
14. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. – М.: «Наука», 1988. – 215 с.
15. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. – Москва: Наука, 1973. – 365 с.
16. Шевчук В. Екзистенціальна проза Валер'яна Підмогильного // Досвід кохання і критика чистого розуму: Валер'ян Підмогильний: тексти та конфлікт інтерпретацій / Упоряд. О. Галета. – К.: Факт, 2003. – С. 353–367.
17. Шерех Ю. Білок і його забурення // Досвід кохання і критика чистого розуму: Валер'ян Підмогильний: тексти та конфлікт інтерпретацій / Упоряд. О. Галета. – К.: Факт, 2003. – С. 331–341.
18. Шотова-Ніколаєнко Г.В. Онімний простір романів Ю.І.Яновського: Автореф. дис... канд. філол. наук: 10.02.01 / ОДУ – Одеса, 2006. – 21 с.

ВИКОРИСТАНІ ДЖЕРЕЛА

19. Підмогильний В. Місто: Роман, оповідання / Упоряд. Р. Мовчан та В. Шевчука; Вст.ст. В. Шевчука; Приміт. Р. Мовчан. – К.: Молодь, 1989. – 448с.
20. Підмогильний В. П. Місто: роман та оповідання [Текст]— К.: Веселка, 1991. – 351 с.
21. Підмогильний В. Листи з Соловків // Досвід кохання і критика чистого розуму: Валер'ян Підмогильний: тексти та конфлікт інтерпретацій / Упоряд. О. Галета. – К.: Факт 2003. – 427с.

П Международные ономастические чтения им. Е.С. Отина

*Оксана Усова
Влада Светличная*

**АНТРОПОЭТОНИМЫ КАК ЭЛЕМЕНТЫ
ЖАНРООБРАЗУЮЩЕЙ ЛЕКСИКИ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ НОВЕЛЛ И РАССКАЗОВ
В.ПОДМОГИЛЬНОГО)**

Статья посвящена изучению жанрообразующей роли антропоэтонимов в лексической организации новеллы и рассказы. Осуществлен анализ исследования поэтонимосферы произведения как важной жанрозависимой категории. Проанализирован антропонимикон новелл и рассказов В.Подмогильного, что позволило выделить особенности проявления их жанрового своеобразия.

Ключевые слова: *антропоэтоним, жанрообразующий признак, жанровые особенности, новелла, рассказ, жанрозависимая роль, номинационная цепочка, номинационная система, поэтонимосфера.*

Е.В. Цветкова (Кострома)

ТОПОНИМ КРЫМ В ПЬЕСАХ А.Н. ОСТРОВСКОГО И В КОСТРОМСКОЙ ТОПОНИМИИ

В статье дается характеристика топонима Крым, употребленного в речи героев нескольких пьес А.Н.Островского, и микротопонима Крым, имеющегося в топонимической системе костромского края.

Ключевые слова: *топоним, микротопоним, топонимическое пространство, топонимическая система, топоним Крым, пьесы А.Н. Островского.*

Топонимическое пространство пьес А.Н. Островского состоит из разных типов топонимов, играющих особую роль в художественном описании. Выполняя не только свою основную, локальную, функцию, они часто являются «говорящими», в определенной степени позволяют более четко описать место действия, определить назначение географических объектов, их место среди других объектов, дать характеристику героев, помогают определить значимость той или иной территории в жизни людей и т. д. Являясь важной частью пространственной параметризации пьес, они представляют как ближнее («свое», хорошо известное), так и отдаленное, дальнее («чужое», «не свое», менее известное или неизвестное) пространство.

Топоним *Крым*, по сведениям включенного в энциклопедию «А.Н. Островский» Частотного словаря языка А.Н. Островского, в творчестве драматурга встречается 47 раз: 30 – в нехудожественных текстах и 17 – в художественных текстах, написанных во втором и третьем творческих периодах (1860, 1870 – 1880-е гг.) [4, с. 572]. Данный топоним от-

II Международные ономастические чтения им. Е.С. Отина

личается частым употреблением в поздних пьесах драматурга (см. об этом, например, [3]). Представляющий так называемое отдаленное или дальнее географическое пространство, он является частью топонимических систем нескольких пьес: «Не от мира сего», «Без вины виноватые», «Невольницы», «Бешеные деньги», «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский», а также «Иван-царевич» (волшебная сказка, работа над которой не была завершена).

Во всех пьесах топоним *Крым* присутствует исключительно в речи героев. Обозначает он в основном место, в которое отправляются отдыхать и лечиться, путешествовать. Наиболее частотен он в пьесе «Не от мира сего» (семейные сцены, последняя пьеса, работа над которой была завершена в декабре 1884 г.). Многое в действии пьесы связано с покупкой имения в Крыму. Именно там возможно, как с надеждой думает Евлампия Платоновна Снафидина, успокоение и излечение ее дочери Ксении: «Как я рада, что Ксения покупает себе дачу в Крыму. Там она успокоится и поправится» [2, т. 8, с.480]. О возможном излечении Ксении говорит Барбарисову ее сестра Капитолина, расстроенная до слез решением матери:

Барбарисов. Для чего ж она ей отдала? Зачем Ксении Васильевне деньги понадобились?

Капитолина. Имение в Крыму покупает.

Барбарисов. Вот это отлично придумано, подход ловкий. Женщине и жить-то всего год, много два осталось, а они имение.

Капитолина. Да с чего ты взял? Сестра здорова.

Барбарисов. Поспорь еще! Я у докторов-то спрашивал.

Капитолина. А вот в Крыму поправится [2, т. 8, с. 476].

Кочуев, уверяя Елохова в том, что он изменился («Книг накупил душеспасительных, читаю, стараюсь вникать», «окончательно и бесповоротно» решил, «все оставил»), говорит о новой жизни с Ксенией в Крыму: «Заметно серьезнее становлюсь: уж прежнего образа мыслей нет; вижу, братец, вижу, что все это суета. Теперь уж жизнь пойдет другая; я торгую для Ксении Васильевны имение в Крыму, и мы по-

едем туда с ней вместе» [2, т. 8, с. 460]. Елохов сообщает об этом Ксении, которая даже боится радоваться возможным переменам в ее жизни:

Ксения (*приглаживая прическу*). А вот он взглянет на меня, такую растрепанную, усталую, так авось разочаруется.

Елохов. Да он вас не за красоту любит. У него только и слов о вашем здоровье, о вашем спокойствии. Он уж приторговал для вас имение в Крыму и хочет устроить свои дела так, чтобы иметь возможность уезжать туда вместе с вами месяца на три, на четыре в год.

Ксения. Неужели? А я так мечтала об этом; он как будто угадал мои мысли.

Елохов. Вот и план имения.

Ксения. Покажите!

Елохов подает план.

Прелестно! Недалеко от моря и от Ялты. Все это очень, очень хорошо! Я не ожидала. (*Опять встает и взглядывает в зеркало.*) Но зачем он влюбился в меня? Мы просто будем уважать или, как там говорится, почитать друг друга. (*Смеется.*) А любовь... Нет, я ее боюсь. Я боюсь, что поверю его любви. Мне как-то больно делается, точно притрагиваюсь к больному месту [2, т. 8, с. 460].

Однако имение в Крыму остается для умирающей Ксении лишь мечтой, а для ее сестры и Барбарисова становится предметом зависти и причиной недовольства:

Барбарисов. И как тонко все устроено! Мы с Капитолиной Васильевной не успели и опомниться, а уж готово! Радость, слезы и великодушие! А я думаю, и мы тоже в этом деле заинтересованы, и мы должны иметь голос.

Елохов. В каком деле-то?

Барбарисов. «Маменька, я покупаю имение в Крыму, так пожалуйста денег!» Извольте, дочка, берите, сколько вам угодно, берите, берите без счета.

Елохов. А вас и не спросились? Это действительно обидно.

Барбарисов. И какое имение! Никакого имения нет. Все выдумки, все обман!

Елохов. А если есть?

Барбарисов. Ну, положим, и есть, да за что же награждать-то без разбора?

Елохов. Кого люблю, того и дарю.

Барбарисов. К чему такая слабость непростительная? Зачем распускаться? Евлампия Платоновна не должна забывать, сколько огорчений доставил ей этот брак ее дочери. Она должна помнить, помнить все, что перенесла по милости Ксении Васильевны [2, т. 8, с. 478]. (См. также и часть диалога Барбарисова и Капиталины, данную выше).

В Крыму находит успокоение в уединении героиня пьесы «Без вины виноватые» (написана в 1883 г. после поездки А.Н. Островского на Кавказ) Кручинина, потерявшая, как она думала, своего сына и потрясенная изменой любимого:

Кручинина. <...> Это случилось вот как: мне сказали, что мой сын захворал, в то самое время, когда я узнала, что отец его мне изменяет и потихоньку от меня женится на другой. Я и без того была потрясена, разбита, уничтожена, а тут еще болезнь ребенка. Я бросилась к нему и увидела ребенка уж без признаков жизни: передо мной был посиневший труп; дыхания уже не было, а только слышалось едва уловимое хрипение в горле. Я кинулась его обнимать, целовать и упала без чувств. Так в обмороке меня и доставили домой, а к вечеру у меня открылся сильный дифтерит. Я прохворала месяца полтора и едва еще держалась на ногах, когда моя бабушка, единственная моя родственница, и то дальняя, увезла меня к себе в деревню. Там мне подали, наконец, письмо, в котором меня извещали, что сын мой умер и похоронен отцом, что малютка теперь на небесах и молится за родителей. Письмо это было писано давно, но его от меня скрывали. Потом мы с бабушкой поехали в Крым, где у нее было маленькое имение, и прожили там три года в совершенном уединении.

Дудукин. А дальнейшая ваша жизнь?

Кручинина. Она представляет мало интереса. Я с бабушкой много странствовала, жила и за границей, и довольно долго; потом бабушка умерла и оставила мне значительную часть наследства. Я стала довольно богата и совершенно независима, потом от тоски не знала, куда деться. Подумала, подумала и пошла в актрисы. Играла я больше на юге и в этой стороне не была ни разу [2, т. 8, с. 401].

In Nōminum Spatio (В пространстве имен)

Для героя комедии «Невольницы» (работа над ней была завершена в 1880г. в усадьбе Щельково, где она и получила такое название) Евдокима Егорыча Стырова Крым – одно из мест в его многочисленных путешествиях, которые не давали скучать его молодой жене: «Я говорил только о том исключительном положении, в котором я нахожусь. После свадьбы, вы знаете, сейчас же мы уехали в Петербург, два раза ездили в Париж, были в Италии, в Крыму, погостили в Москве; везде не подолгу, скучать ей было некогда. Теперь я должен прожить здесь, по своим делам, год или более; город довольно скучный, развлечений мало, притом же она может встретить кого-нибудь из своих прежних знакомых. Когда я женился, ей было двадцать пять лет; нельзя же предполагать, что у нее совсем не было привязанностей; а при скуке старые привязанности штука опасная» [2, т. 8, с. 160]. А для экономки Марфы Севастьяновны эти путешествия не только вызывающее гордость развлечение, но и заботы, о чем мы узнаем из ее разговора со старым лакеем Стырова Мироном Ипатычем:

Мирон. Барина навестить пришел, наслышан, что приехали.

Марфа. Приехали, Мирон Липатыч.

Мирон (*нюхая табак*). На теплых водах были?

Марфа. На теплых водах. Были и в других разных землях, два раза туда путешествовали... Ну, и в Петербурге подолгу проживали. Много вояжу было; прошлое лето вот тоже в Крым...

Мирон. И вы завсегда с ними?

Марфа. В Крыму была; а то все в Петербурге при доме оставалась [2, т. 8, с. 156].

Находится «все в разъездах», как он сам говорит, Савва Геннадич Васильков, «провинциал» из комедии «Бешеные деньги» (задумана в усадьбе Щельково, написана в Москве в 1870 г.), и эти разъезды-путешествия связаны с делом:

Телятев. Вы и по-гречески знаете?

Васильков. Учился немного.

Глумов. А по-татарски?

Васильков. Простой разговор понимаю – казанское наречие, а вот в Крыму был, так с трудом объяснялся.

II Международные ономастические чтения им. Е.С. Отина

Глумов (в сторону). Уж это черт знает что такое!

Телятев. А вы давно из Крыма?

Васильков. Дней десять, не более. Я проездом был из Англии.

Глумов (в сторону). Как врет-то!

Телятев. Как же вы из Англии в Крым попали?

Васильков. А на Суэцком перешейке земляные работы меня интересовали и инженерные сооружения [2, т. 5, с. 432].

В пьесе «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский» – исторической хронике топоним Крым, как и другие многочисленные географические наименования, звучит иначе – «исторически»:

Дмитрий

(перед коронами)

Короны царств моих! Еще корону

Желал я прибавить к этим трем –

Корону Крыма. Если ж наше счастье

Послужит нам, то, с помощью Польши

И императора, врагов Христовых

Мы выгоним из царства Константина;

И завоюют вере христианской

Иван – Казань, а Дмитрий – Византию [2, т. 5, с. 61].

В сказке «Иван-царевич» топоним Крым находим в диалоге Калина-Гирейя и Кашей:

Калин. Пожалуйста, давай расчет.

Кашей. Погоди.

Калин. Чего годить? Давай расчет, давай девку Милолику, пора в Крым ходить.

Кашей. У тебя в Крыму и без нее жен много.

Калин. Тебе что за дело? Я не простой татарин, я Гирей: я могу еще больше.

Куплеты.

Пожалуйста, давай расчет.

Кашей. Вот видишь ты, Калин-Гирей: мне не расчет отдавать тебе царевну Милолику.

Калин. Как не расчет? Ты слово дал?

Кащей. Дал. Но я также дал слово и царю Додону, и, кроме того, приехали и другие принцы, которые, может быть, дадут за нее больше.

Калин. Зачем слово дал? Слово дал, держи слово. Сделай так у меня татарин в Крыму, я ему велю голову рубить совсем прочь. Хо, хо, хо! Слово дал, слово не удержишь. Кто так делает?

Кащей. Калин-Гирей, ты пойми: мне могут дать за нее дороже [1, с. 106 – 107].

В пьесе «Козьма Захарьич Минин, Сухорук» несколько раз встречается наименование Крымский двор.

В каждом произведении топоним Крым вписывается в общую топонимическую систему, выполняя свою, определенную драматургом роль. Многие им бралось из народного восприятия окружающего мира, живой народной речи, в том числе и той, что он слышал в своей усадьбе Щельково и ее окрестностях, других местах, связанных с костромским краем. А к Крыму у народа всегда было в основном отношение как к месту дальнему, красивому, связанному с отдыхом, лечением, не каждому доступному. Находит это отражение и в костромской топонимии. Таких топонимов в наших материалах немного, и это исключительно микротопонимы, однако они содержат четкую характеристику называемого ими географического объекта. Например, в Нейском районе наряду с наименованиями различных мест на реке Нее Красноярка, Круглыш, Крутойр и прочими есть название пляжа Крым. Его возникновение, как объясняют жители, связано с дальним расположением пляжа: Назван пляж-то Крым так из-за далекого расположения от села и деревень. Место это отдыха и купания на правом берегу реки Нея, около трех километров от Солтанова (с. Солтаново Нейского района).

В Макарьевском районе имеется поле Крым. Возникновение такого названия также связывают с дальним местоположением поля: «Назвали так, потому что далеко. Ты в Крыму картошку-то посадил?» (д. Никулино Нейского района). Имеется, правда, и другое объяснение: «Поле назвали так в насмешку, так как ничего не росло там. В Крыму-то нынче опять ничего не выросло» (д. Никулино

II Международные ономастические чтения им. Е.С. Отина

Макарьевского района). С Крымом, возможно, связано через антропоним название делянки в лесу Крымовская (около деревни Пакшино в Судиславском районе). Некоторые названия имеют отношение к крымским татарам, например: «Татарская делянка находится в двух километрах от Вешки в южном направлении. Ее разрабатывали выселенные крымские татары. В настоящее время здесь находятся участки под картофель» (п. Вешка Кадыйского района); «Татарская слобода – район в Галиче, объединяющий несколько улиц, заселенных крымскими татарами, высланными из Крыма в сорок четвертом году» (г. Галич).

А.Н. Островский использует в своих произведениях топоним Крым – название реального, всем хорошо известного объекта с целью использования его географической характеристики, а также других его функций в художественном описании. Народ, создавая микропоним Крым, известный только на небольшой, ограниченной территории, проводит связь с макропонимом Крым – названием широко известного, знаменитого географического объекта, отражая при этом как наиболее важные его характеристики, так и, в основном, народное, в частности местное, отношение к нему.

ЛИТЕРАТУРА

1. Островский А.Н. Полное собрание сочинений: В 16 т. Т. 13. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1952. 403 с.
2. Островский А.Н. Собрание сочинений: В 10 т. / под общей редакцией Г.И. Владыкина, А.И. Ревякина, В.А. Филиппова. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1959. – 484 с.
3. Цветкова Е.В. Топонимы в поздних пьесах А.Н. Островского // Щельковские чтения 2014. А.Н. Островский и культура конца XIX – начала XX века: сборник статей / науч. ред., сост. И.А. Едошина. – Кострома: Авантитул, 2015. – С. 104 – 114.
4. Частотный словарь языка А.Н. Островского // А.Н. Островский. Энциклопедия / гл. ред. и сост. И.А. Овчинина. – Кострома: Костромаиздат; Шуя: Изд-во ФГБОУ ВПО «ШГПУ», 2012. С. 530 – 658.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бут-Гусаим Светлана Феодосьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры белорусской филологии Брестского государственного университета.

✉: svfbg@tut.by

Вертейко Екатерина Евгеньевна – магистр Брестского государственного университета им. А.С. Пушкина.

✉: katsiarynaviartseika@gmail.com

Герасименко Ирина Анатольевна – доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой русского и украинской филологии с методикой преподавания Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского.

✉: iragerasimenko@mail.ru

Евсеева Ольга Сергеевна – кандидат филологических наук, заместитель директора по учебно-воспитательной работе МБОУ Заборьевской СШ Демидовского района Смоленской области.

✉: evseevolya@yandex.ru

Иванова Надежда Ивановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики Донецкого педагогического института.

✉: ini.gorlovka@gmail.com

Илиади Александр Иванович – доктор филологических наук, заведующий кафедрой методик начального и дошкольного обучения Кировоградского государственного педагогического университета им. Владимира Винниченко.

✉: alexandr.iliadi@gmail.com

Какзанова Евгения Михайловна – доктор филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Российского университета Дружбы народов.

✉: kakzanova@post.ru

Калинкин Валерий Михайлович – доктор филологических наук, заведующий кафедрой русского языка Донецкого национального медицинского университета.

✉: kalinkin.valeriy@mail.ru

Киселева Елена Вячеславовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка для естественных и гуманитарных специальностей Донецкого национального университета.

✉: ellkisel@yandex.ru

Минина Елена Владимировна – старший преподаватель кафедры зарубежной филологии, теории и практики перевода Горловского института иностранных языков.

✉: goltsmanelena@mail.ru

Першина Клавдия Васильевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания и истории языка им. Е.С. Отина Донецкого национального университета.

✉: pershinakv@mail.ru

Разумов Роман Викторович – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка ФГЮОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского».

✉: rvrazumov@list.ru

Родионова Лариса Петровна – лаборант кафедры литературы и журналистики Смоленского государственного университета.

✉: panismolenska@yandex.ru

Светличная Влада Юрьевна – старший преподаватель краеведения Донецкого государственного университета управления.

✉: svetlichnaya.vlada@mail.ru

Струг Ольга Ивановна – магистр Брестского государственного университета им. А.С. Пушкина.

✉: svfbg@tut.by

Трощинская-Степушина Татьяна Евгеньевна – кандидат филологических наук, методист отдела образования, спорта и туризма администрации Октябрьского района г. Витебска.

✉: astrid_2000@tut.by

Усова Нина Васильевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры германской филологии Донецкого национального университета.

✉: usovanamen@rambler.ru

Усова Оксана Олеговна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой краеведения Донецкого государственного университета управления.

✉: usova.64@mail.ru

Федотова Ксения Сергеевна – аспирант кафедры общего языкознания и истории языка им. Е.С. Отина Донецкого национального университета.

✉: ks-weiss@mail.ru

Цветкова Елена Вячеславовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры отечественной филологии и журналистики Костромского государственного университета.

✉: elv15@list.ru

Шапошников Александр Константинович – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела этимологии и ономастики Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН.

✉: possidima@gmail.com

SUMMARIES

GENERAL ISSUES OF ONOMASTICS AND ONYMOGRAPHY

Ivanova Nadezhda Ivanovna

Donetsk Pedagogical Institute, Donetsk

STATUS OF PROPER NAMES IN THE CULTURAL ANNER-VALUED SYSTEM

The article discusses the question of onim nomination that is determined by the unique mental, associative and imaginative powers of the subject and is the distinctive sign of the cultural-linguistic community.

Key words: proper names, nomination, associations, cultural-linguistic community.

Fedotova Kseniya Sergeyevna

Donetsk National University, Donetsk

ABOUT MATERIALS TO THE DICTIONARY OF PO- ETONYMS IN A POETRY BY NIKOLAY GUMILEV

Purpose and objectives of the lexicography of onym sphere of writer's language have been described. Macro- and microstructure of the dictionary of poetonym in a poetry by Nikolay Gumilev have been proposed. Compulsory and facultative components of the dictionary item have been mentioned.

Key words: lexicography, poetonym, poetonymography, Nikolay Gumilev.

Gerasimenko Irina Anatoliyevna

Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky

In Nōminum Spatio (В пространстве имен)

ERGONIMICON OF THE MODERN CRIMEA

The article deals with the characteristics of the South Coast of Crimea ergonimicon. The aim of the article is to describe the language means actualization of ergonimicon key clusters.

Key words: ergonimicon, Crimea, geographical and cultural peculiarities.

Evseeva Olga Sergeyevna

Zaboriye Secondary school, Smolensk region

NATIONAL AND CULTURAL SPECIFICITY OF TOPO- NYMIC VOCABULARY

(ON THE MATERIAL OF THE
SMOLENSK-VITEBSK FRONTIER)

The basis of a linguistic community territories that cooperate in the Smolensk-Vitebsk frontier, is their common historical past, which gives rise to ethnic-cultural identity on the frontier, manifested for a long time in the cultural and economic life of the peoples of the territory, in anthroponymical, as well as in the geographical names of the border zone. The study of toponymy of the Smolensk-Vitebsk frontier, aimed at identifying national-cultural specificity of Russian and Belarusian mentalities.

Historical linguistic community of the Smolensk-Vitebsk frontier, evidence of the once common toponymic stratum of the territory. Recently there has been the emergence of differences, which reinforces the manifestation of national-cultural specificity in toponymy.

Key words: proper name; of toponymic vocabulary; national and cultural specificity; Russian language; Belarusian language; the Smolensk-Vitebsk frontier.

Iliadi Alexander Ivanovitch

Kirovograd State Pedagogical University

NOT SLAVIC LEXEMES IN THE DON RIVER HYDRONYMY: ETYMOLOGICAL ETUDES

The article deals with the etymological analysis of several East-Slavonic hydronyms, which presumably belong to Iranian

II Международные ономастические чтения им. Е.С. Отина

substrate and this supposition can be reconciled to the famous linguistic conclusions about Iranian heritage in some hydronymical areas of Russia and Ukraine. For each of analyzed hydronyms is with varying degrees of probability reconstructed an archaic East-Iranian prototype reflected in it. Each etymological etude is dedicated to reconstruction of a prototype. It is particularly presumed the Sarmatian-Alan origin such hydronyms as: *Богана*, *Багана* = **bag-āna*, *Каркагон* = **karka-xan-/karka-kan-*, *Марефа* = **marāf*, *Сура* = **sūra*, *Богучар* = **vahu-čar*, *Ворго́л* = **varg-al-*.

Key words: etymology, prototype, structure, hydronym, reconstruction.

Pershina Klavdiya Vasiliyevna

Donetsk National University

THE STUDY OF TOPONYMY OF DONBASS: SEPARATION OF URBANITY AND MICROTOPYNYMS

Discusses the place of urbanity in the linguistic space of the city, examines ratio of linguistic graduate and linguistic studies suggests approaches to the delineation of urbanity and microtoponyms.

Key words: language city, linguistic study of local lore, urbanonym, microtoponym.

Shaposhnikov Alexander Konstantinovich

Department of etymology and place names study
Institute of Russian language V. V. Vinogradov of the
Russian Academy of Sciences

HISTORICAL TOPONYMY OF NOVOROSSIA IN “VIAJES POR EL IMPERIO DE RUSIA” BY COUNT FRANCISCO DE MIRANDA (07.10.1786 - 06.09.1787)

One of the most interesting and informative texts of “Ekaterina’s Golden Age” in which the western areas of Russian empire from Kherson, Kremenchug, Kiev, Moscow up to Saint Petersburg, Vyborg and Kronstadt are described in detail, belongs to extensive literary heritage of Francisco de Miranda (1750–1816), the well-known Spaniard from Caracas, Venezuela*. The place names of Novorossia are organized in alphabetical order,

In Nōtinum Spatio (В пространстве имен)

some of them are useful additions to the map by Santini (1777) and the map of the Cameral description (1784). F. de Miranda's notes give useful information on condition and general view of mentioned objects, inform some realities which have not been noticed by other researchers of Taurida. Etymology is given, where it is necessary, as well as other information and interpretation of a place name.

Key words: place name, river name, etymology, denote, designate, barbarism.

ISSUES OF PROPER NAMES FOUNDINGS. ONOMASTIC PERIPHERY

Kiseleva Elena Vyacheslavovna
Donetsk National university

ENGLISH-LANGUAGE BLOGOSPHERE AS A SOURCE OF NONCE PROPER LEXICS

Word-building potential of blogging, being a completely new type of communication between people shows a sufficient activity in nonce proper names and nonce words derived from proper names word-formation. The author investigates description of lexical and morphological features of the English-language blogosphere within definite chronologic frames, namely, in the period of pre-election presidential race in the USA and it is limited to the period of one year (September 2015 - September 2016).

Key words: nonce proper and nonce words derived from proper names word-formation, English-language blogging, blogosphere, nonce words lexics.

Razumov Roman Victorovitch
Yaroslavl' State Pedagogical University

THE PECULIARITIES OF THE SYSTEM OF ERGO- NYM PROVINCIAL TOWN OF 1980-S

The article discusses the ergonymy of the provincial town of Rybinsk and Yaroslavl 1980-s, identifies the types of ergonyms, comparative characteristics of ergonyms. The author traces the history of this type of proper names

II Международные ономастические чтения им. Е.С. Отина

Key words: onomastics, a proper name, city onymic space, ergonym, province.

POETONYMOLOGY (LITERARY ONOMASTICS)

But-Gusaim Svetlana Feodosiyevna
Brest State University

NATIONAL AND CULTURAL PECULIARITY OF THE ANTHROPONYMIC SPACE IN THE HISTORICAL PROSE BY BREST WRITERS.

The article considers the usage of the anthroponyms, which carry valuable information about material and spiritual culture of the Belarusians, in the historical prose by Brest writers. The range of semantic and formal variety of proper names is defined. The author describes talking surnames of the characters, defines the ways of actualizing the inner form of this type anthroponyms. The article gives the thematic groups of nicknames, analyzes the ways of forming evaluative-characterizing names of characters. Special attention is given to interpreting semantic and emotional-expressive opportunities of anthroponyms.

Key words: literary and art onomastics, onim, anthroponym, poëtonim, surname, nickname.

Kakzanova Evgeniya Mikhaylovna
Peoples' Friendship University

THE KINDS OF ONYMS IN ANNA AKHMATOVA'S CRIMEAN POEM

The vocabulary of the proper names in the Anna Akhmatova's early poem "By the sea" (1914) is analyzed. Although, the proper names encountered in the poem are rather few, their types are quite various. We selected anthroponyms (as a nucleus of an onomastics), toponyms, namely, an astionym and an urbanonym (as a near-nuclear onomastic space), and geortonyms and an ekzonym (as an onomastic periphery). The background onyms implied in the artwork will be discussed. The anthroponyms allude to the environment the heroin finds herself in, as well as to her emotional state; the toponyms and katoykonyms refer to a mise

In Nōtinum Spatio (В пространстве имен)

en scene and its spatial features; geortonyms and a khrononym circumscribe the period of time; and, finally, an ekzonym in the poem is responsible for a cultural component.

Key words: proper names, onomastics, poem, Anna Akhmatova, background onyms

Minina Elena Vladimirovna

Gorlovka Institute for Foreign Languages

SEMANTIC AND FUNCTIONAL MEANING OF KEN
FOLLETT “FALL OF GIANTS”’S POETONYMS

The article is devoted to the study of Ken Follett “Fall of Giants”’s poetonyms. Semantic and functional meaning of poetonyms is determined, their semantic and etymological features being revealed and analysed.

Key words: poetonym, antropoetonym, topopoetonym, chronotope, common name.

Rodionova Larisa Petrovna

Smolensk State University

REMINISCENCES AND PRECEDENT NAMES IN A
NEW INCARNATION IN THE PROSE
OF THE A. BELYANIN

This article examines the precedent proper names and literary allusions found in science-fiction novels A. Belyanin’s, the relationship of selected personal names with contexts and characters.

Key words: A.O. Belyanin; literary text; genre of modern fantasy; his own name; precedent name; the literary allusions; the specificity of the proper names in the fantasy genre.

Strug Olga Ivanovna

Brest State University

PROPER PERSONAL NAMES IN THE CONTEXT OF
LITERARY WORKS BY VALENTINA KOVTUN

II Международные ономастические чтения им. Е.С. Отина

The article analyses the diapason of sense and formal variations of proper personal names, which are an essential element of ideological and thematic content of a literary text and an important means of nomination, characterization and evaluation of the characters in V. Kovtun's literary works. Special emphasis is given to understanding of the role of context in showing the semantic and emotional-expressive potential of poetonims. The article defines the functions of literary characters' personal names in V. Kovtun's works.

Key words: literary and art onomastics, onim, anthroponym, pagan anthroponym, Christian anthroponym.

Troschinskaya-Stepushina Tatiana Evgeniyevna

Department of Education, Sport and Tourism of Vitebsk Administration

THE NAMELESS AS THE WAY THE CATEGORY
OF THE CHARACTER IN MODERN BELARUSIAN
RUSSIAN PROSE

The article is devoted to the category of the nameless way of naming the character of the artistic text. The research is based on works of modern Belarusian authors writing in Russian: A. Andreev, V. Kazakevich, A. Gerashchenko, E. Popova, E. Skobelev. Category of the nameless is interpreted in a broad sense represents all the transformations in the naming on the scale of the category from the actual name up to the lack thereof. It is proved that in works of different authors, the absence of marks of different aspects of the image: the physical non-existence of metaphysical existence ("otherness"), lack of individuality etc. it is proved that the nameless, as a complex, semantically heterogeneous linguistic phenomenon not only serves as a way of naming a character, and create original artistic images in modern of the Belarusian Russian-language prose.

Key words: nameless, category, character, fiction.

Ussova Nina Vasiliyevna

Donetsk National University, Donetsk

POET AND NAME

In Nōminum Spatio (В пространстве имен)

Author's reflections of Russian poets A. Blok, M. Tsvetayeva, O. Mandelshtam on subject matter of a name are considered. The opinion of poets concerning seat and roles of a proper name for poetry is identify.

Key words: name, poet; poem, sign, symbol; proper name.

Usova Oksana, Svetlychnaya Vlada
Donetsk State University of Management

AS ANTROPOETONYMS ELEMENTS ZHANROO-
BRAZUYUSCHEY ARTISTIC VOCABULARY WORKS
(ON MATERIAL NOVELL AND STORIES
V. PODMOHYLNOHO)

Article posvyaschena study zhanroobrazuyushey rolls antropoetonymov in leksycheskoy organization novells and stories. Osuschestvlen analysis of the study poetonymosfere works how vazhnoy zhanrozavysymoy categories. Proanalyzyrovan antroponymykon novell and stories V. Podmohylnoho, something pozvolylo the select features s manifestations genre originality.

Key words: antropoetonym, zhanroobrazuyuschy an intimation, zhanrove features, novella, story, zhanrozavysymaya role nomynatsyonnaya tseepochka, nomynatsyonnaya system poetonymosfera.

Tsvetkova Yelena Vyacheslavovna
Kostroma State University

TOPONYM *CRIMEA* IN PLAYS BY ALEXANDER OS-
TROVSKY AND IN KOSTROMA TOPONYMY

The characteristic of toponym Crimea, used in speech of characters of a few plays by Alexander Ostrovsky, as well as of microtoponym Crimea, presenting in toponymic system of Kostroma land, are given in the article.

Key words: toponym, microtoponym, toponymic medium, toponymic system, toponym Crimea, plays by Alexander Ostrovsky.

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия

<i>В.М. Калинин</i> (Донецк). Задачи Донецкой ономастической школы сквозь призму филологического краеведения Донбасса	4
---	---

Общие вопросы ономастики и ономографии

<i>Н.И. Иванова</i> (Донецк). Статус онимов в культурно-ценностной системе	11
<i>К.С. Федотова</i> (Донецк). О материалах к словарю поэтонимов в поэзии Николая Гумилева	25

Антропонимика. топонимика

<i>Е.Е. Вертейко</i> (Минск, Беларусь). Мужской православный именьник на пограничье Беларуси и Польши	35
<i>И.А. Герасименко</i> (Симферополь). Эргонимикон современного Крыма	49
<i>О.С. Евсеева</i> (Заборье, Смоленская область). Национально-культурная специфика топонимической лексики (на материале смоленско-витебского приграничья)	53
<i>А.И. Илиади</i> (Кировоград). Неславянская лексика в гидронимии Дона: этимологические этюды	61
<i>К.В. Першина</i> (Донецк). Об изучении топонимии Донбасса: разграничение урбанонимов и микротопонимов	68
<i>А.К. Шапошников</i> (Москва). Историческая топонимия Новороссии в Viajes por el Imperio de Rusia графа Франсиско де Миранда (07.10.1786 - 06.09.1787)	75

Вопросы ономообразования и ономастическая периферия

<i>Е.В. Киселева</i> (Донецк). Англоязычная блогосфера как источник окказиональной ономастической лексики	89
<i>Р.В. Разумов</i> (Ярославль). Особенности системы эргонимов провинциального города 1980-х гг.	98

In Nōtinum Spatio (В пространстве имен)

Поэтонимология

С.Ф. Бут-Гусайм (Брэст, Беларусь). Ацыянальна-культурная адметнасць антрапанімічнай прасторы гістарычнай прозы берасцейскіх пісьменнікаў	107
Е.М. Какзанова (Москва). Виды онимов в крымской поэме Анны Ахматовой	121
Е.В. Минина (Горловка). Смысловая и функциональная нагрузка поэтонимов в романе Кена Фоллетта «Падение гигантов»	128
Л.П. Родионова (Смоленск). Реминисценции и прецедентные имена в новом воплощении в прозе А.О. Белянина	134
О.И. Струг (Брэст). Уласныя асабовыя іменны ў кантэксте твораў Валянціны Коўтун	144
Т.Е. Трощинская-Степушина (Витебск). Безымянность как способ номинации персонажа в современной белорусской русскоязычной прозе	156
Н.В. Усова (Донецк). Поэт и имя	165
О.О. Усова, В.Ю. Світлична (Донецьк). Антропое-тоніми як елементи жанроутворюючої лексики художнього твору (на матеріалі новел і оповідань В. Підмогильного)	171
Е.В. Цветкова (Кострома). Топоним Крым в пьесах А.Н. Островского и в костромской топонимии	181
Сведения об авторах	189
Summaries	192

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

Калинкин Валерий Михайлович

Технический редактор

Федотова Ксения Сергеевна

Адрес редакции:

ул. Калужская, д. 6, г. Донецк, 83003,

ФГИИ «Азбука»

Наш сайт (Донецкая ономастическая школа):

azbuka.in.ua